
ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Выступает академик, вице-президент АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии М. Д. Миллионщиков.

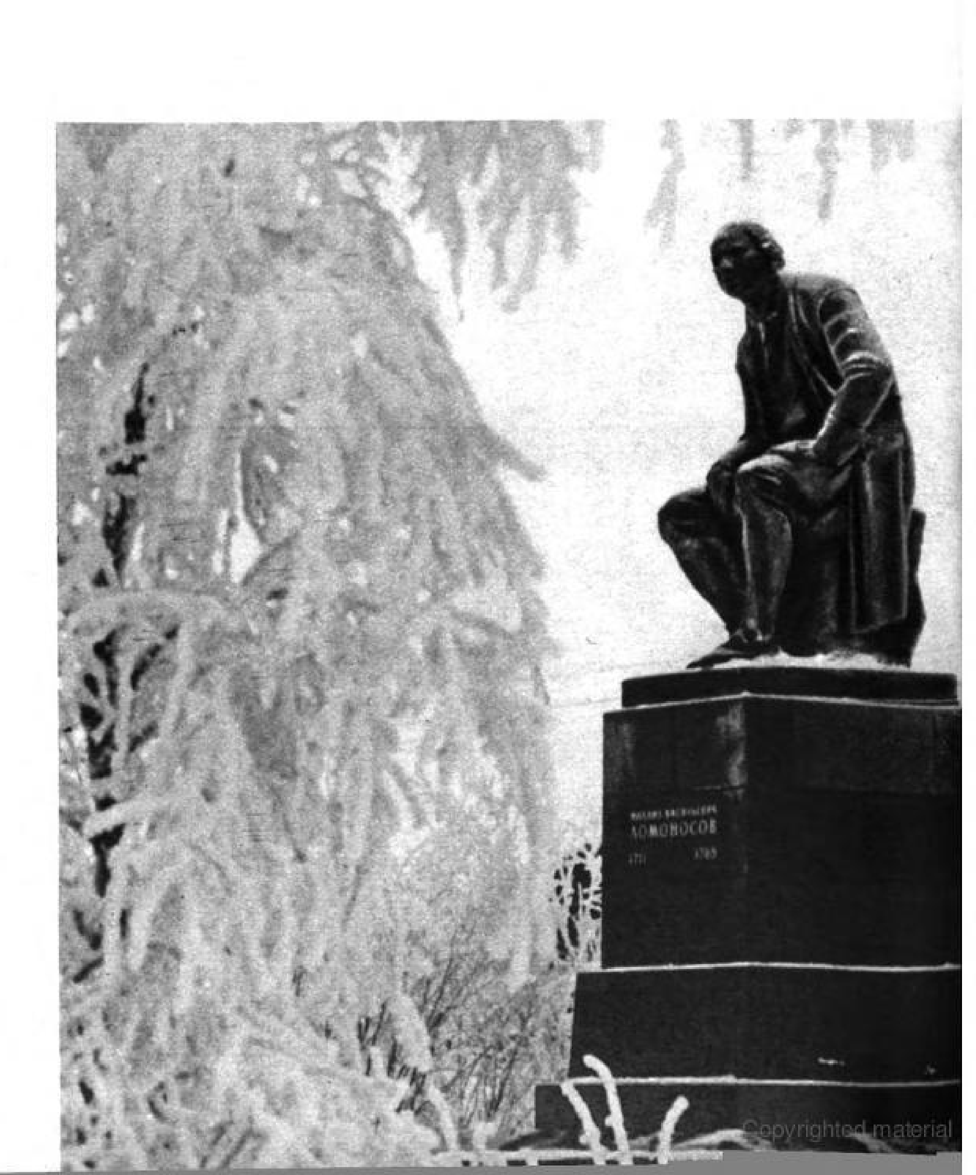
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (2221)

Основан
1 апреля 1923 года

24 ЯНВАРЯ 1970

Copyrighted material

Зима-зимушка...

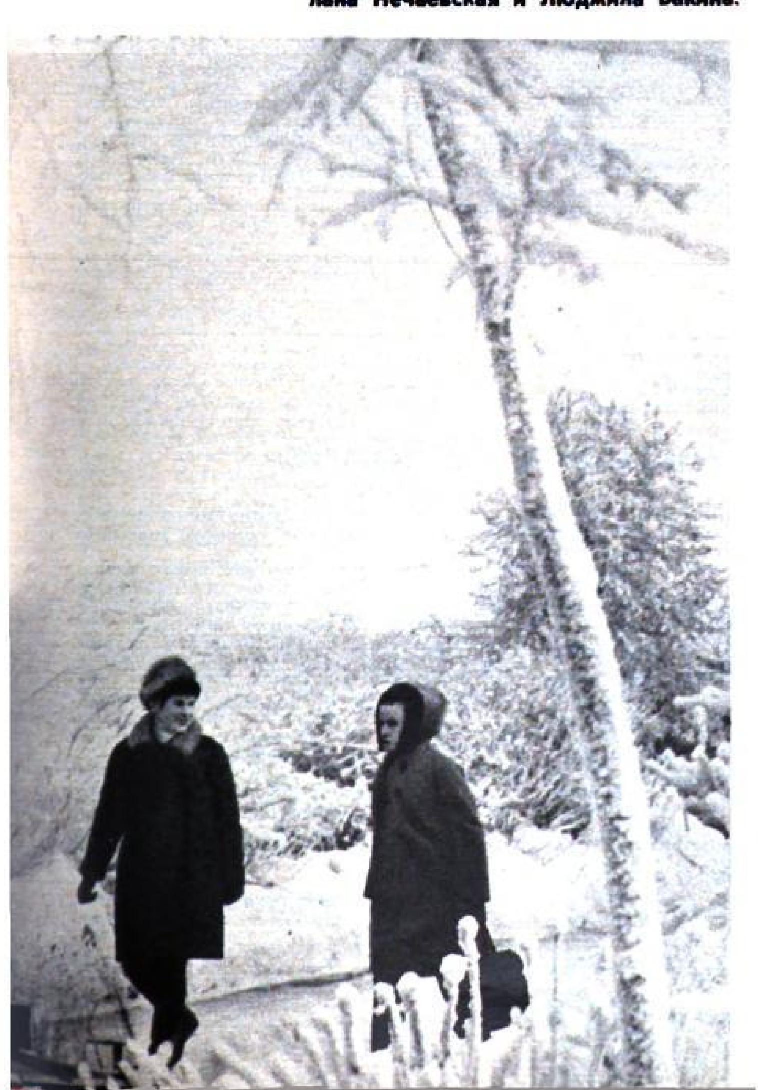
В ЧЕСТЬ ВЕЛИКОГО ЗЕМЛЯКА

Б. КУЗЬМИН, К. ЧЕРЕВКОВ, специальные корреспонденты «Огонька»

...Холмогоры. Отсюда до родины первого русского академика рукой подать. Надо только пересечь скованную льдом реку Курополку и подняться на прибрежный холм. В то зимнее утро наконец-то появился на берегу дорожный знак — автомобильное движение по льду открыто. Это было очень кстати. В селе Ломоносове ожидался приезд гостей — министров и академиков, историков и физиков, химиков и геологов,— приглашенных на первые торжественные Ломоносовские чтения.

Морозно. Безветренно. Под тяжестью инея березки склонили свои мохнатые белоснежные ветки. Неторопливо, прямыми струями тянется из печных труб густой белый дым. Фасады просторных деревянных домов с веселыми мезонинами обращены к солнцу. Пожалуй, таких светлых домов нам еще не приходилось видеть нигде. В каждом — полтора десятка, а то и больше окон, широкой, ровной полосой опоясывающих избы с трех солнечных сторон.

Ломоносовские стипендиатки Светлана Нечаевская и Людмила Бакина.

Холмогорка Наташа Ряснянская решила стать педагогом, она учится в Архангельском пединституте.

Открывал торжественные Ломоносовские чтения первый секретарь Архангельского обкома КПСС Б. В. Попов.

Построек, возведенных тут при жизни Ломоносовых, естественно, уже нет. Однако сохранился до наших дней пруд-сажалка. В нем Василий Дорофеевич, отец ученого, разводил рыб. Чуть дальше пруда-сажалки — сад; аллея выводит из него к деревянному одноэтажному большому дому. Это — бывшее сельское училище, ему немногим больше века. Оно основано в ту пору, когда отмечалось столетие со дня смерти ученого. Сейчас в этом доме мемориальный музей М. В. Ломоносова. Современная школа-восьмилетка — на другом конце села. Она тоже носит имя великого Ломоносова.

По установившейся традиции девочки и мальчики, оканчивающие восьмой класс, в торжественной обстановке вручают школьный звонок первоклассникам. Раз в год школьными аудиториями становятся залы мемориального музея, где проводятся открытые ломоносовские уроки.

В селе есть еще одна школа, редкая, необычная. Готовит она отменных мастеров художественной резьбы по кости. Этим искусством в совершенстве владели холмогорцы еще в семнадцатом веке. Резьбой занимался в селе и Федот Иванович Шубной, впоследствии талантливый скульптор Шубин. Косторезный промысел возродили в советское время, когда в селе открыли специальную школу и фабрику. Художественные изделия, созданные здесь, не раз удостаивались золотых наград на выставках в Париже, Брюсселе, Монреале. В эти дни потомственный косторез Александр Степанович Гурьев собирается лететь в Японию, чтобы показать там произведения холмогорцев.

Стоит в селе памятник. Ломоносов будто вглядывается в родное село, совсем не похожее на то, по улицам которого бегал он мальчишкой. По заснеженной дороге спешат тягачи, автомашины. Их ждут на фермах совхоза, известного своим племенным холмогорским молочным скотом.

У памятника мы встретили студенток Светлану Нечаевскую и Людмилу Бакину. Обе — ломоносовские стипендиатки. Приехали в выходной побродить по селу, посмотреть музей. Потомкам Ломоносова не обязательно ехать учиться в Москву или Ленинград. В Архангельской области, где до Октября более половины населения не умело писать и читать, сейчас три крупных вуза — педагогический, медицинский, лесотехнический — и 26 средних специальных учебных заведений. В них — 35 тысяч студентов. Выбор есть. Нечаевская избрала педагогический, а Бакина — лесотехнический.

Северяне горды своим земляком. «Влияние его гения, его труда,— говорил академик С. И. Вавилов,— неизмеримо... Наша Академия наук получила свое настоящее бытие и смысл только через Ломоносова».

Двести с лишним лет назад, выражая уверенность, что Великий Северный Морской путь будет проложен русскими, Михаил Васильевич писал:

Колумбы Россские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку Держава.

Однако ученый не мог, конечно, предполагать, что в тридцатых годах двадцатого века в его родных местах возьмет старт советская экспедиция, возглавляемая И. Д. Папаниным, и именно этой экспедиции представится честь подтвердить и доказать ломоносовскую теорию большого ледового дрейфа в Северном Ледовитом океане.

«По многим доказательствам заключаю,— говорил Михаил Васильевич,— что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура...» Это, как и многие другие предсказания ученого, актуально звучит и сегодня. В канун 1970 года министр геологии СССР академик А. В. Сидоренко, первый секретарь Архангельского обкома КПСС Б. В. Попов, специалисты-геологи знакомились с разработкой бокситов на Северо-Онежском месторождении. Эта отрасль горнодобывающей промышленности создается в области по директивам XXIII съезда КПСС.

Разбуженный Октябрем Север изумляет мир своими минеральными богатствами. Он дает апатиты, никель, медь, уголь, нефть, газ, золото, олово, алмазы, лес, бумагу... Но северяне знают, что далеко еще не все природные богатства открыты. Они помнят заповедь своего великого земляка-ученого:

Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет...

Эти слова, выведенные на большом полотнище, встречали каждого, кто приходил в Архангельский драматический театр на торжественные Ломоносовские чтения.

Ломоносовские чтения начались в Холмогорах, институтах и совхозе, носящих славное имя. На заключительные торжественные чтения в Архангельск приехали видные ученые из многих городов страны. О Ломоносове как основоположнике русской исторической науки прочитал доклад доктор исторических наук, профессор, ректор Архангельского педагогического института Г. Г. Фруменков. Академик, вице-президент АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии М. Д. Миллионщиков рассказал о советской науке, развивающейся в тех направлениях, которые предвосхитил М. В. Ломоносов. Об изучении месторождений нефти, газа, полезных ископаемых в архангельских землях говорил министр геологии СССР А. В. Сидоренко.

На чтениях шла также речь о научно-техническом прогрессе, наиболее рациональном использовании природных ресурсов, о развитии биологической науки. С интересом было встречено выступление первого секретаря Архангельского обкома КПСС Б. В. Попова. Он сообщил, что Ломоносовские чтения будут отныне проводиться ежегодно и станут традиционными.

НАША ЖИЗНЬ ЯЗЫКОМ СТАТИСТИКИ

С 15 по 22 января в стране проходила Всесоюзная перепись населения.

БОЛЬШОЙ СЧЕТ

...К нам на квартиру пришел студент с восьмигранным значком Всесоюзной переписи населения 1970 года на лацкане и с аккуратным портфелем. Обстоятельно, неторопливо он заполнил один за другим переписные листы и, попрощавшись, позвонил в соседнюю квартиру...

Счетчики побывали буквально всюду. Перепись проходила и в поездах, и в аэропортах, и на дальних стойбищах оленеводов, и в геологических партиях. И, конечно, в каждом доме.

По дороге в памирский кишлак Кудара счетчикам пришлось преодолеть пятьсот километров по горным дорогам и два труднопроходимых перевала близ Сарезского озера. В московском Чертанове они обошли только что заселенные многоквартирные корпуса. Побывали счетчики и в тех местах, где ходил с переписными листами А. П. Чехов в 1897 году. «У нас перепись,— сообщал он в одном из писем.— Выдали счетчикам отвратительные чернильницы, отвратительные аляповатые знаки, похожие на ярлыки пивного завода, и портфели, в которые не лезут переписные листы...»

...Немногим более десяти лет прошло со времени предыдущей Всесоюзной переписи. За эти годы выросло немало новых городов, рабочих поселков, сел. Появились и новые профессии. Все те изменения, что произошли за это время, и отразили переписные листы.

В нынешней переписи участвовало около 700 тысяч переписных работников. Только счетчиков — тех, которые ходили по домам, — 550 тысяч. Они получили почти 5 миллиардов ответов. Все сведения переносятся в итоговые таблицы.

В Центральном статистическом управлении страны уже готовы начать работу машины «Минск-32». К ленинскому юбилею предполагается получить первые результаты переписи. Но, конечно, несмотря на современную вычислительную технику, подведение итогов потребует немало времени. Состоятся и контрольные обходы и уточнение переписных листов, если они хоть чуть неточные, если хоть что-то вызывает сомнения.

К. КОСТИН

В селе, где родился кобзарь

Украина. Село Моринцы... Здесь в начале минувшего века в убогой хате крепостного крестьянина родился великий кобзарь, народный поэт Тарас Шевченко.

Я шагаю по улицам этого села вместе с теми, кто ведет здесь перепись населения. Какие разительные перемены произошли в жизни людей да и в самом облике села! Давно исчезли соломенные стрехи. Моринцы перестраиваются по единому генеральному плану. Тут уже построили более 200 новых домов. В центре возвышаются двухэтажные. В каждом третьем доме — голубые экраны телевизоров; в каждом четвертом — газ; в каждом втором — стиральная машина. В селе — гостиница, универмаг, две библиотеки, Дворец культуры, Музей Т. Г. Шевченко, новый стадион, школа-десятилетка. Все это, конечно, в переписных листах не отразишь.

Из села, которое было почти полностью неграмотным, при Советской власти вышли 132 учителя, 86 специалистов сельского хозяйства, 39 инженеров. Почти тысяча земляков кобзаря получили среднее и высшее образование. 226 тружеников села в графе «образование» запишут: «высшее».

Так они живут сегодня, правнуки великого Тараса Шевченко.

Н. ГУРИН,
корреспондент газеты «Радянська Україна»

▲ Этот снимок сделан в Москве. Счетчики 4-го переписного отдела Тимирязевского района Лариса Зубкова, Валентина Кузнецова и Елена Иньшакова идут на свои участки.

Фото М. Савина, В. Сальмре и Фотохроники ТАСС.

Таллин, улица Пикк...

В небольшом помещении на улице Пикк с утра до вечера очень оживленно. Здесь находится статистическое управление Таллина, сюда приходят все результаты переписи по городу. Начальник управления Эйну Рейтснин рассказывает:

— У нас, в Таллине, все счетчики — студенты. Будущие инженеры, педагоги, художники и музыканты с ходу взяли такой темп, что уже в первые два дня мы переписали треть таллинского населения. В нашем городе со времени последней переписи появилось много новых адресов. Пока могу сказать вам только приблизительно: население Таллина за это время увеличилось на 25 процентов: в 1959 году было 281,7 тысячи, теперь же перешагнуло за 360 тысяч. Появилось три новых микрорайона: Ласнамяэ, Мустамяэ, Сыле. Для переписи город разделен на 104 инструкторских участка, и мы подсчитали: счетчики за день переписывают по 90 человек.

Эстония — морская страна, поэтому ее морскому населению статистики уделяют особое внимание. Уполномоченный тралового флота Анатолий Петрович Давыдов вынимает из портфеля анкеты особого образца и сообщает, что в первые два дня он успел связаться по радио с 44 кораблями. Многие из них сейчас тралят рыбу в северной и южной Атлантике.

— В сведениях по переписи наших рыбаков,— отмечает Анатолий Петрович,— мне показалось вот что интересным: раньше в траловый флот шли парни с начальным образованием, теперь сорок процентов из них имеют образование среднее, многие заочно учатся в море, невзирая ни на лов, ни на шторм.

Эстония — одна из самых маленьких республик СССР. И все-таки перепись прошла в 57 городах и городках, в 235 сельсоветах, в 345 так называемых «закрытых» учреждениях типа санаториев, интернатов, больниц и еще в 192 гостиницах.

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

Таллин. Счетчики — студенты педагогического института — подводят итоги дня.

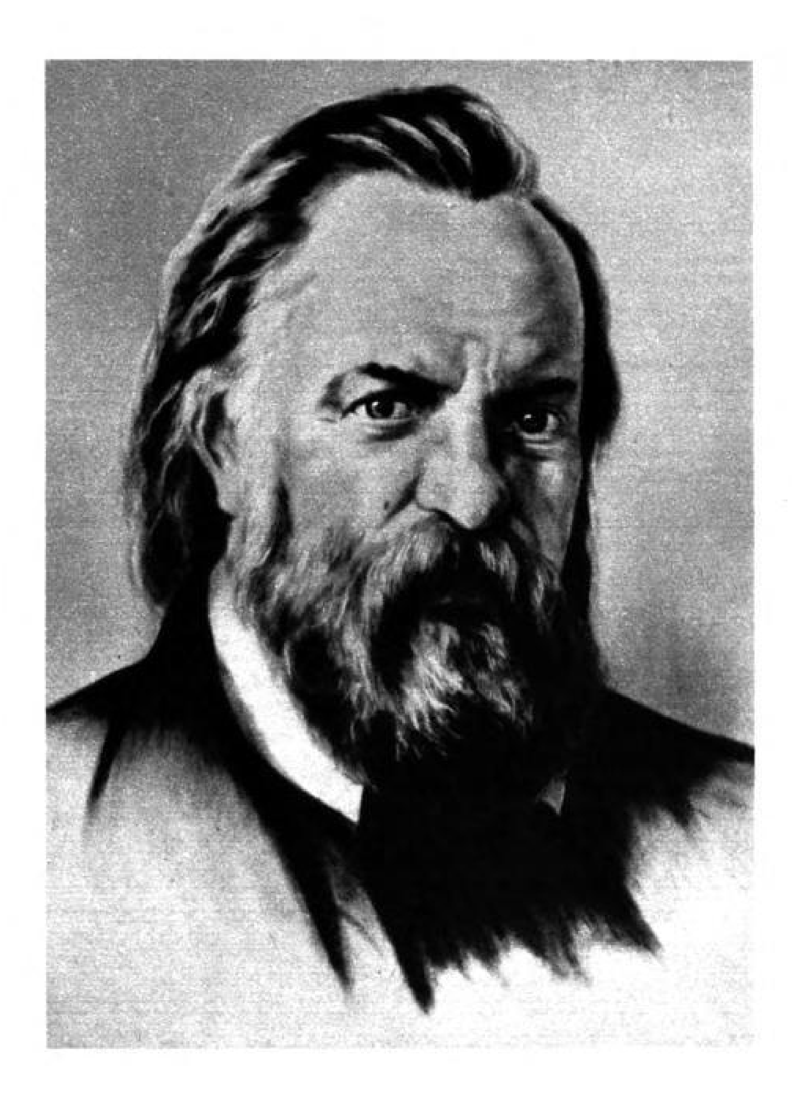
●

На квартиру известного в Молдавии строителя Владимира Кузьмича Топало пришел счетчик. Графу за графой заполнил он переписные листы. Большие изменения произошли со времени предыдущей переписи в семье каменщика. Он удостоен звания Героя Социалистического Труда, окончил строительный техникум и теперь возглавляет один из участков треста «Кишиневстрой». Жена Владимира Кузьмича, Галина Сергеевна, работает начальником производства одной из столовых Кишинева и заочно учится на четвертом курсе технологического факультета Московского института советской торговли. У супругов Топало двое детей: сын Сережа и дочь Марина. На снимке (слева направо): В. Топало, Сережа, счетчик А. Калуцкий, Галина Сергеевна и Марина.

В одном из отделений роддома медсанчасти Ульяновского автозавода. Счетчик акушерка М. Сологуб и заведующий отделением В. Мельников ведут перепись самых маленьких граждан города.

В январе 1970 года исполнилось сто лет со дня смерти великого русского революционного демократа, философа-материалиста, писателя и публициста Александра Ивановича Герцена. Он оставил глубокий след в русском революционном движении и, по словам В. И. Ленина, сыграл великую роль в подготовке русской революции. Герцен, пройдя сложный и мучительный путь противоречий, одним из первых заговорил о месте России в общем революционном движении, стремился найти в русской жизни предпосылки для осуществления социалистических начал.

Владимир Ильич писал: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории;— учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции».

«ВЕРА В РОССИЮ СПАСЛА МЕНЯ...»

Герцен покинул Россию в 1847 году и прожил на Западе почти четверть века, вплоть до смерти в 1870 году. Эту трагическую историю идейного и политического скитальчества можно лучше понять из слов самого Герцена: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину. Вера в Россию — спасла меня на краю нравственной гибели».

В биографии Герцена 1812 год — не только год его рождения, но и сложный исток его духовного развития. Сам он считал, что «подлинную историю России открывает собой лишь 1812 год; все, что было до того,— только предисловие».

Слишком видна резкость такого противопоставления великого события всей предыдущей истории России, и эта резкость любопытна как психологическая проблема самой личности мыслителя. Герцен и снимал же этот разрыв, когда говорил, что «народ — это мощная гранитная основа, скрепленная цементом вековых традиций». Явления прошлого нередко оценивались Герценом с публицистической злободневностью (как умалялась им допетровская, древнерусская культура), однако эта одномерность не доводилась до нетерпимости, до того теоретического самодовольства, когда тезис претендует заменить всю полноту культурно-исторического материала.

Но здесь важно отметить отношение Герцена к 1812 году как выражению невиданного исторического народного подвига. Именно это событие дало мощный толчок русскому национальному самосознанию, столетиями развивавшемуся и теперь получившему новую сложную фазу в противоречиях западников и славянофилов. Герцен считал себя западником, признавая, что со славянофилами «у нас была **одна** любовь, но не **одинакая**».

В «Былом и думах» он рассказывает о своей встрече с известным В. Печериным, когда-то профессором Московского университета, затем эмигрировавшим в Европу и перешедшим там в католичество. В. Печерин уезжал за границу с тем же ликованием, что и Герцен спустя десять лет. Ехал В. Печерин на подмогу европейским революционерам, мадзинистам, сен-симонистам и т. д., а кончил монахом в иезуитском монастыре. Читая его доводы, почему он не мог ужиться в России, в Москве, невольно вспоминаешь нашего первого «западника», молодого князя Хворостинина, перешедшего в смутное время на службу к первому самозванцу, возмущавшегося тем, что «на Москве людей нет, все люд глупый, жити не с кем». Но и этот «западник» по прошествии смуты с усердием принялся за сочинение, дабы доказать свою патриотичность и непричастность к самозванцу.

Воображаемые философские диалоги не лишены психологизма, и занимательно было бы представить разговор решившегося на эмиграцию Герцена с Сократом, не допускавшим в «Критоне» перед своей казнью мысли о бегстве из отчизны, какой бы она ни была. Герцен заявлял в своем обращении к друзьям на Руси («С того берега»), что он «принес все на жертву: **Человеческому достоинству, Свободной речи**». Ход был дан свободной речи. В России своим чередом рождались и зрели народные проблемы, созидалась великая культура, в полную силу начинали творить Достоевский, Л. Толстой. Герцен в своем «Колоколе» пропагандировал прогресс...

Оставалась, однако, незаполненною пустота, образовавшаяся в сознании вскоре же по приезде на Запад, когда разразился 1848 год и на западническом пиру Герцена наступило похмелье. Отныне Герцену кажется, что «роль **теперешней** Европы кончена; после 1848 года она разлагается с неимоверной быстротой».

Безнадежность усугубляется крушением семьи (строившейся Герценом также с верою в теоретическую ее незыблемость на правах эмансипации...) — об этом с мужественной откровенностью рассказано в «Былом и думах» в главе «Кружение сердца». «Личное» и «общее» бьются в одном саднящем сознание клубке. Моральный виновник разрушения герценовской семьи Гервег, ответивший вероломством на доверие,— для Герцена не только частный западный характер... Примирительным елеем нисходят на наболевшую душу воспоминания о России, о русских друзьях...

«По странной иронии мне пришлось... проповедовать на Западе часть того, что в сороковых годах проповедовали в Москве Хомяков, Киреевские... и на что я возражал»,— писал впоследствии Герцен в «Письмах к противнику». Европейское буржуазное мещанство вызывает эстетическое отвращение у Герцена отсутствием какой-либо идеальности, высших стремлений, духовной плоскостью, узостью интересов. Оно мертвящей посредственностью своей враждебно всяким творческим ценностям. «Есть камень преткновения, который решительно не берет ни смычок, ни кисть, ни резец... Этот камень преткновения — **мещанство...** Художник, который превосходно набрасывает человека совершенно голого, покрытого лохмотьями или до того совершенно одетого, что ничего не видать, кроме железа или монаше-

Copyrighted material

ской рясы, останавливается в отчаянии перед **мещанином во фраке».**

«Странная судьба русских — видеть дальше соседей...» — сказал Герцен об одном нашем наблюдателе европейской жизни, и это же самое можно сказать о нем самом. С разъедающим и грустным сарказмом дает он анализ духовной патологии европейского мещанства, где «все мельчает и вянет на истощенной почве», в своей книге «С того берега»; об этой книге автор говорит, что он «ничего не писал лучшего, и, вероятно, ничего лучшего не напишет». Вспоминается судьба другого русского. Герцен и Тютчев, оба блестящие «европейцы», прожившие в Европе не один десяток лет, кончили духовным возвращением в Россию, непримиримостью к европейско-буржуазной цивилизации.

Рассказывают, как в старину один наш соотечественник, прибывший за границу, все тамошние диковины измерял деревянным аршином. Это делалось до простодушия наглядно, в порядке индивидуальной любознательности. Гораздо больше претензий в другом случае,— когда побывавший (и даже не побывавший) на Западе «соотечественник» начинал мерить теоретическим западным аршином русскую жизнь. Герцен как бы отвечал таким «теоретикам»:

«Нормы, сложившиеся в нашей голове от изучения западной цивилизации, не обнимают собой, не уловливают отклонений и особенностей русского народного быта... Условия, свойства русской жизни, русского быта — иные, оригинальные, **свои».**

Теоретическая мысль самого Герцена не была самонадеянно застывшей, он знал то, что сам называл смирением перед истиной. Омертвлению в догматизме препятствовало и чутье мыслителя-художника.

Герцен считал «жизненным нервом нашего национального существования» общину и в ней, в этой общине, видел залог самобытного развития русского народа, залог его великой исторической роли.

Время разрушило герценовскую надежду на общину, но самая его вера в русский народ не оказалась ложной. Судить о народе в пределах одного исторического периода (в отрыве от «вековых традиций») теоретически можно, конечно, но реальность самой народной жизни при этом вряд ли затрагивается. Ведь и тот же самозванец в смутное время в своих планах окатоличивания русского народа мог бы теоретизировать о новой эре в истории России, зачеркивающей все прошлое, знаменующей расцвет новой культуры и т. д. И тот же ненавистный Герцену Бирон свое хозяйничанье на Руси вовсе не считал преходящим (опасность действительно грозная — бироновщина, которая, по словам историка С. Соловьева, как духовное иго, была более тяжелой для России, чем прежнее «иго с востока — иго татарское»). Влияния отдельных эпох (даже самых разрушительных) на народную жизнь и могут быть поняты именно как отдельные факторы, не снимающие основы «вековых традиций», о которых говорит Герцен. И как бы ни оценивались сами социально-нравственные искания русских мыслителей и художников, остается фактом поразительная устойчивость их интереса к русскому национальному характеру. Герцен на чужбине думает о «непочатой, цельной натуре русской», за которую «мы так страстно любим Россию». Меньше всего в этом восхищении было «племенного» эгоизма, но трезвость наблюдения и сопоставления открывала те особенности, которые в совокупности образуют психологический, точнее психический тип. Надо ли говорить, что речь идет именно об особенностях, а не о «превосходящих» качествах, о той самой неповторяемости, которою отмечена духовная жизнь каждого народа и которая накладывает неизгладимый отпечаток на строй мышления философа и художника.

«Мы не доказываем нашу народность, мы не боимся за нее... она такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный факт, что мы забываем ее, как дыхание, как биение сердца». И есть поучительное, глубоко трогательное в судьбе Герцена, который в своих мытарствах на чужбине сохранил в себе закваску этой народности с безграничностью ее идеала, неостановимостью моральных исканий.

М. ЛОБАНОВ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ГЕРЦЕНА

Правнук А. И. Герцена Леонард Рист не только передал в дар Государственному литературному музею реликвию — книгу Герцена с его портретом и автографом, подаренную писателем М. К. Рейхель, но и систематически обогащает фонды музея копиями материалов семейного архива, хранящихся за рубежом у потомков писателя. Ниже публикуется письмо А. И. Герцена, оригинал которого (на французском языке) хранится у Л. Риста в Версале.

Ни одно из многих писем Герцена к Людвигу Бамбергеру до сих пор не было опубликовано. Неизвестное доселе и печатаемое ниже письмо написано в тревожную осень 1850 года, когда царское правительство предложило Герцену вернуться на родину. Он отказался и искал для себя убежища.

В этот период Л. Бамбергер, видный деятель революции 1848 года и участник Пфальц-Баденского восстания 1849 года, эмигрировавший сперва в Швейцарию, а затем в Англию, был близок Герцену по своим воззрениям. Ответом на одно из писем Бамбергера была статья «Omnia mea mecum porto»[1], в которой Герцен хоронил развенчанные иллюзии буржуазной демократии. Статья эта, на которую Бамбергер дал в печати положительный отзыв, вошла впоследствии отдельной главой в книгу «С того берега». Высказываемая Герценом в письме мысль об обреченности буржуазно-феодального мира перекликается с основными постулатами статьи и написанным четырьмя годами позже «Посвящением» всей книги сыну Александру.

Вот несколько необходимых пояснений к письму.

Мориц Гартман — немецкий поэт и революционер — эмигрант. Мадам Дагу (д'Агу) — стареющая куртизанка литературно-художественного мира. Герцен с присущим ему остроумием обыгрывает псевдоним графини, припоминая и пророка Даниила в львином рву и классика английской литературы Стерна.

Арнольд Руге — один из видных деятелей немецкой эмиграции, издававший когда-то антиклерикальную газету в городе Галле. Герцен намекает на уступки позиций в его последних выступлениях.

Несмотря на последовавшее позднее резкое поправение Бамбергера, примкнувшего по возвращении на родину к политике Бисмарка, Герцен до конца жизни поддерживал с ним знакомство и переписку, ограничиваясь лишь деловыми вопросами и услугами.

[1] Все свое несу с собой (лат.).

В. ПОПОВ

Л. БАМБЕРГЕРУ

10 октября 1850 г. Ницца.

Сегодня, дорогой Бамбергер, я проснулся с утешительной мыслью, что всюду человек великая каналья, а как неизбежное следствие, я прибавил к этому: «Homo sum et nihil humani a me alienum puto»[1]. Как дошел я до того, что по лености не находил минуты, чтобы подать признак жизни своим друзьям? Когда у меня бывало дело, я являлся со своими письмами как скромный проситель, я брал самую красивую бумагу, самый вместительный конверт и относил письмо в почтовую контору за три часа до отхода почты, что бывало не столь полезно, сколь почтительно.

Да, человек — каналья, и если я не особенно настаиваю на таком определении моей особы, так только потому, что не решаюсь оскорбить человека, который числит меня в ряду своих друзей. Я прощаю себя ради Вас.

Два месяца тому назад я прочел несколько строк, написанных Вами в журнале Колачека по поводу моей брошюры,— они столь благожелательны, что мне трудно было сказать Вам что-либо, кроме слов признательности. Вам ясно, что представляет собою автор; он революционер, как все мы, следовательно desperatio[2] его только на словах и Вы правы. Но в этом-то заключается трагическая сторона нашего положения: в сущности мы не можем оторваться от трупа старого мира, wir müssen mitmachen[3] — это нелепость, но нелепость историческая, это наше проклятие. Следующему поколению, для которого наш скептицизм станет не чем иным, как предпосылкой, быть может, удастся действительно отвернуться от этого мира, а нам останется роль мужа, который презирает свою жену, но связан с нею вместе растраченною жизнью, воспоминаниями, Naturgewalt[4],— а публика, судящая по видимости, [будет] иметь право говорить, что семейная жизнь у них идет довольно хорошо.

Ничего нового, мы живем здесь самой спокойной жизнью. Словно на берегу Тихого океана; ...климат восхитительный; до сих пор здесь господствует терпимость и свобода.— Консул ...[1 сл. нрзбр] передал мне приказ Е[го] В[еличества] немедленно возвратиться. Я отказался. Вероятно последуют притеснения. Если же,— впрочем, я этого не допускаю,— захотят, чтобы я покинул Пьемонт, я переберусь в Лондон, чтобы сорвало. Я смог бы пробыть еще два-три года в этом благоуханном воздухе.

Прощайте, дружески целую Вас, пишите. Я слышал, будто Гартман находится в Париже и ухаживает за госпожой Дагу, юной шестидесятилетней особой, известной в литературном мире под звездным именем Даниила Стерна, всегда наводящим на мысль о львином рве и о льве английской литературы.

Вы даете некоторую надежду приезда на берега Средиземного моря. Мы все готовы Вас принять с распростертыми объятиями и раскупоренными бутылками.

Еще раз благодарю Вас. Гервег кланяется Вам; он, наконец, здесь с женой и детьми. Моя жена и Саша шлют Вам тысячу наилучших пожеланий.

Алекс. Герцен.

По случаю 25-летнего юбилея царствования Николая... я ему готовлю «ein douceur»[5], который, вероятно, появится у Колачека. А Руге — какие рычания раздавались им в адрес Провидения, редактором... [1 сл. нрзбр] газеты в Галле.

[1] Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).
[2] Отчаяние (лат.).
[3] Мы должны принимать в нем участие (нем.).
[4] Силой естества (нем.).
[5] Гостинец (австр.-нем.).

Copyrighted material

МЕТАМОРФОЗЫ ЛЕЙБОРИСТОВ

Владимир РЫЖИКОВ

...О нынешнем лидере английских лейбористов за последнее время написано немало книг как в самой Великобритании, так и за ее пределами. Недавно, когда я находился в Лондоне, одна из таких книг привлекла мое внимание, и прежде всего своим названием: «Премьер-прагматик. Интимный портрет Гарольда Вильсона». Ее автор, английский журналист Эрнест Кэй, задает вопрос: «Действительно ли Гарольд Вильсон все еще является социалистом?» И отвечает на него: «Сам Гарольд Вильсон о себе говорит так: «Да, я действительно социалист», после чего делает паузу и добавляет: «Британский социалист, конечно». Это маленькое, но весьма многозначительное добавление автор тут же расшифровывает. Вильсон, подчеркивает он, «не марксист и никогда им не был».

Скажем прямо — Эрнест Кэй не открыл ничего нового. «Социализм» по-лейбористски не имеет ничего общего с подлинно научным социализмом.

Когда осенью 1964 года лейбористская партия Англии шла на очередные парламентские выборы (в итоге которых, как известно, был положен конец тринадцатилетнему периоду правления тори), ее лидеры не скупились на щедрые обещания. Избирателей заверяли в том, что британские «социалисты» обуздают наконец монополии и построят общество «социальной справедливости» и «всеобщего благоденствия». Немало страстных речей было произнесено и о том, что Британия-де продолжает жить «не по средствам» и поэтому лейбористы после прихода к власти в первую очередь сократят ее военные расходы... Как видим, недостатка в красивых словах не было. А каковы же реальные дела кабинета Г. Вильсона?

1970 год жители Британских островов встретили в обстановке тревог и забот, в условиях резкого повышения стоимости жизни и падения покупательной способности фунта стерлингов. (Даже по официальным данным, стоимость жизни в Англии возросла, например, с января 1966 года по декабрь 1968 года на 12,3 процента.) Что же касается «социальной справедливости» по-лейбористски, то она обернулась печально знаменитой политикой «цен и доходов», в результате которой вот уже пять лет заморожена заработная плата трудящихся, а прибыли неуклонно лезут вверх. Только за один 1968 год доходы английских промышленных компаний увеличились более чем на 17 процентов. Таким образом, практические дела лейбористов, пришедших к власти за счет голосов трудового народа Англии, показывают, что интересы капиталистов и банкиров им дороже интересов трудящихся.

Суровая британская действительность полностью опрокидывает демагогию праволейбористских «теоретиков» о том, что в условиях создаваемого ныне в Англии «демократического социализма», видите ли, достигается «гармония между трудом и капиталом». Вот лишь один факт: в прошлом году промышленность Британии потеряла в результате забастовок более шести миллионов рабочих дней, что почти на два миллиона больше, чем в 1968 году!

Еще только вступил в свои права 1970 год, как лейбористский министр финансов Рой Дженкинс помчался в Соединенные Штаты. Он не скупился на реверансы перед владельцами американских финансовых сейфов. Ради чего? Ради того же самого. Ведь хорошо известно, что только лишь краткосрочные внешние долги Англии превышают три миллиарда фунтов стерлингов. И не удивительно, что одна из лондонских газет, сообщая о вояже Дженкинса в США, ехидно заметила, что он «поехал очаровывать банкиров». Ну, как тут не вспомнить одно весьма примечательное высказывание самого Вильсона, сделанное им, правда, в то время, когда его партия находилась в оппозиции. «Да,— говорил он в 1964 году,— мы можем делать займы... вы можете отдать в залог самих себя, но тогда не говорите о самостоятельной внешней политике...»

Но стоило только лейбористским министрам занять кресла на Уайтхолле, как выяснилось, что они также последовательно продолжают старую, обанкротившуюся внешнюю политику тори. Сомневаюсь, что кто-либо мог бы опровергнуть такие истины: официальный Лондон по-прежнему клянется в верности «атлантической солидарности»; поддерживает агрессию США во Вьетнаме; способствует укреплению позиций западногерманских милитаристов и реваншистов; взвинтил военные расходы страны до двух с лишним миллиардов фунтов стерлингов.

Руководители британского форин-оффиса с усердием, достойным лучшего применения, ставят сейчас палки в колеса делу созыва общеевропейского совещания по вопросам коллективной безопасности. Неужели в Лондоне полагают, что подобного рода акции способствуют росту авторитета Британии на мировой арене и делают ее внешнюю политику конструктивной и привлекательной?

Метаморфозы, метаморфозы... А ведь очередные парламентские выборы в Англии не за горами...

ИЗБРАННИК ПРЕЗИДЕНТА

Герман РОЗАНОВ

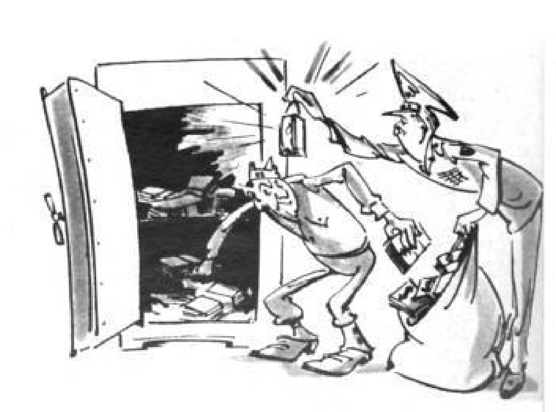
На окраине Западного Берлина в районе Шпандау расположено несколько зданий, обнесенных высокой стеной из красного кирпича. Предназначенное вначале для таможни, это сооружение много лет служило берлинской городской тюрьмой для уголовных преступников. Затем она стала местом заключения главных немецких военных преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом.

...Строго соблюдается тюремный режим. Сменяя друг друга, караульную службу несут советские, французские, американские и английские солдаты. Посторонним вход в тюрьму категорически запрещен.

Вот уже несколько недель на Западе развернута пропагандистская кампания: под предлогом «экономии средств» и «гуманности» тюрьму в Шпандау закрыть, а отбывающего там заключение нацистского преступника Рудольфа Гесса выпустить на свободу. Стремление некоторых кругов перечеркнуть приговор Нюрнбергского трибунала известно давно, но в эти дни обращает на себя внимание ажиотаж, поднятый вокруг освобождения Гесса. Это, естественно, заставляет задуматься и кое-что вспомнить из деятельности Гесса.

...10 мая 1941 года. До разбойничьего нападения гитлеровцев на Советский Союз считанные недели. Нацистские полчища занимают исходные рубежи для агрессии. Гитлер определяет день и час начала войны — 22 июня, 4 часа утра по восточноевропейскому времени.

Вечером десятого мая в небе Англии появляется двухмоторный немецкий истребитель «мессершмидт-110». Летчик выбрасывается на парашюте, самолет разбивается. К пилоту подбегает английский фермер. Первый представляется капитаном нацистских ВВС Хорном. Летчика сдали властям, а через несколько минут в загородной резиденции премьер-министра Англии Черчилля раздается телефонный звонок: «Гесс — в Шотландии». Да, под именем Хорна в Англию прилетел заместитель Гитлера по руководству фашистской партии, генерал СС и СА, член тайного со-

Copyrighted material

„Миссии Гесса"

вета и кабинета министров фашистского рейха Рудольф Гесс.

Так открылась еще одна страница гитлеровского «плана Барбаросса»: нацистское руководство стремилось парализовать действия Англии, чтобы без помех осуществить запланированную агрессию против СССР. Решение этой задачи, как полагали Гитлер и его окружение, требовало не только сугубой секретности, но и действий на самом высшем уровне.

Еще в студенческие годы Гесс помогал Гитлеру взбираться по ступеням власти в нацистской партии. Их дружба окрепла после того, как в одном из мюнхенских кабаков Гессу проломили голову пивной кружкой — он получил удар, предназначавшийся Гитлеру. После провала фашистского «пивного путча» Гесс вместе с Гитлером сидел в одной и той же камере тюрьмы Ландсберг и под диктовку фюрера печатал на машинке библию германского фашизма «Майн кампф». В фашистской Германии власть Гесса — «наци № 3», официального наследника Гитлера (после Геринга) — стала почти безграничной. Ни одно распоряжение, ни один закон рейха не имели силы, пока их не подписывали Гитлер и Гесс. На Нюрнбергском процессе приводился официальный документ, в котором говорилось: «Заместитель фюрера (т. е. Гесс.— Г. Р.) получает полную власть принимать решение от имени фюрера».

По разработанному плану Гесс должен был встретиться с руководителями английского правительства и предложить им широкую программу «мирного урегулирования» с фашистской Германией. В ночь с 9 на 10 мая 1941 года тысяча немецких самолетов произвела массированную бомбардировку английских городов. Именно на следующий день в Англии появился Гесс. Переговоры с Англией Гитлер намеревался вести «с позиции силы». Сначала собеседование с Гессом вел опытный дипломат Киркпатрик. Он знал лично Гесса еще во время своей службы в английском посольстве в Берлине. Гесс заверил Киркпатрика, что «пользуется безраздельными полномочиями фюрера» и поэтому предлагает Англии заключить мир. Признание гегемонии фашистской Германии на европейском континенте и возврат бывших немецких колоний — таковы были условия этого мира. Со своей стороны, гитлеровская Германия «гарантировала» Англии неприкосновенность Британской империи.

Затем к переговорам с Гессом, которые держались в строжайшей тайне, подключился член английского правительства, известный мюнхенец лорд-канцлер Саймон. «Мы вошли в конференц-зал,— рассказывал впоследствии один из участников этих переговоров,— Гесс, облаченный в новую блестящую летную форму и сапоги, уже поджидал. Нас официально представили... Мы уселись за стол: Гесс — по одну сторону, я и Саймон — по другую, а переводчик во главе стола». Гесс передал Саймону документ под названием «Основы соглашения». Саймон обещал ознакомить с его содержанием английское правительство. Гесс уточнил далее, что территория Советского Союза должна остаться по условиям соглашения «сферой влияния» гитлеровской Германии. Характерно, что Черчилль распорядился рассматривать Гесса не как военного преступника, а как официального эмиссара Гитлера. В распоряжение этого эмиссара была предоставлена комфортабельная вилла со всеми услугами... Лондон выжидал момент...

Осенью 1941 года, когда первоначальные успехи гитлеровских войск на советско-германском фронте посеяли кое у кого в правящих кругах Англии иллюзии о «непобедимости» и «всесилии» немецких фашистов, переговоры с Гессом немедленно возобновились. Их вел лорд Бивербрук — личный друг Черчилля и самый близкий к нему член кабинета. Более того, есть основания полагать, что и Бивербрук не был последним государственным деятелем, с которым Гесс, находясь в Англии, проводил конфиденциальные беседы. В стенограмме Нюрнбергского процесса сообщается о весьма примечательном факте. На заседании 31 августа 1946 года Гесс пожелал сообщить трибуналу о своей миссии в Англию. Свой рассказ он начал словами: «Весной 1942 года...»,— но тут же был прерван председателем трибунала англичанином Лоуренсом.

«Миссия Гесса» тем не менее не увенчалась успехом. Ее встретила в штыки английская общественность. Она оказалась неприемлемой и для Черчилля, поскольку сбивала Англию на путь еще более позорный, фактически лишая Великобританию роли европейской державы.

Рисунок В. Черникова.

Однако английские реакционеры не забыли «заслуг» Гесса. Голосами судей из западных стран Гесс был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Советская сторона высказала особое мнение, считая, что Гесс заслуживает смертной казни.

В английских правящих кругах сегодня раздаются голоса о необходимости «ревизии» и этого приговора. Но возникает законный вопрос: ради чего и во имя кого? Ссылки на «гуманизм» и реляции родственников абсурдны, поскольку любая отмена решений Нюрнберга — это глумление над памятью миллионов людей, погибших во второй мировой войне и замученных в концлагерях.

Дело здесь в другом — в психологическом факторе. Освобождение Гесса, полагают в определенных кругах Лондона, придает «второе дыхание» неонацистам и реваншистам Западной Германии.

В то тревожное время, когда переговоры английских государственных деятелей с Гессом о разделе сфер влияния шли полным ходом, Гитлер подписал директиву фашистского верховного командования № 32 «Подготовка на период после «Барбароссы». Там указывалось, что после «разгрома и оккупации Советского Союза» вермахт должен был нанести смертельный удар по позициям Англии в Европе, на Средиземном море, в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Азии. В нашем распоряжении сейчас десятки документов, свидетельствующих о том, какую судьбу готовили гитлеровцы Англии. Военное вторжение на Британские острова должно было сопровождаться эсэсовским террором. Главой гитлеровских головорезов был назначен штандартенфюрер СС Франц Альфред Сикс, тот самый, которому поручалось очистить от «нежелательных элементов» Москву. Палач Москвы должен был стать и палачом Лондона! В гестапо уже был составлен список англичан, подлежавших аресту и физическому истреблению. Под номером 48 в этом списке фигурировал Черчилль, за ним следовал лорд Бивербрук и многие другие представители английской правящей элиты. Завершить «акцию» против Англии гитлеровцы намеревались высылкой всего взрослого мужского населения страны в район Северного Урала.

Обо всем этом не следовало бы забывать нынешним поборникам реабилитации Гесса и других нацистских военных преступников.

Владимир **НИКОЛАЕВ**

В Соединенных Штатах основной денежной единицей является доллар. На тех землях Южного Вьетнама — и в Сайгоне в частности,— которые оккупированы американскими войсками, основной денежной единицей считается так называемый пиастр. Истинный вес американских агрессоров в Южном Вьетнаме и их местных марионеток весьма четко выражается в соотношении доллара и пиастра. Так, по официальному курсу за один доллар дают в сайгонском банке 118 пиастров, а на черном рынке стоимость одного доллара доходит до 200—300 пиастров. Такие ножницы между официальным сайгонским курсом доллара и его стоимостью на черном рынке, естественно, дают возможность делать неплохой бизнес, которым и занимаются находящиеся в Южном Вьетнаме американские офицеры и солдаты. И не только они наживаются на грязной войне. На ней точно таким же образом делают деньги и многие американские фирмы, обосновавшиеся в Южном Вьетнаме. Американский журнал «Лайф» привел один из таких многочисленных примеров, правда, стыдливо замолчав название фирмы. «Недавно,— пишет журнал,— одна американская фирма, делающая ежемесячно полмиллиона долларов во Вьетнаме, попалась на следующем деле. Оказывается, фирма, прежде чем перевести свои очередные полмиллиона в банк, обменяла их на пиастры на черном рынке, тем самым сразу удвоив свой доход». Естественно, что сделанные таким образом пиастры при сдаче в банк по официальному курсу принесут уже не полмиллиона долларов, а миллион! И естественно также, что по закону эта махинация является преступной. Какой банк рискнет проводить такие операции с жуликами из этой фирмы? Оказывается, таких банков сколько угодно, в одном только Гонконге их насчитывается двенадцать! Все они занимаются только одним делом — перекачкой долларов из Южного Вьетнама. Когда по следам фирмы, о которой завел было речь «Лайф», направились американские ревизоры, они добрались до банка Дао Хенг в Гонконге. Оттуда следы незаконных финансовых операций привели изумленных ревизоров не куда-нибудь, а прямо в Нью-Йорк, на Уолл-стрит, в дом номер 44, где расположен банк «Мэньюфэктшес Ганновер траст». Туда на счет № 677 и текли доллары, нажитые в результате сайгонских спекуляций.

Круг замкнулся! Доллары Уоллстрита, посылаемые во Вьетнам на продолжение агрессии, вернулись к своим хозяевам, заметно прибавив в весе.

В адрес полумиллионного корпуса оккупантов и в адрес сайгонских марионеток из США нескончаемым потоком идут не только военное снаряжение, но и продукты, промышленные товары, различное оборудование. Все это также становится средством наживы, так как частично разворовывается и продается втридорога на черном рынке.

В мутных водах сайгонского бизнеса раздолье спекулянтам! Особенно тем из них, кто носит военный мундир. Какие власти, какая ревизия посмеют заподозрить в нечистых делах доблестных защитников американского образа жизни?!

Начало этой истории (только в той ее части, разумеется, которая стала известна) восходит к 1963 году. Место действия — Западная Германия. Точнее — казармы 24-й пехотной американской дивизии близ города Аугсбурга. Главный герой нашего повествования — сержант Уильям Уолдридж, в 1963 году имевший от роду 43 года.

Да, это заслуженный сверхсрочник, всю жизнь отдавший армии Соединенных Штатов Америки, ветеран трех войн. Это именно его сам президент Джонсон выбрал в 1966 году из многих тысяч американских унтеров и присвоил ему одно из почетнейших званий в армии США — «первого сержанта». Торжественная церемония, широко освещенная тогда печатью, радио, телевидением и кино, стала одной из самых блестящих и трогательных страниц в истории американской армии.

Но вернемся к сюжету нашего повествования. Уолдридж и его сослуживцы, тоже сержанты, ухитрились, находясь на действительной военной службе, обзавестись более чем солидным бизнесом. В основном они заведовали солдатскими клубами. Это официально, по занимаемой дожности. А неофициально они разворовывали ту часть военной казны, которая отводилась на содержание клубов, а также большую часть денег, которую оставляли солдаты, проводившие там досуг. Сержанты-казнокрады и солдатские обиралы наживались на всем — от спиртных напитков до игральных автоматов, выручку которых они почти целиком присваивали себе. Пока обнаружилось, что только эти автоматы принесли жуликам почти полтора миллиона долларов. Да, все это было не мелкое воровство. Отнюдь нет! Сержанты-бизнесмены, как и положено деловым людям, основали собственную фирму, назвав ее «Меридем лимитед». Через эту фирму они вполне официально поставляли в армейские клубы спиртное и различные товары по намеренно завышенным ценам и

Окончание — на стр. 30—31.

Copyrighted material

КАРАВАН НЕ ОСТАНОВИТСЯ

Борис СМИРНОВ. Фото Г. КОПОСОВА. Специальные корреспонденты «Огонька».

Раньше Бурятию можно было назвать и медвежьим углом, и глухой окраиной России, и краем ссыльных, и заброшенной землей скотоводов. А теперь? Пожалуй, невозможно определить одним словом новый характер республики. Поставщик пушнины? Да, в Забайкалье по-прежнему добывают лучших в мире баргузинских соболей, голубых белок и другую ценную пушнину. Республика скотоводов? Да, Бурятия сейчас больше, чем когда-либо, поставляет мяса и молока, поголовье овец здесь насчитывает сейчас более миллиона голов. С тем же правом Бурятию и ныне можно назвать одним из самых значительных в Сибири поставщиков рыбы, леса. Все это, так сказать, традиционные профессии в республике. Но разве можно было в далекие годы предположить, что некогда отсталая Бурятия займется одним из самых сложных видов промышленного производства — самолетостроением? А на заводе в Улан-Удэ рождаются популярные на всех воздушных линиях турбовинтовые самолеты «АН-24». Значит, ныне Бурятия и авиационная республика... Локомотиво-вагоноремонтный завод обслуживает все железные дороги Сибири и Дальнего Востока. Мясоконсервный комбинат — крупнейший в Сибири. Стекольный завод снабжает оконным стеклом все новостройки республики и Сибири. Широко известна продукция тонкосуконного комбината, прядильно-ткацких фабрик, механического завода и многих других предприятий... Разве все это не говорит о том, что сейчас Бурятия — один из важных промышленных районов страны?

Много различных определений можно дать и столице республики Улан-Удэ. Рабочий город, город студентов, город ученых. И город высокой культуры, город-театрал. Улицы, площади и проспекты Улан-Удэ постоянно украшаются новыми современными зданиями.

...А может быть, вовсе и не нужно находить для республики какие-то определения? Дело ведь не в них. Мы уехали подальше от экзотических красот Байкала, от промышленных гигантов и театров и оказались в самом обычном бурятском селе. Там мы узнали такую вот историю, любопытную и поучительную.

* * *

В одном был уверен председатель сельского Совета: с городом Филадельфия у его родного улуса никогда не было общих дел. Может, ошибка? Но пестрый конверт с заморскими марками и штемпелями доказывал, что письмо пришло сюда, в Бурятию, точно по адресу. Председатель еще раз перечитал все, что было написано на конверте, и вдруг догадался: слово Dabaeff — это же бурятская фамилия Дабаев!

Историю письма из Филадельфии я услышал в Баргузинском районе, в поселке Барагхан.

...Добротные бревенчатые избы, резные наличники, тесовые ворота, стройная березка у околицы — все в этом бурятском поселке напоминало русскую деревню где-нибудь на Брянщине. Даже самовар в доме, где мы пили чай, оказался знакомым — «туляком». Но чай подавали по-бурятски: заварка с молоком, без сахара...

— До революции в домах только нойоны и шаманы жили, а те, кто победнее,— в юртах,— говорит хозяин дома.— Многие не знали, что такое кровать или скамья. А сейчас наши школьники для своего музея юрту отыскать не могли...

Хозяин дома Бадма Мангутович Мангутов был самым первым председателем колхоза в Барагхане. Здесь же, у самовара, сидели еще два барагханских председателя: нынешний — Владимир Анпилович Будаев, молодой человек с вузовским значком на пиджаке, и его предшественник Хурган Анхаевич Бадмаев, ныне работающий в Баргузинском райкоме партии,— он-то и привез нас сюда, в колхоз имени Ленина.

— Очень полезный музей,—продолжал Мангутов.— Мы прошлое забывать стали, не дело это. Кто прошлого своего не знает, тот и настоящего не поймет и не оценит. А школьникам музей лучше любой книжки все расскажет...

В музее я уже успел побывать. Деревянная миска, деревянные весы, переметная сумка, молитвенная мельница... Кажется, что экспонаты взяты из раскопок древних первобытных поселений, но все эти предметы барагханские школьники нашли в своих сараях или взяли у соседей. Трудно представить, что всего несколько десятков лет назад люди могли обходиться этой утварью, жить в убогих юртах. Уникальный уголок планеты. Клад для историка. И историки, естественно, не дремлют. Создатель школьного музея преподаватель истории Гурдарма Эрдэниевич Дамбаев написал диссертацию, выступал с докладом на международном конгрессе.

— Музей — это сельская экзотика,— заметил молодой председатель.— Для сегодняшнего дня, помоему, более характерны наши механические мастерские...

Я вспомнил, что еще до посещения механических мастерских мы зашли в кабинет председателя колхоза. Полированный стол, хороший радиоприемник, люминесцентные лампы... Все обычно, как в сотнях и тысячах других колхозных правлений. Только вот большая модель самолета у председательского стола показалась излишним украшательством. Потом, в механических мастерских и в гараже, я обратил внимание, что эти строения чем-то напоминают самолетостроительные цехи — простором, ажурными конструкциями, электрическими тельферами. Председатель Будаев подтвердил догадку: гараж и мастерские колхозу помогали строить шефы с Улан-Удэнского авиационного завода. Вот откуда модель самолета в колхозном правлении! Теперь не юрта, а турбовинтовой «АН-24» стал символом Бурятии.

— Да, изменилась Бурятия неузнаваемо,— сказал Бадмаев.— Помните, как у Некрасова: «страшная глушь за Байкалом». Такая нынче «глушь» — самолеты свои делаем. Зато наша тайга, степи, наш Баргузин, Байкал все так же красивы. Когда я от этих мест далеко уезжал, то скучал сильно. Да и другие вдали от Бурятии покоя себе не находят. Того американца помните? — обратился Бадмаев к землякам, и те согласно закивали головами.

Тут мы и услыхали историю письма из Филадельфии от некоего Шойдора Дабаева. Письмо пришло, кажется, лет десять назад, но Бадмаев начал свой рассказ с 1945 года.

Он, майор Советской Армии, был в Харбине, когда Япония капитулировала под ударами союзных войск. Бадмаев хорошо владел несколькими иностранными языками, и его направили на общегородской митинг зачитать на японском языке акт о капитуляции. После митинга, когда Бадмаев пробирался сквозь толпу, кто-то тронул его за плечо. «Надеюсь, господин офицер не откажется побеседовать со мной?» — сказал незнакомец по-японски и протянул визитную карточку: «Мистер Шойдор Дабаев, коммерсант». Фамилия показалась знакомой... Когда майор пришел по указанному адресу, коммерсант был очень рад встрече. «Я ваш земляк, я хорошо знал ваших родителей и вспомнил их лица, когда увидел на трибуне блестящего молодого офицера! Вы не знаете, жив сейчас кто-нибудь из моих родственников?»

Бадмаев и сам не знал, что сейчас делается дома. Еще в середине тридцатых годов, окончив сельскую школу, он уехал в Иркутск учиться на юриста, служил в армии, потом воевал... Разговора в тот раз не получилось. Дабаев о себе говорил очень неохотно. Что-то промямлил о том, что не согласен был с социализмом, а потому решил жить за границей. В Китае он представлял тогда швейцарскую тракторостроительную фирму. Так и расстались в Харбине два земляка, не найдя общих интересов. Одно только слово, что земляки.

— Я знал Дабаева с детства,— сказал Мангутов,— только мы никогда не дружили. Его отец был богачом, домá имел, много скота, а мой отец — крестьянин. После революции я в комсомол вступил, потом мы коммуну создавали, а где он был, не помню. Когда началась коллективизация, его отца раскулачили, а он, говорят, из Владивостока за границу сбежал. Меня тогда председателем колхоза выбрали, дел было много...

Да, дел было много, и дел трудных. Бурятия как раз начала свой марш-бросок по десятилетиям, равным векам. И какое дело было Бурятии, Барагхану до какого-то отщепенца, бросившего родину? Как говорит бурятская пословица, из-за хромого коня караван не остановится.

Сто лошадей, двести овец и коз, несколько сот коров — с этого начинала коммуна «Гэгэрэл», что значит «прогресс». Коммунары верили в грядущие успехи, хотя в то время у них не было даже сенокосилки... Постепенно жизнь выравнивалась, но сколько на это потребовалось сил, знают лишь сами барагханцы. Отщепенцам этого не понять.

— А зачем же он все-таки писал сюда?— спросил я.

— Вы вот у него спросите.— И рассказчик кивнул головой на Будаева.— Это ведь ему письма. Он племянник Дабаева...

Молодой председатель махнул рукою.

— Да ну его! Нашли о ком разговаривать. Идемте, лучше я наш театр покажу. Настоящий народный театр! Барагхан еще с тридцатых годов славился самодеятельностью: учитель Ешанов и артистов в колхозе нашел и пьесы сам сочинял. Девять лет назад театру присвоили звание народного.

Вечером у председателя разговоры шли о повседневных колхозных делах. Год был трудный, но кормов заложили на зиму достаточно. План по заготовкам мяса и шерсти выполнили. Годовой доход — почти миллион рублей. Новую больницу на тридцать пять мест сдали, вот-вот начнет работать котельная для жилых домов. Надо детсад, ясли строить...

На столе лежит сегодняшняя почта: несколько газет и два письма. Будаев берет один конверт.

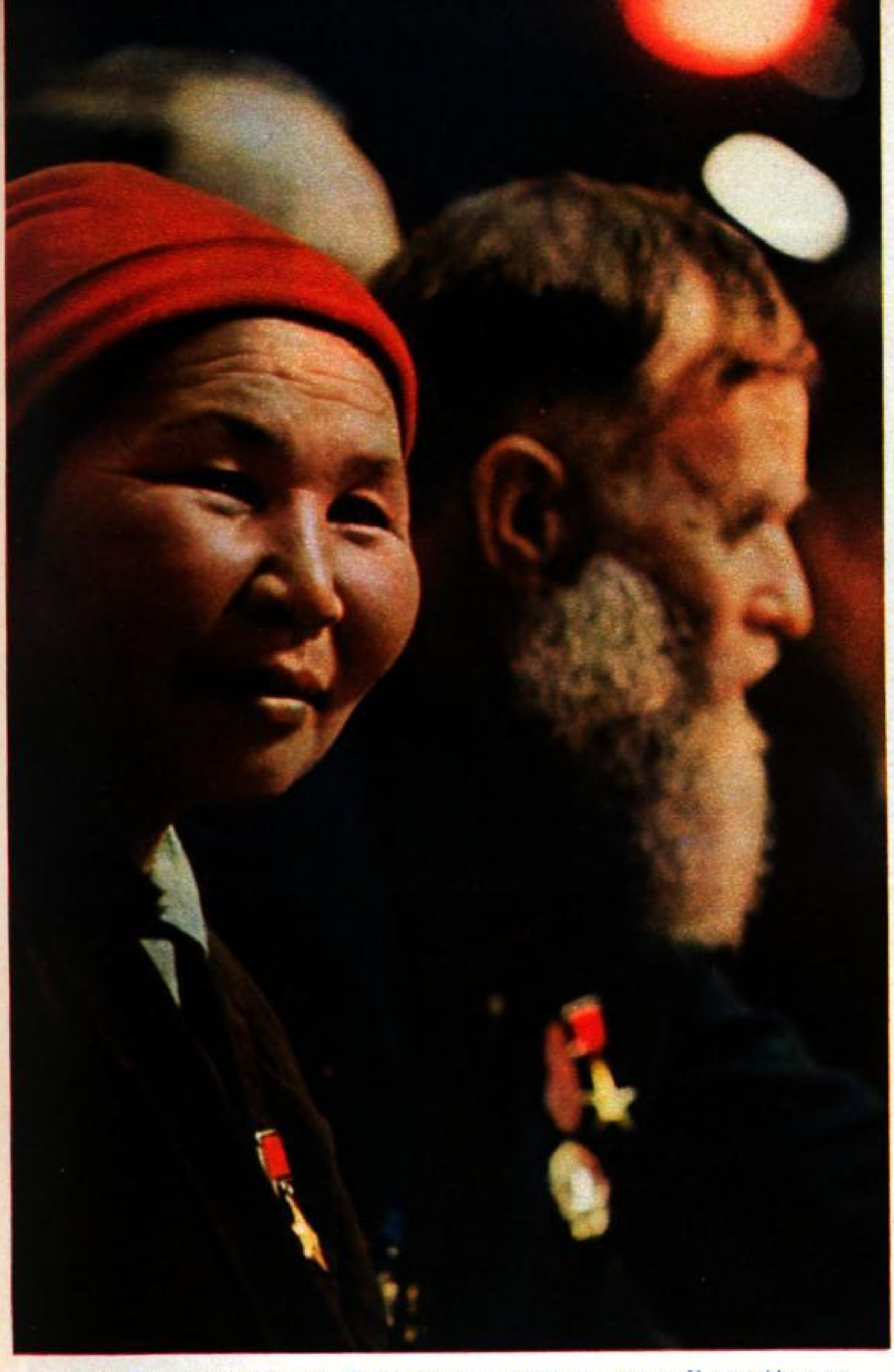
— Опять пишет.

— Кто?

— Да все этот... Из Америки.

Заморский родственник не представляет, как живут в Бурятии, и присылает к новогоднему народному празднику Сагалану дефицитные, в его понимании, сахар-рафинад, шоколадки и чай. Ему писали, что эти его посылки каждый раз вызывают насмешки в Барагхане. Не раз писали ему, чтоб не слал больше своих подарков, нет — шлет. А посылки эти приходят заведующей районной библиотекой, преподавателю техникума, кандидату наук, председателю колхоза...

Мы улетали рано утром. Рейсовый «АН-24» взял курс на Улан-Удэ. Поселок мелькнул внизу четкими линиями улиц, и снова под крылом поплыли невысокие таежные горы Бурятии.

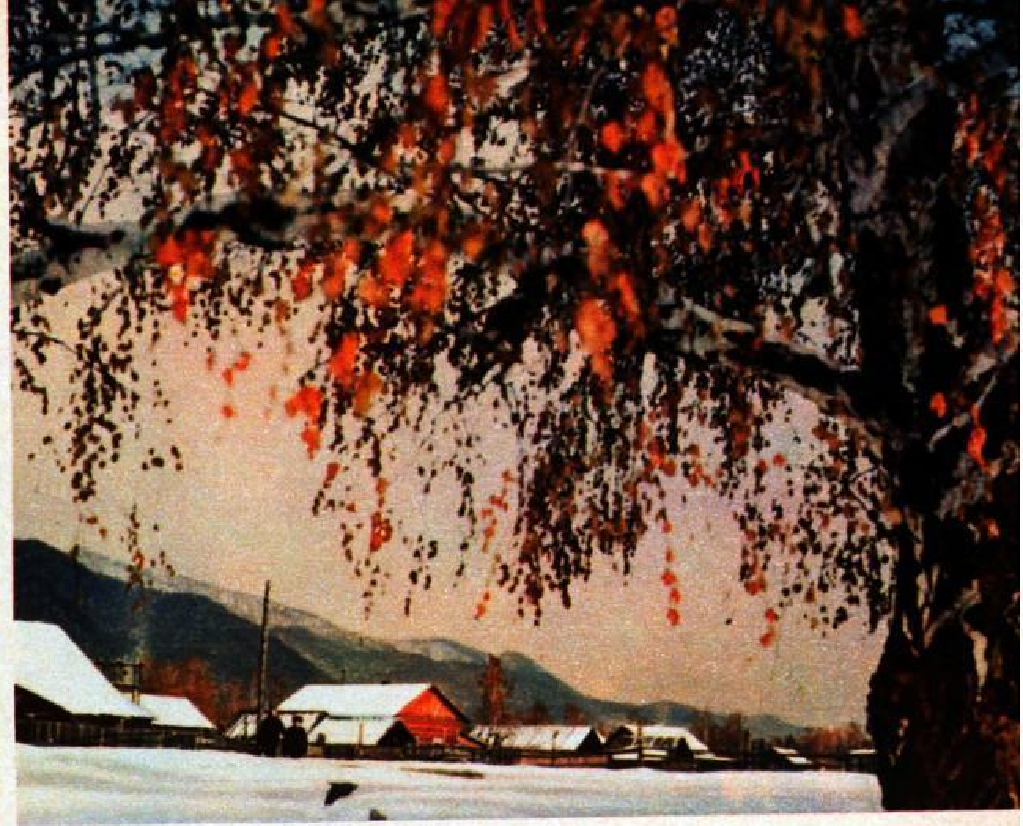
Герой Социалистического Труда доярка колхоза имени Карла Маркса, Селенгинского района, Пылжит Бальжиевна Жалсанова — делегат Третьего Всесоюзного съезда колхозников и Герой Социалистического Труда, ветеран колхоза имени Ленина Трофим Дементьевич Брылев.

Школьный музей в селе Барагхан.

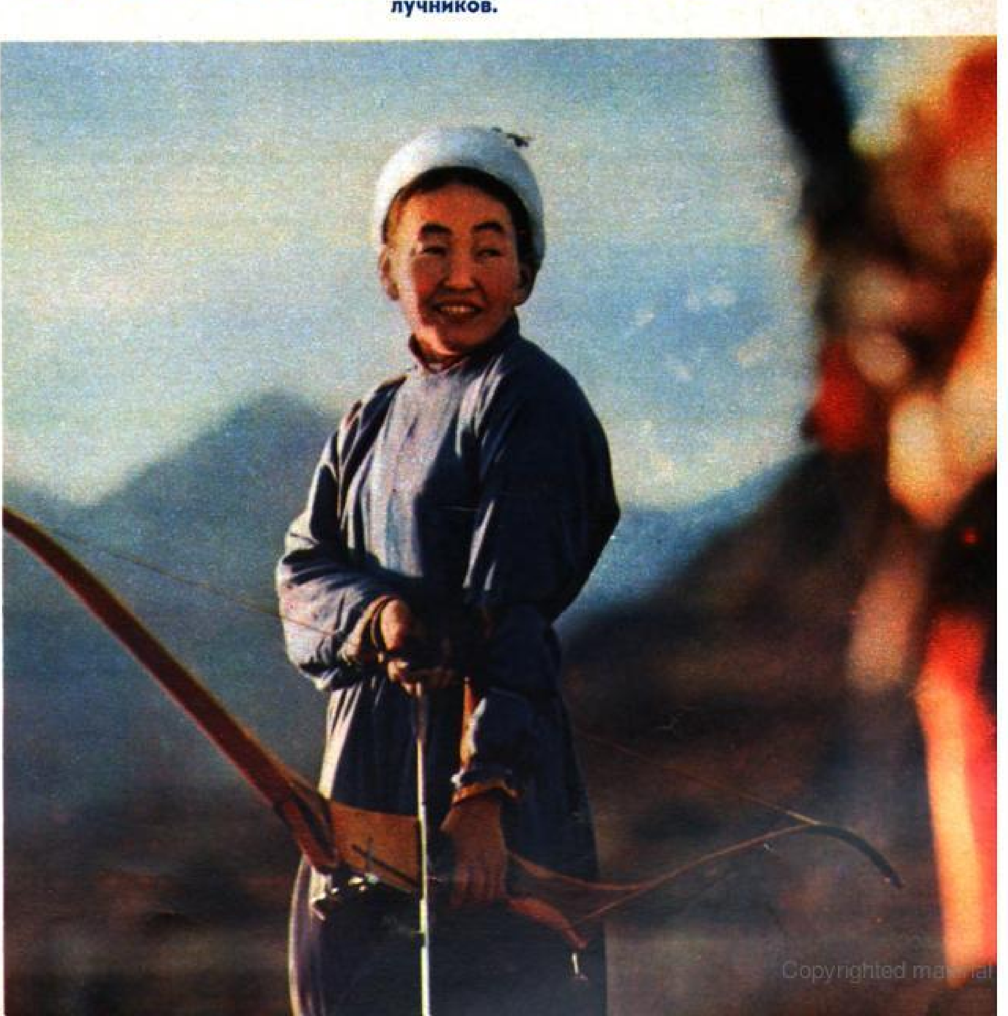

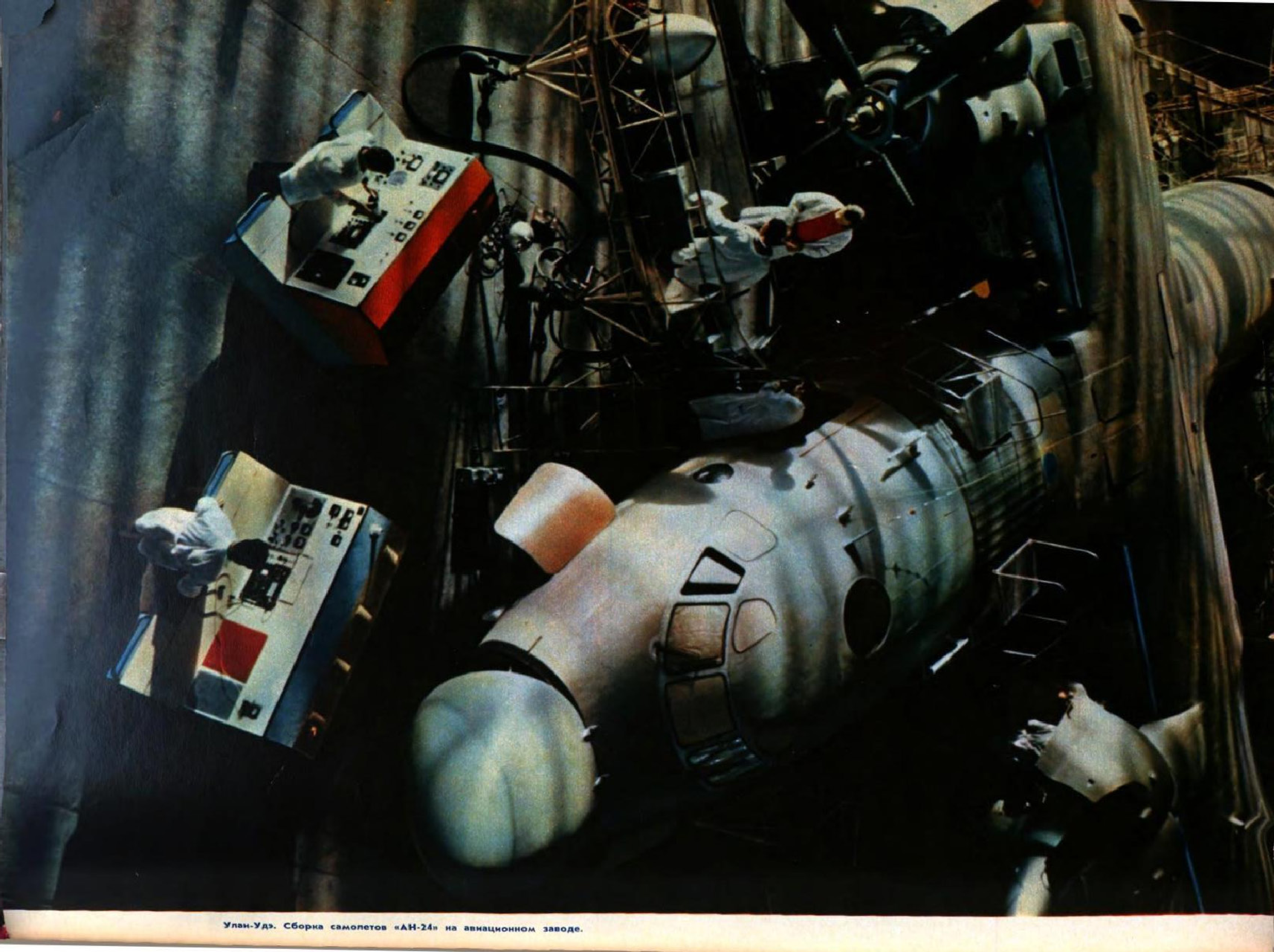

Председатель колхоза имени Ленина Владимир Анпилович Будаев и ветеран колхоза, его первый председатель Бадма Мангутович Мангутов.

Галина Ивановна Эрдынеева — учительница английского языка в Улюнской средней школе. В свободное время она ведет в школе секцию лучников.

Copyrighted material

Улан-Удэ. Сборка самолетов «АН-24» на авиационном заводе.

Валентин СИДОРОВ

Пред крутизной вершин

XVIII ВЕК

Меж нами — годы, годы, годы.
Меж нами столько пролегло!..
И дитирамбы, канты, оды —
О, как все это далеко!

О, как все это непривычно!..
Слабеет лиры звучный глас,
И кажется косноязычным
Нам век осьмнадцатый сейчас.

Мы, может быть, и почитаем
Певцов, увенчанных хвалой,
Но уж, конечно, не читаем
Томов с виньеткой золотой.

Вид фолиантов заповедный
В который раз пугает нас...
А жаль, что Муза в рог победный
Не затрубит в урочный час.

Прислушайся!..
О, как державен
И громозвучен каждый слог!
Шагами грузными Державин
Восходит на Парнас, как бог.

И я, притихший, я робею
Пред крутизной вершин таких,
И я иронией своею
Не смею тронуть этот стих.

В сем слове грозном, словно лава,
Необоримом, как волна,
Российского оружья слава
Навеки запечатлена.

Из глубины седых столетий,
Из неподвластной взору мглы
Несется к нам сквозь гром и ветер:
— Летите, росские орлы!

НАТАЛЬЕ НИКОЛАЕВНЕ ПУШКИНОЙ

Строками, полными печали,
К Вам обращались с давних пор,
Вас укоряли, обличали,
Вам выносили приговор

Язвительный и в заключенье
Читали проповедь опять,
То снисходительно прощенье
Изволили Вам даровать.

Вас поучали столь исправно,
Как будто право обрели
Звать не Натальей Николавной,
А фамильярно — Натали.

Как будто вправду стих наш дальний
И наши грубые персты
Коснуться смеют Вашей тайны
И Вашей грустной красоты.

Но глохнет ропот монотонный...
А мне довольно одного:
Вы были пушкинской Мадонной,
Вы были Музою его.

Среди сомнений неотступных
Неколебим и чист Ваш храм.
В строках, как небо, недоступных
И, словно небо, близких нам

Запечатлен Ваш облик тонкий,
Волшебный отзвук Ваших слов...
Все остальное — кривотолки
Да зависть праздная умов!

ДЕРЕВЬЯ ГОВОРЯТ СО МНОЮ...

Под неподвижною луною,
Как много лет тому назад,
Деревья говорят со мною,
Неторопливо говорят.

Смешенье бликов, резких пятен...
А я — что делать! — я отвык
От их речей.
Мне непонятен
То смутный, то немой язык.

В звенящей тишине простора
Постичь не в силах слух и взгляд,
Что означает этот шорох,
Что эти блики говорят.

Какое небо их касалось,
Какая тайна здесь жива?
А в детстве —
или мне казалось —
Я знал все знаки волшебства...

Вернуть хотя бы тень былого,
Прочесть хотя бы между строк
Навек утраченное слово,
Навек утраченный намек...

По четко заданной орбите
Струится воздух, как вода...
Но говорите, говорите!
Не умолкайте никогда.

* * *

Я вспоминать не порываюсь,
Но вспоминаю.
Было так:
Мои мечтанья обрывались
На двадцати пяти годах.

А дальше мир казался пресным
И предвещающим печаль,
И было мне неинтересно
Заглядывать в такую даль.

И я, конечно, знал заранее,
Что к роковому рубежу
Исполню все предначертания,
Все, что наметил, совершу.

И до утра гудели двери,
Светилось тусклое окно.
Я так в себя наивно верил,
Как верить в детстве лишь дано.

* * *

Когда возводит юность здания,
Не на песке они стоят.
Чисты ее воспоминания
И дух ее не тяготят.
И не унизится до шепота
Ее восторженная речь.
А что до опыта, то опытом
Порою стоит пренебречь.

Смешны ей наши назидания
И бремя мелочных забот.
И ей известно все заранее,
Ей все открыто наперед:
Что горный пик, и тот качается,
Что устают стучать сердца,
И что любовь, увы, кончается...
И лишь у этой нет конца!

* * *

В твоей руке — упругий прутик,
Ножом обструганный чуть-чуть.
Ты только путник, только путник,
Все остальное позабудь.

Все, что тревожило когда-то,
Все, что тревожить будет впредь,—
Хитросплетенье строчек, даты,
Звонков вечерних круговерть.

Все, что казалось самым главным,
Что не тобой предрешено,
Рисунком горизонта плавным
Да блеском трав приглушено.

Ты только путник.
И другое
Тебе неведомо пока.
Беззвучно сшиблись над тобою
Крутыми лбами облака.

* * *

В холодном небе умирают звуки,
А мы с тобой разлучены опять.
Все потому, что, может быть, в разлуке
Я начинаю что-то понимать.
Уже темнеет, но еще не вечер.
А снег какой—ты только погляди...
За все, за все несбывшиеся встречи
Прости меня, любимая, прости!..

А снег, а снег заполонил все небо.
Повсюду — снег. Ни тропки, ни следа.
Я не видал еще такого снега,
Такой зимы не будет никогда.
Ты проживи хоть сто годов, хоть двести,
Не повторится то, что позади...
За все, за все, что не увидим вместе,
Прости меня, любимая, прости!..

Я долго жил, в привычках не меняясь,
Судьбу зачем-то искушал свою
И говорил, как будто извиняясь,
Я в торопливой тишине: люблю.
Не с той строки я песню свою начал,
И было с музой нам не по пути...
За все, за все, что быть могло иначе,
Прости меня, любимая, прости!..

* * *

Уже в лицо дохнула старость,
Последний близится рубеж.
Но сколько в нас еще осталось
От детской веры и надежд!

И все спешишь, все ждешь чего-то,
Мечтам исправно платишь дань:
Вот-вот сейчас за поворотом —
Другая синь, другая даль.

И не напрасно, не напрасно
Наперекор крутой судьбе
Душа опять любви подвластна,
А значит, небу и тебе!

ЗАРНИЦЫ ОГНЕННОЙ ДУГИ

В поэзии Виктор Кондратенко давно заявил о себе как о певце трудового и ратного подвига. И прозе поэта присущи лучшие качества его стихов: внутренний драматизм, лаконизм, масштабность, задушевность. В роман «Курская дуга», выпущенный Воениздатом, вложен большой жизненный опыт фронтового поэта и журналиста, участника обороны Сталинграда и битвы под Курском. Автор хорошо изучил предпосылки и последствия нашей победы в великой, решающей битве на Курской дуге.

Главный герой романа поэт военной газеты «Красное знамя» Дмитрий Солонько, смелый, думающий, обаятельный человек, и его друзья-журналисты стремятся на самые опасные участки фронта. Это помогло писателю широко, всесторонне нарисовать небывалую битву, где с той и с другой стороны столкнулись в смертельном единоборстве сотни мощных танков. В конце концов побеждала не тяжелая броня, а сердца, беспредельно преданные Родине.

С большой любовью выписан образ одного из выдающихся советских полководцев, генерала Николая Ватутина, чудесного русского человека с горячей, щедрой душой. Трогает его отеческая забота о наших солдатах, изумляет его бесстрашие. Ради нашей победы он пожертвовал жизнью.

Темпераментно выписаны сцены форсирования Днепра, освобождения Киева и правобережной Украины.

Тонко, убедительно рисуется гитлеровский генералитет и разочарование наиболее дальновидных немецких генералов во «всемогущем» фюрере. Всем им — и «колеблющимся» и «непоколебимым» — противопоставлены наши солдаты, офицеры, генералы с их нерушимой верой в правое дело.

В своем предисловии к книге Александр Корнейчук пишет, что «...роман Виктора Кондратенко «Курская дуга» завоюет сердца читателей. Такие книги всегда ценны и очень нужны для воспитания молодого поколения». Мне от души хочется присоединиться к этой высокой оценке.

Владимир ФЕДОРОВ

Материал, защищенный авторским правом

Яков ЦВЕТОВ

Рисунок И. УШАКОВА.

ЧЕЛОВЕК

Алесь высадил Хусто Лопеса из грузовика на окраине города, и тот в форме капитана «Голубой дивизии» зашагал на вокзал. Он прошел в комендатуру. Комендант, длинный майор с худым, невыспавшимся лицом, взглянул на документы Хусто и сказал, что отправить его к месту назначения сможет только через три дня, не ранее. И решительно поднял руку, что означало: уговаривать нет смысла.

— А еще вернее — в пятницу.

В пятницу так в пятницу.

— Нужна, вероятно, пометка? — учтиво поинтересовался Хусто. Майор поставил штемпель на уголке его удостоверения. Хусто знал, что отправка выписавшихся из госпиталя сопряжена сейчас с трудностями. Четыре дня — очень хорошо.

С вокзала Хусто направился на продовольственный пункт.

— Суточный рацион,— сказал ефрейтор-кладовщик.— Выдать больше не могу. Приказ. Так что суточный рацион. Не уедете, приходите завтра. А есть бумажка от коменданта, что задержались? — Пожал плечами.— Приказ.

— Вот. Я пробуду здесь до пятницы.

— Пометка. Вижу. Приходите, пожалуйста, завтра.

Завтра так завтра. «Здесь, как и на вокзале, стоит потолкаться,— подумал Хусто.— Только б не споткнуться на чем-нибудь, только б не попасться».

Отряд, знал Хусто, готовится убить гебитскомиссара. «Свирепый гитлеровец...» Операция сложная, трудная. Убить его в городе опасно, много невинных людей потом казнят. Партизанам донесли, что гебитс-комиссар — страстный охотник на кабанов и, бывает, охотится близ Синь-озерских лесов, в районе партизанского лагеря. «Тут бы его и прикончить...» Узнать бы, когда гебитс-комиссар соберется на охоту. Неделю назад разведчики сообщили, что в гебитс-комиссариате работает какой-то испанец, Фернандо Роблес. Оберст. А что, если этот оберст и есть тот самый Роблес, вместе с которым командир отряда Кирилл и Хусто сражались под Мадридом на стороне республиканцев, и только обстоятельства заставили его служить теперь гитлеровцам? Тогда он очень может помочь. Хусто и должен выяснить, тот ли это Фернандо Роблес.

Фернандо... Вспомнилось: трудное-трудное время Испании.

Перед глазами пустынная, желтая, в пыли дорога, и в ней как бы отражается знойное полуденное небо. Их шестеро в тылу фашистов. Он, Лопес, и подмастерье с Куатро-Каминос Фернандо Роблес, советский военный Кирилл и с ним еще трое. Они идут давно, идут медленно, озираются, местность становится совсем голой. Одолев долгий и трудный подъем по жаркому граниту, они оказываются среди острых зубчатых скал, словно в каменной пасти. До рассвета они должны спуститься в долину по ту сторону гребня, подползти к мосту, взорвать его и успеть вернуться. Через мост дорога в Мадрид. Они взорвут мост и задержат наступление колонны фашистов.

«Мы взорвем его, Хусто,— шепчет Фернандо.— Мы взорвем его, вот увидишь...»

Пятеро испанцев и Кирилл прижимаются к земле и ползут вдоль реки, обдирая кожу на ладонях, в рот забивается песок, мелкая галька. Хусто останавливается. Все останавливают-

Материал, защищенный авторским правом

ся. Все ждут приказаний Кирилла. Они надеются на его опыт и потому уверены в успехе.

Хусто и Фернандо бросаются вниз, под мост. Фернандо отбегает чуть вправо, как было задумано, и пропадает за каменным быком. «Фернандо справится с делом,— уверен Хусто.— Фернандо справится, боевой он...» И всматривается во тьму, всматривается и ждет, когда появится Фернандо и оба бросятся от моста.

Багровая вспышка зажигает ночь...

Трудное-трудное то было время для Испании...

Ночью небо как бы придавливает траншею, и в ней становится тесно. Хусто лежит на дне траншеи, упираясь головой в холодную стену. Он закутывается в манту, легкое одеяло. Близко, на том берегу Мансанареса, в парке Каса-дель-Кампо,— враг, почти окруживший Мадрид. Роте, которой командует Хусто, предстоит выбить противника из окопов, что на левом фланге. Хусто настороженно прислушивается к глухому шороху воды, к неровному движению ветра в аллеях. Он вздрагивает, когда с бруствера неожиданно падает комок земли, и от внезапного шума пролетающей над траншеей птицы тоже вздрагивает, даже посапывание Фернандо, лежащего рядом, кажется подозрительным. Рука нащупывает в кармане сухой кусок сыра. Оба, он и Фернандо, с утра не ели: весь день марокканцы били из орудий, и доставить еду нельзя было. Хусто разламывает сыр, отыскивает в темноте руку Фернандо. «Возьми». Хусто слышит, как жует Фернандо, это длится недолго, минуты две. Но у него уже ничего нет в руке, будто и не было сыра. «Поесть бы, а потом выспаться...» Ничего другого Хусто сейчас не хочется. На рассвете атака. Надо выбить марокканцев и легионеров из Каса-дель-Кампо, выбить из Карабанчеля. Бойцы Пятого полка, бойцы интербригады на рассвете сделают это, думает Хусто. Мысль о предстоящей атаке почему-то приводит к Тересе. Она, конечно, очень устала и спит сейчас. Хусто знает: вместе со всеми работницами фабрики Тереса роет окопы у горы Ангелов и раз в три дня возвращается ночевать в мансарду шестиэтажного дома, в которой они живут. Это совсем близко отсюда — несколько кварталов позади траншеи, не доходя до Северного вокзала. «Как там моя Тереса?» — произносит Хусто. Но Фернандо уже спит. Хусто опять слышит его посапывание, похожее на тихие, беспомощные стоны. И когда Хусто на некоторое время перестает думать о Тересе, она приходит к нему. Она сваливается в траншею, задевает Фернандо, тот в испуге просыпается, схватывает винтовку. «Хусто, что случилось?» — дрожит его голос. Тереса сидит, приникнув к Хусто, он обнимает ее плечи. «Тереса пришла»,— счастливо отвечает Хусто. А она дрожит и радуется и целует его в нос, в щеки, в глаза, в лоб, куда попадет в темноте. «Тебя же могли убить, Тереса!» — ужасается Хусто. Тереса чуть слышно смеется. «Тебя могли убить...» — повторяет Хусто, будто она еще там, на пути к нему. «А теперь мы роем не у Ангелов,— перебивает его Тереса,— копаем у Толедского моста. Милисианос, который командует нами, сказал мне, где твоя рота. Сегодня управились мы рано, и я трамваем добралась к тебе поближе. А потом, засветло, подошла к расположению твоей роты, высмотрела, где ты, и, как парашютистка, сбросилась тебе на голову. Ты недоволен?» Она шарит рукой, находит узелок. «Но ведь тебя могли убить, Тереса»,— все еще переживает Хусто. «Заладил! Я принесла вам лепешек»,— развязывает она узелок и сует лепешку Хусто, потом Фернандо. «Ох, и Тереса у тебя!— восторгается Фернандо и опять шумно жует.— Матерь божья!» Хусто смеется, он и сам так думает. Фернандо, должно быть, уже съел лепешку. «И республика хочет победить! Увидел милисианос смазливую бабенку и растаял: вон где рота, иди...» — роняет он ворчливо-дружелюбно. «Но это же Тереса!» — восклицает Хусто, как будто этого достаточно, чтоб оправдать простодушного милисианос. Проходит еще немного времени. Хусто хлопает Тересу по плечу. «Ну, матерь божья, тебе пора». А сам крепко держит ее руки. Она медленно освобождает их, целует Хусто, целует еще раз и еще, потом губы ее отыскивают Фернандо, целует и его. Легкая, тонкая, выбирается она из траншеи. Хусто приподнимается и следит, как бесшумно убегает она в ночь, в город, утонувший во тьме, будто города и нет вовсе. Хусто видит холодные звезды на небе, начинающем синеть, звезды крупные, как орехи, они висят как раз над Мансанаресом, и это недалеко. Он опускается на дно траншеи и ложится возле Фернандо. На рассвете атака. Значит, уже скоро...

И вот Хусто, человек из Гренады, в этом далеком от Испании русском городе.

Хусто прошел мимо гебитс-комиссариата. Третий день он в городе. Он может пробыть здесь еще завтра. Завтра пятница. В пятницу после двенадцати ночи кончится срок пометки на удостоверении, и он уже будет считаться дезертиром. Хусто посмотрел на часы. Было без четверти пять.

Надвигался вечер.

Вчера Фернандо вышел из гебитс-комиссариата в шесть часов десять минут. Пока он спускался по широким каменным ступеням к машине, Хусто успел его рассмотреть. Никакого сомнения, это был Фернандо, друг Фернандо. Ничто не изменило его: ни серые виски, ни постаревшее лицо, ни погоны оберста. Да, да, это был Фернандо Роблес с Куатро-Каминос, парень из рабочего предместья. Точно, он, Хусто никогда не слышал, чтоб сердце так стучало, он даже испугался. С трудом сдержал себя и не бросился к нему: «Фернандо!» Хусто усмехнулся: а вдруг... Он отбросил мелькнувшее подозрение. Ерунда. А тот неспешно, склонив голову, ступал по ступеням, ниже, ниже, он был уже внизу. «Такой же...» — смотрел Хусто. Фернандо всегда был красив, девушки так любили веселого, белозубого, бравого кабальеро Фернандо. Он и сейчас красив, Фернандо. Ему все к лицу: и моно с золотым блеском «молнии» по синему, которое он носил в Пятом полку, и эта шинель оберста тоже. Он был храбр, Фернандо, это верно. На грузовиках, пешком отступали они из-под Эстремадуры. А потом — Харама. Никто не скажет, что они плохо дрались. Они хорошо дрались. Но немецкие танки, итальянские самолеты... Все время были они вместе. Потом под Мадридом и в самом Мадриде... Все время вместе. До той минуты, когда Хусто был ранен в атаке у Мансанареса. Больше он не встречал Фернандо. И вот Фернандо, как и он, здесь, так далеко от Испании.

Фернандо не мог заметить Хусто, шедшего по противоположной стороне улицы. Шофер протянул руку, открыл дверцу машины, и Фернандо уселся с ним рядом.

У Хусто и сегодня не было ясного представления, как действовать дальше. Одно несомненно: надо, чтобы Фернандо узнал его. От того, как отнесется он к Хусто, зависит все остальное. Хусто снова поравнялся с подъездом. Машины не было. У дверей стоял часовой с автоматом.

Хусто остановился перед воззванием, наклеенным на заборе, и в десятый раз стал читать. Но краем глаза поглядывал на подъезд. Никого. Уже шесть сорок. Он поймал себя на том, что слишком долго читает воззвание. А вдруг за ним следят? Он двинулся в том направлении, куда вчера поехал Фернандо.

Атака начинается на рассвете. С окраин города ударяют батареи. Хусто и Фернандо напряженно смотрят в небо, ждут, когда на нем появятся три большие звезды цвета республиканского флага, одна за другой: красная, желтая, лиловая. Хусто мельком взглядывает на Мансанарес — такая узкая, такая тонкая речонка будто на карте изображена, а не по земле струится. Они когда-то весело бродили тут, у Толедского моста, у Сеговийского моста, он и Тереса. Фернандо вдруг толкает Хусто в грудь, но Хусто и сам видит красную звезду, вспыхнувшую в небе, она медленно падает и гаснет. И тотчас, сверкнув, загораются желтая и лиловая звезды и тоже падают, оставляя в воздухе дымный хвост. Бойцы Пятого полка поднимаются в атаку. Хусто рывком выскакивает из траншеи. Он бросает взгляд направо, налево: рота бежит вдоль берега, кидается в воду. Вода теплая, густая. С флангов бьют пулеметы, они не дают фашистам подняться роте навстречу. Фашисты ведут огонь из окопов. Окопы в Каса-дель-Кампо, деревья прикрывают их. Пригнувшись, с винтовкой наперевес, несется Хусто к пригорку, командиры взводов знают, что туда должен быть перенесен его наблюдательный пункт. «Вперед! Вперед!» Стрельба и крики смешиваются, это вал катит на Каса-дель-Кампо. Где-то за деревьями умолкает пулемет. Значит, бойцы уже в парке. «Да здравствует республика!» Это они кричат. Теперь они бегут во весь рост, припадают к стволам деревьев, стреляют и бегут дальше. Дальше — это до следующего дерева, потом опять до следующего. Одни падают, Хусто это видит, другие продолжают бежать, но падают и эти, видит Хусто, и бегут те, что следовали сзади. И он уже не замечает падающих, он смотрит только на бегущих. «Да здравствует республика!» Это Фернандо, это его голос. Фернандо опередил Хусто на несколько метров. До пригорка уже недалеко. Недалеко, если быстрей бежать. Хусто чувствует, как напряжены его мышцы. Ему становится дурно, он все больше отстает от Фернандо. Он останавливается, сам не понимает, почему. Ах, догадывается, вот что! Просто хочет перевести дух. Он стоит, но все равно тяжело дышит, будто продолжает бег. Он сваливается у самого пригорка. Два бы шага еще — и он был бы там, на наблюдательном пункте. «Сейчас поднимусь...» Он сделает эти два шага. Он понимает, это от переутомления. Ему следовало ночью отдыхать. Ах, Тереса!.. Но все равно, он благодарен ей. «Да ты ранен, Хусто!» Фернандо? Да, Фернандо. Теперь и Хусто видит, что его моно на груди не синее, а красное. Красное, как кровь.

Он шел по правой стороне и смотрел на каждую обгонявшую его машину. Темное небо лежало на крышах вечеревшего города, и город был очерчен свинцовыми контурами.

Он увидел на перроне двух венгров, сидевших на рюкзаках. По шинелям узнал, что венгры. Подбирая немецкие слова, разговорился с ними.

— Тоже ждешь отправки?— безучастно спросил венгр с маленькими черными глазами.

— В пятницу, обещал майор.

— А куда тебе?

— Куда,— грустно усмехнулся Хусто.— Вперед...

— Ну, тогда непременно отправит,— сказал венгр.— А мы еще покоптимся здесь...

— И это тебя не устраивает?— удивился Хусто.— Все же спокойней, чем там,— кивком показал он как бы в сторону фронта.

Глаза венгра стали сердитыми.

— У нас отпускные. На десять суток. После ранения,— пояснил второй венгр.

— Тогда понятно,— сказал Хусто.

На запасном пути, попыхивая, словно от нетерпения, стоял поезд. Мимо венгров и Хусто шумно прошел комендант с офицерами. «Эсэсовцы»,— увидел Хусто знаки на шинелях офицеров.

— Это из прибывшего эшелона. Они! Три часа уже стоит состав,— сказал первый венгр.— Не хотят трогаться.

— Ты же слышал,— ухмыльнулся второй.— Когда мы к коменданту заходили. Видно, обещали эсэсовцам работенку в тылу, а тут их перехватил приказ — на Волгу. Забеспокоились, видишь?

— На Волгу?— переспросил Хусто.— Откуда ты знаешь?

— Оттуда!— огрызнулся венгр.— Такое тут подняли, что и дураку ясно станет, что к чему. Не поможет. Упекут на Волгу...

— Утром сегодня три состава с танками прошли,— сказал первый.— Мы как раз были тут. Поняли, что тоже туда.

— Три состава?— равнодушным тоном повторил Хусто.

— А тебе не все равно, три или пять?— нахмурился венгр.— Говорят тебе три, так три. Пойдем,— сказал он товарищу.— Он и сегодня не отправит нас. Собака!

Венгры вскинули рюкзаки на плечи, кивнули ему и пошли.

Завтра должен приехать Алесь. Хусто передаст ему то, что узнал. Перешлет Кириллу сообщение о танковом корпусе из латаных машин, направляющемся под Сталинград или в

ИЗ ГРЕНАДЫ

Из книги «Птицы поют на рассвете».

Материал, защищенный авторским правом

самый Сталинград, и о том, что мимоходом рассказали венгры.

Но Фернандо, как быть с Фернандо?

Хусто машинально снова повернул к гебитскомиссариату. Он ни на что уже не надеялся сегодня. Поздно. Может быть, попытаться перехватить Фернандо утром, когда он подъедет к зданию? Надо ускорить дело. Как бы не навлечь подозрения слишком частым появлением здесь.

Два фонаря на столбах освещали подъезд, тротуар и мостовую перед подъездом. Хусто замедлил шаг, чтоб чуть дольше побыть возле здания.

Он не поверил своим глазам: открылась дверь, и он увидел Фернандо. Тот спускался, как и вчера, слегка склонив голову. У Хусто перехватило дыхание. Ноги подкашивались, и он не мог шевельнуть ими. Фернандо повернул к нему лицо. Хусто напряг все силы, поднял руку и отдал честь. На мгновение глаза их встретились. Взгляд Фернандо, мимолетный, не был безразличным, какой бросают на что-нибудь случайное, совсем незначащее,— Хусто чувствовал это.

Подкатил автомобиль. Фернандо уехал.

Теперь уже все моно красное, и Хусто знает: это кровь. Его кровь. Фернандо, чудак, прикладывает ладонь к груди Хусто, как будто это может помочь. Фернандо становится жарко. Он проводит рукой по своему лицу, вытирает пот, и кровь Хусто, смешавшись с мокрой от пота пылью, размазывается по лицу Фернандо, и небритые щеки становятся мутно-оранжевыми. «Я все понял, Фернандо,— собрав силы, говорит Хусто.— Принимай командование ротой». «Есть,— отвечает Фернандо.— Рота подвинулась на двести метров, Хусто. Даже на двести пятьдесят». Он помогает санитарам уложить Хусто на носилки. С дерева слетает ветка и падает Хусто на голову. Фернандо вскидывает вверх глаза. Это пуля сшибла ветку. «Хусто, брат мой, твоя кровь — это моя кровь,— чуть не плачет Фернандо. Нижняя губа его дрожит.— Я клянусь...» В чем клянется Фернандо, Хусто уже не слышит, санитары подхватывают носилки и быстро, перебежками, двигаются обратно к реке. «Рота все-таки вышла на другой берег,— постигает мутнеющим сознанием Хусто.— Рота продвинулась на двести метров, даже на двести пятьдесят». Хочется спать.

Еще не было восьми, когда Хусто появился у гебитс-комиссариата.

— Документы!— Перед Хусто патруль.

Хусто развернул удостоверение так, что сразу видны были пометка и штемпель коменданта.

— Тороплюсь к оберсту...

Чувство опасности рождает удивительную решимость. Хусто взошел на ступени. С каждым шагом решимость его росла, и, когда отворял дверь, он был совершенно спокоен. Но как пройти к Фернандо, как о нем спросить? Господин Роблес? А может, у него теперь другое имя, все другое? Если б знать, где его кабинет! Только это. Он медленно шел по коридору, соображая, как быть.

Хусто смотрит на стену. Стена голая, только календарь на ней. Он с усилием всматривается в цветной лист календаря. Потом, прикрыв глаза, высчитывает. Если не ошибается, три месяца и неделя как он здесь, в госпитале. «Ты счастливец, Хусто,— говорит Тереса, присаживаясь у его койки. Каждый день, возвращаясь с рытья окопов, заходит она к нему сюда, на Пласа де лас Кортес.— Ты счастливец, Хусто. Пуля прошла на пять миллиметров выше сердца». Тереса говорит правду. Он думает о своей роте. Думает о Фернандо. Он и сегодня спрашивает, где Фернандо, что с ним. Тереса молчит. Потом грустно-грустно произносит: «Не знаю». Тереса сказала неправду. Фернандо погиб. Он попал к фашистам в плен, его растерзали. После обеда Хусто приносят газеты. Последние и старые тоже. Четвертушки серой, оберточной бумаги. В газете двухмесячной давности глаза натыкаются на это сообщение. Тереса сказала неправду. Фернандо погиб.

— Фернандо,— произнес Хусто. Он переступил порог кабинета. Он вдруг почувствовал слабость.— Фернандо...— Он не мог говорить, у него пропал голос.

Фернандо посмотрел на Хусто. Похоже, не удивился его приходу. Фернандо положил руки на стол и сцепил пальцы. Глаза остановились, темные и утомленные. Он молчал.

— Салюд, Фернандо!— взволнованно повторил Хусто. И улыбнулся и развел дрожавшие руки.

Фернандо молчал.

Захваченный нахлынувшей радостью, Хусто не замечал отчужденности Фернандо.

«Но почему он молчит и глаза пустые?— встревожился Хусто.— Может быть, тоже взволнован, никак не придет в себя — такая встреча...»

— Мы как-то потерялись...— услышал Хусто свои слова. Он сел на стул против Фернандо.— Что произошло с тобой после того, как нас разбили?— Он говорил с тяжелыми паузами, и паузы эти давали возможность постепенно вносить смысл в его речь.— Ты же попал в плен. Я читал в газетах. Как же тебе удалось спастись, Фернандо?

Глаза Фернандо закрылись, словно обдумывал что-то очень важное. Потом разомкнул веки, опустил глаза, и Хусто уже не видел их выражения.

— Столько прошло лет! И каких лет, Фернандо! Помнишь мост под Мадридом? Как мы взорвали его — русский Кирилл, ты, я! А Карабанчель? Потом Каса-дель-Кампо, атака на рассвете? Еще Тереса приходила ночью... Помнишь? Ты еще сказал: божья матерь... Ты должен помнить это, Фернандо...

Хусто даже ощутил запах той ночи, вкус сыра, который нащупал в кармане, услышал шорох волны и шум ветра.

— Помнишь, санитары уносили меня за Мансанарес?— Хусто возвращал Фернандо в прошлое.— А потом госпиталь. Рана та зажила. Были у меня и другие раны, те тоже зажили. Раны на теле — сущие пустяки, Фернандо. Я в этом убедился. А тебе не приходилось убеждаться в этом?

— Так вот, Лопес.— Фернандо разжал пальцы. Он остро взглянул на Хусто.

«Лопес?» — покоробило Хусто. Разве они не друзья больше? Значит, что-то развело их в разные стороны? Просто Фернандо не уверен в нем, может быть, предполагает, что он подослан к нему. Он развеет его сомнения!

— Фернандо, я пришел с важным делом от наших друзей, от тех, кто помогал нам, когда Испании было трудно, очень трудно. Я пришел к тебе от них...— вполголоса произнес Хусто. Он подался вперед, и теперь голова его была совсем близко от Фернандо.— Не смотри на мою форму. Я уверен, что и твоя ничего не значит.

Не опрометчив ли? Он испугался. Так сразу, кто он и зачем? Минуло же столько времени... Нет, нет. Человек из Куатро-Каминос не мог уйти к гитлеровцам. А если, если... Если Фернандо предатель? Хусто показалось, что остановилось сердце. Что ж... У гитлеровского оберста должно быть безупречное прошлое. И Хусто — опасный свидетель, если Фернандо выдаст его гестапо. Нет, нет. Он в руках Фернандо так же, как и Фернандо в его руках.

— Послушай, Лопес,— еще раз произнес Фернандо.—Прошу запомнить, моя форма значит то, что она значит...

— Фернандо...— Все стало ясно. И все-таки он не мог поверить тому, что услышал: он разговаривал с другом, которого никогда не было?— Ты же не станешь утверждать, что тогда, под Мадридом, ты был не нашим?

— Я был командиром республиканской роты. После тебя. Я и тогда был настоящим. Как сейчас.— Голос Фернандо — как бы издалека, глуховатый, замедленный.

Фернандо уходил все дальше и дальше. Произошло худшее, что могло произойти. Хусто охватило чувство беспомощности. Он еще не мог отделить живого Фернандо от того, который только что умер здесь, в кабинете. Теперь глаза закрыл Хусто.

— Фернандо...— еле произнес Хусто, будто его схватили за горло и лишили дыхания.— Но ведь...

— Ты хочешь сказать — идея? — прервал его Фернандо.

Хусто открыл глаза, он заметил усмешку на губах Фернандо.

— Так вот, Лопес, идея — это жизнь. А жизнь меняется, меняются и идеи...

— Конечно, Фернандо. Жизнь меняет идеи. Все зависит от того, какая жизнь. Скверная жизнь, подлая жизнь человека рождает в нем скверные, подлые идеи.— Хусто уже что-то пересилил в себе, что-то преодолел, и это принесло облегчение.

— Жизнь, Лопес,— это жизнь, и ничего другого не надо придумывать. Сильный побеждает слабого? Да. Но ведь это в самой природе вещей. Мир устроен так, что всем не может быть хорошо. И тут никакие идеи ничего не изменят. Жаль, когда люди отдают жизнь, отстаивая заблуждения.

— Заблуждения? Что ты хочешь этим сказать?

— А ты был понятлив, Лопес. Слушай. Дело не в том, чья идея вернее. Важно знать, кто кому шею свернет.

— Кто же кому шею свернет? — Хусто стало любопытно.

— Немцы русским. И потому я с немцами.

— Мне страшно подумать, Фернандо, что тогда, у Мансанареса, лежал с тобой в одной траншее, бок о бок. Враг, оказывается, был не только по ту ее сторону, но и рядом со мной. Измена всегда измена. Она не приносит человеку покоя, не дает ему веры. И тогда он пуст.

— Слова, Лопес.

— Послушай, Фернандо!— Хусто сжал кулаки.— Выдай меня, если ты уже не тот... Я не скажу им о твоем прошлом. Наше хорошее прошлое не может тебе принадлежать, если ты в самом деле не тот...—Он понимал: Фернандо это уже ничего не говорило, с этим у него все покончено.

— О моем прошлом? — Пальцы Фернандо мелко и быстро забарабанили по столу.— Не выйдет. Я всегда знал, что ты благоразумен.

— Выдай, выдай меня, если ты уже не тот...— простонал Хусто.

— Нет,— сухим голосом произнес Фернандо.— Еще есть время, ты подумаешь. И тогда— как знать — мы друзьями вернемся в Мадрид.— Он помолчал.— Маскарад? — кивнул на форму Хусто.— Или на нашей стороне, но... В таком случае ты бесчестен, Лопес. Я по крайней мере и тогда и сейчас был искренен. Что ты на это скажешь?

Хусто не ответил. Потом медленно поднял глаза:

— Искренность подлеца?..

— Так вот, Лопес. Считай, что тебе повезло. Все-таки бывший друг. А теперь убирайся! Великодушие не безгранично. А на войне оно вообще не существует. Это первое, что убивают, когда начинается война.— Фернандо встал.— Повторяю, Лопес, тебе повезло. Убирайся!

Возможно, за ним следят. И он не стал дожидаться Алеся, который должен сегодня в полдень приехать в город по своим делам. Он выбрался на шоссе и сел в попутный грузовик. На девятнадцатом километре Хусто вылез из кабины,— ему нужно было направо, грузовик сворачивал влево. Кружилась от пережитого голова. Он постоял немного перед тем, как двинуться дальше. Только теперь почувствовал он, как измотало его ощущение опасности, наполнявшей каждую секунду целых трех дней, трех ночей. Опасность не давала уснуть, шла с ним вместе, шла на вокзал, когда он туда шел, останавливалась у подъезда и поднималась с ним по ступеням, ведущим в гебитскомиссариат... Он не заметил, как повернул в лес. С ветки отвалился скрученный коричневый лист и закружился перед глазами, под ногами скрипнул сухой сучок, еловая шишка податливо вмялась в жесткую траву. В лесу стоял туман, он обволакивал стволы, клочками висел на вершинах, будто зацепился за них и не мог тронуться дальше.

Хусто присел на пень, сложил на коленях руки, и голова легла на них. Он ощутил холодную каплю, стекавшую по щеке. По еловым ветвям, как по лестнице, шумно спускался ветер и обдувал его. Он уже закрывал глаза, когда увидел Фернандо. Тот неторопливо подходил к нему и, склонив голову набок, остановился. Он стоял перед ним удивительно определенный, с длинными, сросшимися бровями, словно кто-то провел через лоб черную полосу, разделив лицо с маленькой родинкой на губе, похожей на мушку. Хусто поднял голову, и Фернандо пропал. Он ясно же видел его перед собой. Ну вот, Фернандо снова перед ним. Это ветер гудит вокруг или кровь шумит в голове,— не может Хусто понять. Как бы раздваиваясь, он ощущает себя здесь, в лесу, и там, в траншее у Мансанареса.

Он снова закрыл глаза, и, пока были сомкнуты веки, прошлое, такое далекое, повторилось, оно как бы получило второе существование. И он снова прожил его в эти несколько минут. Только сейчас понял он, что прошлое не умирает, оно живет в памяти и так же

Copyrighted material

реально, как и настоящее, время ничто не в состоянии стереть. Прошлое — это же целый сбывшийся мир, в котором действуют все: и те, кто еще жив, и те, которых уже нет,— все равно, память возвращает их, и они вместе радуются, печалятся, борются. Это она не дает времени умерщвлять прошлое, перемещает его в настоящее, и человек видит всю свою жизнь. Видит такой, какой она была. И это снова приносит радость, если была радость. А если только то, что может вызвать чувство стыда и горя? «Нет, Фернандо. Нам не придется краснеть за наше прошлое. Мы боролись. Мы искали правды. Для всех. Разве ты не горд, боец Пятого полка?» Но как он сказал, Фернандо? «Жизнь меняется, меняются и идеи...»

«Не сердись, Хусто,— заговорил Фернандо.— Нам не из-за чего ссориться. У нас уже ничего нет. А может, и не было ничего?»

«Было, Фернандо. Как же! Многое было...»

Хусто не боялся воспоминаний, они согревали его и сейчас и связывали с будущим. Фернандо опасался их. Как брошенные в него камни, они причиняли ему боль, видел Хусто.

«Все, что осталось,— только в памяти, вот как у тебя,— жаловался Фернандо.— Испания далеко, так далеко, что даже представление о ней туманно. Нас раскидало по чужим землям, под чужие знамена. Что нам в них, Хусто?»

«Ты меня уже не поймешь, Фернандо...»

«Я теперь многого не понимаю,— вздохнул Фернандо.— В мире все неясно. Не знаешь, где искать истину. У русских? У немцев? Ничего нельзя предвидеть заранее. Ничего. Всегда делаешь, думая, что правильно делаешь. А когда сделал, видишь — не то...»

«Если честное делать, чистое делать, всегда — то!»

Хусто видел, как тучи заворачивали сюда, на лес, свет постепенно уходил, трава, кусты, деревья превращались в тени, и тени эти сливались в сплошную темноту. Фернандо сидел с ним на пне, голова опущена, и потому глаза смотрели в землю.

«Как это вышло у тебя, Фернандо?».

«Знаешь, и сам в толк не возьму. Нервы сдали».

«Тут нервы ни при чем, Фернандо. Нервы совсем ни при чем. Ты просто лишен совести, понимаешь, нет у тебя чести, верности нет. Ничего нет. Но тогда в Каса-дель-Кампо я этого не знал. И мне жаль, Фернандо. Ведь дружишь прежде всего с совестью, а потом уже со всем остальным...»

«Мы были молоды и глупы,— слышал Хусто.— Мы верили в идеи. Идеи требовали нашей крови, и мы отдавали свою кровь. До чего ж мы были глупы, Хусто!»

«Ты думаешь?»

«Я думаю?— усмехнулся Фернандо.— Я знаю. Беда быть человеком,— доносился глухой голос Фернандо.— Лучше травой, камнем лучше...»

«Нет, Фернандо. Нет и нет. Ты боишься жизни, и у тебя ничего не осталось. А может, и раньше ты был пуст, и я просто не замечал этого?»

Хусто испытывал сейчас бо́льшую боль, чем тогда, когда Фернандо укладывал его на санитарные носилки. Боль та растянулась во времени и нарастала. В нем все болело. Фернандо, предатель Фернандо, стрелял в него, и он не знал пощады.

«Хусто...» — Фернандо хотел еще что-то сказать.

«Молчи! — Хусто сжал кулаки.— Ты стоишь на чужой земле. Запомни же, завтрашняя Испания тоже чужая тебе».

И прежде чем он сделал шаг по мягкой лесной земле, прикрытой мертвыми листьями, Фернандо повернулся и пошел. С минуту шел, тяжело склонив голову, как в тот вечер по каменным ступеням гебитс-комиссариата, и растаял в воздухе, уже пахнувшем зимой.

Тереса уходит. Походка шаткая, слишком медленная, и кажется, Тереса не уверена, все ли в самом деле закончено там, откуда уходит. Вид у нее такой, словно хочет оглянуться, но что-то сдерживает ее. До двери идет как-то боком, и Хусто видит ее профиль. Щека ее вздрагивает, и он понимает: Тереса плачет. Не потому, что уходит совсем, на фронт, — она плачет о нем. Как хорошо было им в тесной и низкой мансарде шестиэтажного дома у Северного вокзала! Вчера бомба прошла этот дом насквозь. Тереса поддерживает за плечи старушку в черной шали. Старушка навестила сына, Хуана, того бойца с забинтованной головой, которого рано утром принесли санитары и положили на койку рядом с койкой Хусто. Старушка эта из Карабанчеля. У нее тоже нет уже дома. Мятежники и мавры взяли Карабанчель, подтверждает она. Старушка умолкает. Молчание долгое и скорбное, и по лицу видно, она опять в Карабанчеле. Потом возвращается сюда, в палату. «Но это случилось после того, как они перебили всех мужчин, всех женщин, всех детей. Смотрите, и у меня их знак,— показывает кинжальную рану выше запястья.— Я пошла на них с топором. Только топор и оказался под рукой». Весь вечер, хватаясь за грудь, кричал сын ее. Хуан. Снарядный осколок разворотил ему легкие. Столько раз вонзала сестра шприц в его руку! Но боль утихла, и на его бледном лице, покрытом по́том му́ки, подобие улыбки, и в улыбке этой, выражающей облегчение, живет и надежда. Хуан не догадывается, что умирает. Мать Хуана уходит. Возможно, видит его в последний раз. Тереса тоже уходит. Обе женщины уже у двери. Они не сразу открывают ее...

Хусто двигался по обочине шоссе, почти спокойный, почти безразличный ко всему, что могло с ним еще стрястись. Он поглядывал то вперед, то назад, в протянувшееся в обе стороны шоссе, оно уходило в белесую даль, холодную и чужую. Попутные машины не появлялись. Километрах в семи, помнил Хусто, должен находиться городок, обозначенный на карте двумя кружками—одним побольше, другим поменьше внутри его. Через этот городок лежал путь в Теплые Криницы, а за хутором — Синь-озеры, и там, в чаще, партизанский лагерь. Хусто медленно, словно нехотя, тронулся в направлении, куда показывала прибитая к столбу стрелка.

Он шел долго, может быть, потому, что медленно, в голову приходили трудные мысли и замедляли шаг. Наконец дорога вывела Хусто на исковерканный асфальт, и он понял, что здесь была улица. Он оказался в городке, в бывшем городке, название которого сохранилось на картах, как на кладбищенских надгробьях остаются имена тех, кого уже нет.

Хусто знал, что городок этот разрушили в первые дни войны сначала бомбы, потом артиллерия. Но от того, что миновал год, что сквозь щебень и пепел успела пробиться трава, вид развалин не становился мягче. Вокруг бессмысленное нагромождение камней, из которых были когда-то сложены здания. Камни эти уже не хранили тепла. Камни были мертвы. «Камни тоже могут быть живыми,— подумал Хусто.— Города совсем непохожи один на другой. Руины же все на одно лицо...» Раньше не представлял он себе стертый с лица земли город, когда, бывало, слышал об этом, теперь он не мог представить себе живым этот городок, который еще год назад радовался, страдал, шумел парками на этом самом месте.

Он шел, натыкаясь на груды ломаного кирпича, на каменные глыбы, вырванные из стен, на поблескивавшие лужи битого стекла, на поваленные столбы, запутавшиеся в скрученных проводах. В одном месте тротуар и мостовую перегородили холмы щебня, и пришлось взбираться на них. Носком сапога зацепился за железную балку и чуть не растянулся плашмя.

Перед ним лежал убитый город.

Когда-то разрушенная стена здания в Мадриде, изрешеченный пулями трамвай, девочка с осколком бомбы в голове, уткнувшаяся в мостовую, приводили его в отчаяние. Сейчас он пробирался через сплошные развалины, и ему казалось, что к той разрушенной стене добавились еще одна, еще две, еще пять, еще и еще — все стены города.

Он внезапно остановился. Он увидел выщербленные плиты ступеней. Дома не было — о нем напоминали кучи кирпича и бетона, искромсанной штукатурки. Сохранились только эти ступени, по которым уже некуда было подниматься. Он присел на предпоследнюю ступень. На противоположной стороне улицы, как театральные декорации на сцене, на которую еще не вышли актеры, торчали две стены с розовыми обоями в узорах. Между стенами валялись отопительные батареи, из щебня высовывалась железная спинка кровати, как мосток, лежала дверь. Воронки поодаль казались незасыпанными могилами.

Здесь все мертво. И был ли здесь когда-нибудь живой человек? Или он первый вошел в эту густую тишину пустоты, в которой, казалось, и воздуха не было? И есть ли за этими развалинами что-нибудь другое, или это замкнутый мир, весь мир?.. Он вдруг подумал о себе, как о мертвом.

Ветер хлестнул в спину, загремел скомканным куском крыши, поднял в воздух белую пыль — это улетала отсюда известь. Ему стало страшно одному в этом бывшем городке. Он вскочил со ступени и побежал. Сапоги стучали так громко, что казалось, еще кто-то бежал вслед за ним, и он оглядывался. Он не заметил, как снова выбрался на дорогу. Обрадованно увидел деревья, одинокие домики вдалеке, воробьев на проводах. Он вспомнил, что там, в мертвом городке, и воробьи не летали, ни одной птицы не видел, пока находился среди руин.

Но городок все время стоял перед глазами. Хусто снова и снова присаживался на каменные ступени, слышал, как гремит ветер куском железной крыши, видел в воздухе белую пыль. Он шел лесом. Компас вел его в Теплые Криницы, и дальше, дальше, в Синь-озеры... Он шел и думал о тех, с кем пустился в длинную и трудную дорогу, в конце которой, знал он, занималось большое утреннее солнце.

Александр КОВАЛЕНКОВ

Диск

То, что колокол может с петель
Вдруг сорваться, о звезды оплавив бок,
Знал поэт — необычных явлений свидетель —
Александр Александрович Блок.

Не простой, не обычной мерой
Измеряя вот это мгновенное «вдруг»,
Блок сказал: «... тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг».

Где возник он, тишайший, грозящий,
Диск огня,— прикоснись — будет взрыв! —
В сад и фортку из облачной чащи
Электрической бомбой приплыв?

Неизвестных систем антиатом,
Сплав: «любовь и мгновенная смерть...»
Нет, не всем любознательным взглядом
В очи вечности можно смотреть,

И остаться в живых, и не смутно
Видеть ясно времен цепь и связь,
День чудес и обычное утро
Начинать, ничего не боясь.

Copyrighted material

РОДИНА МОЯ

Необозримые хлопковые поля, сады, виноградники, раскаленные пески, где пасутся стада каракульских овец, многокилометровые каналы, горы в белых папахах вечных снегов, дивные памятники старины и современные мощные промышленные предприятия, каскады гидроэлектростанций, новые города и кишлаки — все это солнечный Узбекистан, моя родина, страна древней цивилизации, обновленная социалистической революцией.

Страна древней цивилизации. Наш соотечественник, великий ученый Аль-Бируни еще в X веке предсказал, что за океаном должен быть большой материк. Этот материк мы сейчас называем Америкой. В XV веке Улугбек в окрестностях Самарканда построил величественную обсерваторию. Здесь были составлены таблицы звездного неба — «Зидж-и джедид-и Гурагони».

Да, все это так. Но какие были контрасты! Неподалеку от обсерватории Улугбека, во дворе соборной мечети Биби-Ханым, стояла огромная, с красивой резьбой, подставка для корана. Здесь священнослужители читали суры — главы из «священной книги». Подставку эту мы сохранили как памятник великого искусства древних меморов и уста — зодчих и мастеров. И в то же время в жилищах дехкан и ремесленников не было даже малюсенькой деревянной подставки для азбуки.

Народ, создавший все материальные и духовные ценности, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в подавляющем большинстве своем оставался неграмотным. Теперь все по-другому. Ныне наша республика — край передовой науки и техники. В Узбекистане 39 вузов, 150 специальных средних учебных заведений, Академия наук с ее многочисленными институтами. В развитии просвещения безмерно велика заслуга первых учителей первых советских школ, тех людей, о которых очень точно говорится в открытом письме Чингиза Айтматова японскому читателю: каждый из них — «человек Ленина». Яркий пример тому — наш Хамза, основоположник советской узбекской литературы. Именно под руководством партии коммунистов, при участии стойких революционеров, подобных Хамзе, наша республика построила новую жизнь, создала социалистическую культуру.

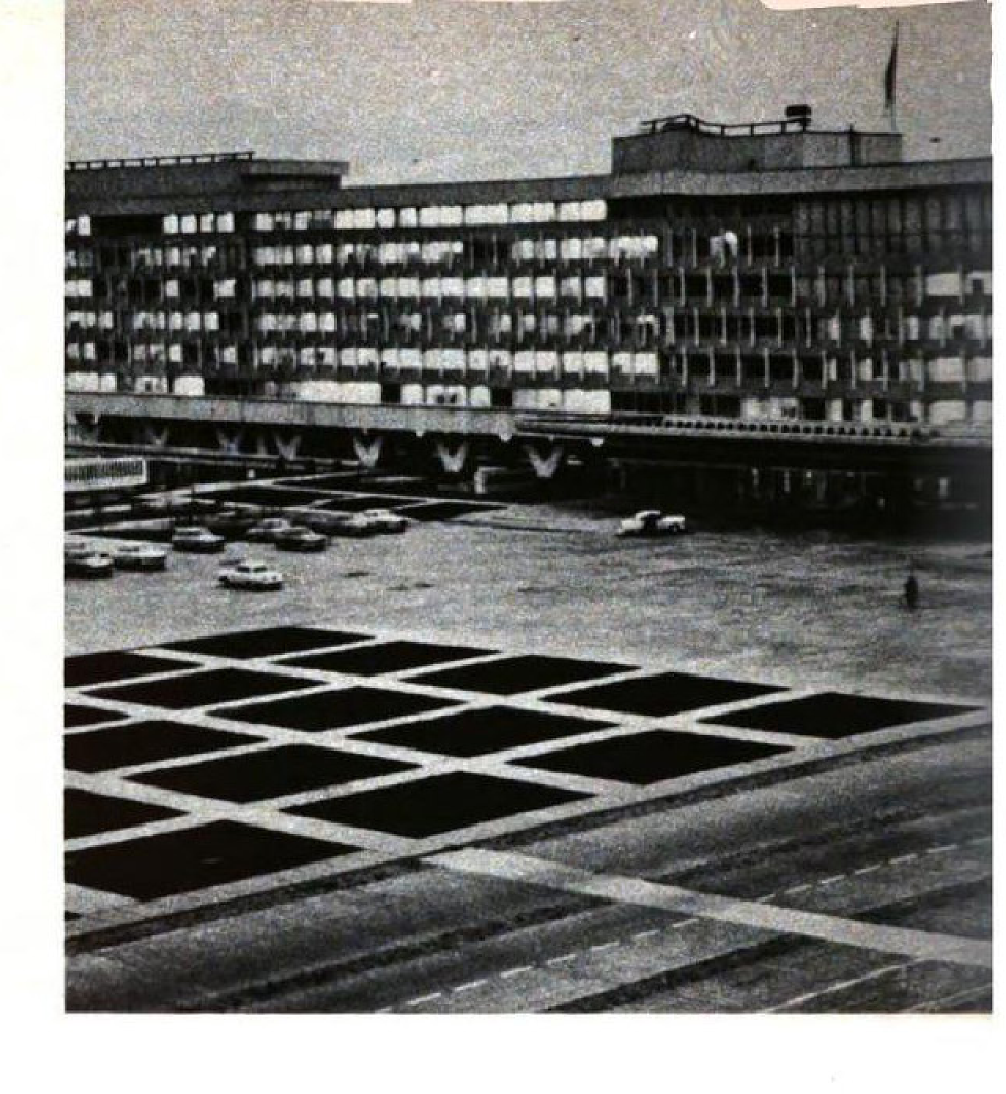
Ныне Узбекистан производит ежегодно свыше 4 миллионов тонн хлопка. Одного такого урожая достаточно, чтобы одеть все население земного шара. Республика дает стране золото и природный газ. Открытие у нас месторождений золота зарубежная печать окрестила «открытием века». Голубой огонь узбекского газа горит на предприятиях Урала, Москвы и Ленинграда. Это дань нашего глубокого уважения родине Ленина. Это наш поклон братскому русскому народу за бескорыстную помощь и поддержку.

В годы Советской власти в Узбекистане созданы 100 отраслей промышленности. Мы экспортируем свою продукцию более чем в 100 стран мира. До революции узбекский народ, живя вблизи рек, не мог утолить извечную жажду. А теперь мы с гордостью говорим, что наша республика — край редкостных ирригационных сооружений с разветвленной системой каналов и плотин.

Все наши достижения — плод ленинской национальной политики, помощи и поддержки братских народов. Яркий пример тому — новый Ташкент: прошло всего три года после страшного землетрясения, и наш город восстал из руин — могучий, красивый, благоустроенный.

Узбекистан — республика братства. Его жители представляют около ста национальностей и народностей. Все они вместе строят хлопкоуборочные машины, ирригационные сооружения, осваивают Голодную степь, возводят новые города и села, открывают богатства недр. По всей республике вдохновенно трудятся люди на благо нашей великой социалистической Отчизны.

Максуд КАРИЕВ,
редактор газеты «Совет Узбекистони»

РЕСПУБЛИКА

Кудратовские миллионы

Четыре миллиона 100 тысяч тонн хлопка вырастили в прошлом году узбекские дехкане, несмотря на плохую погоду. Даже столетние аксакалы не помнят другой такой дождливой весны, наводнений, каменно-грязевых потоков с гор, такого прохладного лета. Но хлопчатник любит, чтобы «ноги были в воде, а голова в тепле».

Вот и пришлось недостающий жар восполнять усердным трудом. И кусты выросли пышные, словно новогодние елки, увешанные зелеными коробочками. Но стали они такими только в сентябре, в то время, когда хлопчатнику уже полагается пенисто белеть.

Поздно он забелел. С хмурого неба уныло каплет дождь, даже снег. Как же быть с хлопчатником? Единственный выход — каждому сборщику работать за троих. Тогда-то и прозвучал на всю республику призыв человека, много раз отличавшегося в страдную пору. В письме к механизаторам он призвал: «На подвиг, хлопкороб!» Это был сурхан-дарьинский водитель хлопкоуборочной машины-гиганта Шаймардан Кудратов из совхоза «Советабад». Сам он обязался собрать 550 тонн.

В республике уже привыкли к тому, что слов своих Шаймардан-ака на ветер не бросает. На его личном счету к началу нынешней уборки было уже десять бунтов хлопка, а каждый из них весит 300 тонн. А ведь одна только тонна хлопка-сырца — это 7 тысяч метров батиста или 4 200 метров ситца. А масло? Тридцать процентов растительного масла, производимого в стране, получают из хлопковых семян. Вот и подсчитайте все кудратовские миллионы!

В минувшем году Шаймардан Кудратов собрал целых 600 тонн хлопка-сырца. Никто в мире за всю историю хлопководства не собирал столько за один сезон!..

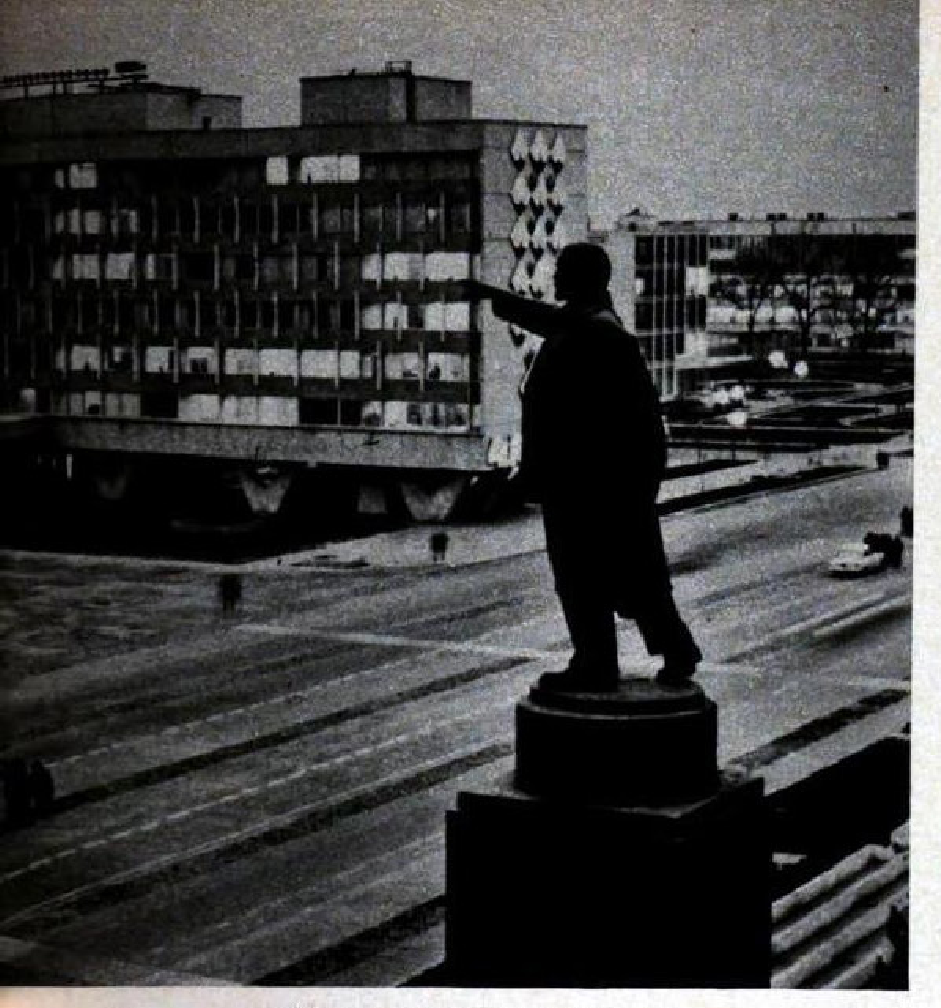

Шаймардан Кудратов.

Фото М. Баржанова.

М. КОСЫХ

Материал, защищенный авторским право

Ташкент. Площадь имени Ленина.

Фото Л. Шерстенникова.

«ПОЖАЛУЙСТА, ПРИШЛИТЕ ОБРАЗЦЫ»

В адрес «Ташкент, Обсерваторская, 85» идут письма из Москвы, Нью-Йорка, Парижа, Лондона, Дели, Токио... Языки разные, а просьбы одинаковые: «Дайте методические разработки», «Интересуемся данными ваших экспериментов», «Пожалуйста, пришлите образцы»...

Здесь, на Обсерваторской, расположен Узбекский институт электроники. Узбекские ученые под руководством профессора Убая Арифова достигли значительных успехов в изучении взаимодействия атомных частиц с поверхностью твердого тела. Исследования, проведенные узбекскими учеными методом двойной модуляции, важны, например, для физики твердого тела, электронной техники...

Об этих работах узбекских ученых на Ташкентской студии документальных фильмов создана научно-популярная кинокартина «О чем скрипел чигирь?». Фильм отвечает на многие вопросы, с которыми обращаются ныне в Узбекский институт электроники со всех концов земли.

Малик КАЮМОВ,
народный артист СССР

В ЭТИ ДНИ

СТЕПЬ ОЖИВАЮЩАЯ

Могуча и коварна Аму-Дарья. В долинах Хорезма и Каракалпакии она только за сутки уносит порой более сотни посевных гектаров. Бывает и другое: намоет острова там, где еще вчера ходили теплоходы. Но река и бесконечно щедра. Не зря земледельцы называют ее кормилицей. И люди сделали так, что в недалеком будущем воды Аму-Дарьи придут в Каршинскую степь и оживят сотни тысяч гектаров веками пустовавшей земли. На строительстве Каршинского канала тон задают комсомольцы.

С каждым днем 60-километровая трасса канала обретает зримое очертание, строятся могучие насосные станции. Они поднимут воды Аму-Дарьи на 132 метра, и степь, томимая жаждой, будет каждую секунду получать по 350 кубометров живительной влаги.

Уже в 1972 году первые 200 тысяч гектаров целины дадут хлопок, зерно, виноград, овощи. К концу 70-х годов преображенная степь станет крупнейшим поставщиком самого ценного хлопка — тонковолокнистого.

Здесь уже начали свою историю юные степные города — Талимаржан, Дустлик, Нишан...

Рустам ШАГУЛЯМОВ,
редактор комсомольской газеты «Еш ленинчи» («Молодой ленинец»)

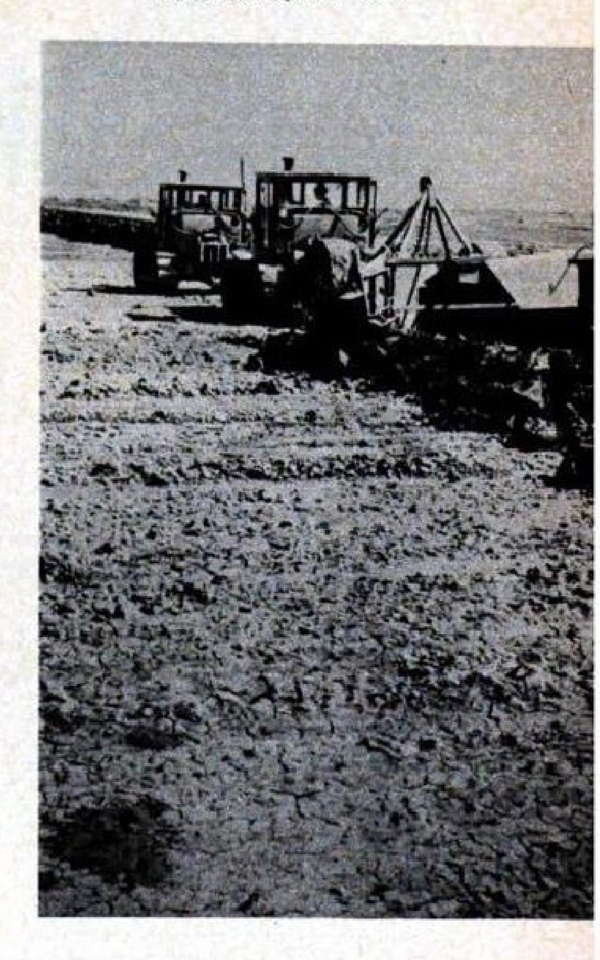

Фото Гр. Пуна.

СЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

Сто тысяч!.. Столько новых квартир получили ташкентцы после землетрясения.

Корреспондент «Огонька» побывал у заместителя председателя Ташкентского горисполкома Тельмана Каримовича Абдуллаева и спросил его:

— Можно ли считать, что жилой фонд узбекской столицы полностью восстановлен?

— Восстановлен — не то слово. До землетрясения в Ташкенте были преимущественно одноэтажные глинобитные домики с печным отоплением и уличным водопроводом. Теперь же в каждой новой квартире все коммунальные удобства... Правильнее будет сказать, что Ташкент родился заново, причем в совершенно ином, современнейшем качестве.

— А забот у горисполкома поубавилось?

— Как бы не так! Большое хозяйство — большие хлопоты. Чтобы полностью удовлетворить потребность города в воде, ныне заканчиваем строительство Кадырьинского и Бозсуйского водозаборных сооружений. А чтобы не мерзли ташкентцы, как, скажем, в прошлую суровую зиму, мы ввели в строй две новые мощные котельные... Готовим к сдаче в эксплуатацию новые жилые дома.

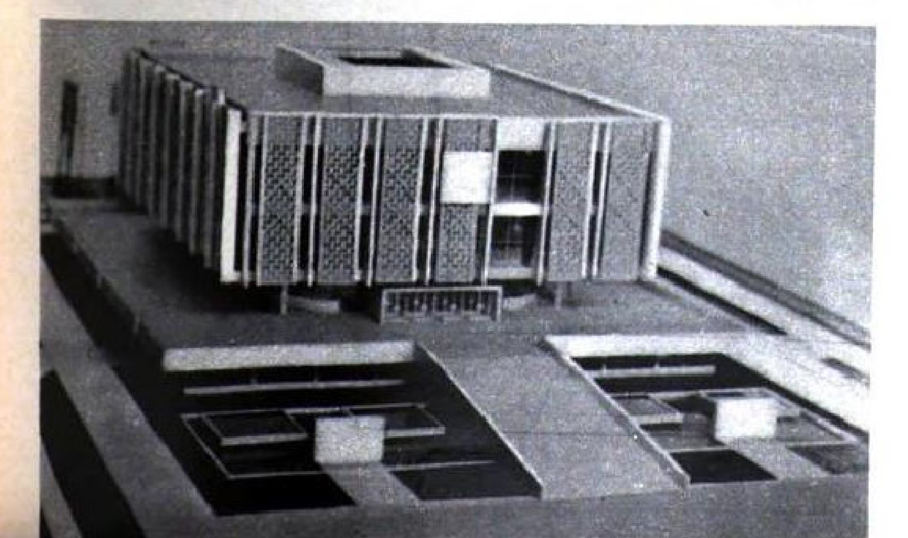
— Теперь уже свои, «ташкентские»?

— Не только «ташкентские», но и девятиэтажные «московские», «российские». Они тоже свои, потому что подарены народами-братьями в трудную для нас пору. Кстати,— добавил Тельман Каримович,— когда заходит разговор о землетрясении и последовавшей затем всесоюзной стройке нового Ташкента, иногда в шутку вспоминают пословицу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». А на самом-то деле помогло именно счастье — великое ленинское содружество народов нашей страны.

В центре Ташкента началось сооружение музея В. И. Ленина. Четырехэтажное здание будет одним из красивейших в узбекской столице. Музей откроется к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

На снимке: макет здания музея В. И. Ленина в Ташкенте.

Фото Р. Шамсутдинова (ТАСС).

СИНЕЕ ПЛАМЯ БУХАРЫ

В октябре 1956 года из разведочной скважины № 1, которую пробурила среди барханов бригада Мансура Ходжаева, хлынул мощный фонтан бухарского газа. И вскоре газ этот потек по трубам в самую Бухару и Навои, Самарканд и Ташкент. И тогда возникла дерзкая идея: а не направить ли газ из Бухары на Урал?.. На трассе газопровода Бухара—Урал пришлось преодолевать сыпучие пески, скальные участки, сотни рек и каналов.

8 ноября 1965 года близ Свердловска впервые загорелся бухарский газ. А в декабре 1969 года к уральцам пришел уже стомиллиардный кубометр узбекского синего пламени.

Г. КОЛОБОВ,
сотрудник промышленного отдела газеты «Правда Востока»

На снимке: трасса газопровода шагала из Бухары в Свердловск.

Фото Гр. Пуна.

В БИТВАХ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ

Александр ДЗАСОХОВ,
ответственный секретарь Советского комитета солидарности стран Азии и Африки

Двенадцать лет назад в декабре в Каире собрались представители прогрессивной общественности Азии и Африки, чтобы провозгласить на Учредительной конференции создание Организации солидарности народов Азии и Африки. Конференция имела огромный успех. В объединении демократических и антиимпериалистических сил двух континентов сыграли выдающуюся роль видные государственные деятели, и среди них Джавахарлал Неру, Гамаль Абдель Насер, Бандаранаике. В организации Движения солидарности большое участие принимали известные общественные деятели Советского Союза — М. Турсун-заде, Ш. Рашидов, Б. Гафуров, Индии — Ромеш Чандра, Рамешвари Неру, Южного Вьетнама — ныне министр иностранных дел РЮВ Суан Тхюи, ОАР — Юсеф эль-Сибаи и многие другие.

Создание Организации солидарности совпало с периодом мощного подъема общественно-политической активности масс, что явилось объективным результатом развития национально-освободительной, антиколониальной борьбы. Победа советского народа в Великой Отечественной войне, создание мировой социалистической системы оказали огромное влияние на развитие освободительных революций, что привело к национальной независимости полутора миллиардов человек. Народы 80 государств сбросили колониальное господство и становятся на путь самостоятельного развития. И только 35 миллионов человек в Азии и Африке все еще продолжают томиться под колониальным гнетом.

Анализ разнообразной деятельности Движения солидарности показывает, что оно является важным завоеванием прогрессивных сил Азии и Африки, так как сумело объединить в борьбе с империализмом и колониализмом различные по своим идеологическим и религиозным убеждениям организации. В настоящее время Движение солидарности включает в себя 75 национально-демократических партий, общественных организаций афро-азиатских стран и национально-освободительных движений. Среди них правящие партии ряда государств, такие, как Народный конгресс Уганды, Союз народов Кении, Африканский национальный союз Танганьики, Партия Афро-Ширази (Занзибар), и ряд других.

Опыт многогранной борьбы Организации солидарности за национальное освобождение, за социальный и экономический прогресс объективно привел народы Азии и Африки к пониманию необходимости международной солидарности и единства с общим антиимпериалистическим движением, ведущей силой которого является мировая социалистическая система. Народы освободившихся стран поняли, какие огромные возможности для них таит в себе революционный опыт стран социализма и международного рабочего движения.

В понимании общих интересов антиимпериалистической борьбы в различных отрядах Организации солидарности стран Азии и Африки были заблуждения, которые приводили к попыткам изолировать эти континенты от мирового революционного процесса.

Именно в этом вопросе Организация солидарности сыграла полезную роль, она способствовала росту национального и политического самосознания афро-азиатских народов. Участие в Движении солидарности стало хорошей школой для многих политических и государственных деятелей, и его идеи и принципы находят сейчас свое практическое воплощение в жизни молодых суверенных государств.

Движение солидарности направлено на организацию помощи борцам за освобождение и на развитие сотрудничества с социалистическими странами. Эти две стороны деятельности неразрывно связаны между собой и не могут быть противопоставлены друг другу. Этот принцип подтвержден на алжирской сессии Совета афро-азиатской солидарности в марте 1964 года. Сессия призвала народы двух континентов объединиться со всеми антиимпериалистическими силами и вести борьбу до полного освобождения и ликвидации колониализма. Это объединение стало реальным в связи с тем, что Организации солидарности удалось преодолеть раскольнические стремления, основанные на попытках разжигания шовинизма с целью объединения народов Азии и Африки на расовой основе и разделения наций на «богатых» и «бедных».

Ныне деятельность Организации афро-азиатской солидарности проходит в условиях агрессий и провокаций империалистических держав против прогрессивных сил. Поэтому значение принципов международной солидарности, интернационализма и единства действий особенно актуально. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий обратилось с призывом ко всем прогрессивным силам: «Народы социалистических стран, пролетарии, все демократические силы в странах капитала, освободившиеся и угнетенные народы,— объединяйтесь в общей борьбе против империализма, за мир, национальную независимость, социальный прогресс, демократию и социализм!»

Активное сотрудничество Организации солидарности с Всемирным Советом Мира, Международной демократической федерацией женщин, Всемирной федерацией демократической молодежи и другими демократическими объединениями создает предпосылки к единству и формированию антиимпериалистического фронта. Огромную помощь в решении этой проблемы оказывает интернациональная политика социалистических стран. Создание комитетов солидарности в Болгарии, ГДР, Польше, Чехословакии, Румынии, их тесные контакты с Постоянным секретариатом Организации солидарности, участие в конференциях и форумах, бескорыстная практическая поддержка делают более боеспособными афро-азиатские народы в их борьбе с колониализмом и империализмом.

Основной задачей Организации солидарности, которая была определена ее уставом и рядом решений советов, является развитие движения за полное национальное освобождение. При этом Организация солидарности считает, что добиться этой цели можно, только используя все формы борьбы—вооруженную, политическую, дипломатическую.

Как это осуществляется на практике, видно из таких примеров: в годы своей героической борьбы алжирский народ через международные комитеты помощи Движения солидарности получал большую материальную поддержку. С 1963 года начал свою работу Комитет помощи народу Вьетнама. Организация солидарности не только оказывает материальную помощь его борьбе против американской агрессии, но и стремится к укреплению солидарности и широкого фронта действий в поддержку Вьетнама. В сентябре 1968 года в ОАР состоялась встреча представителей афро-азиатской солидарности на Чрезвычайной конференции, которая посвящалась вьетнамскому вопросу. На этой конференции была дана оценка роли единства всех прогрессивных сил в общем антиимпериалистическом движении и, главное, — роли социалистического содружества в борьбе с империализмом. «Всякую помощь Вьетнаму и в особенности ту, которую оказывают народы социалистических стран во главе с трудящимися великого Советского Союза, мы рассматриваем как прямую поддержку нашей собственной борьбе»,— заявил на конференции в Каире Амилкар Кабрал, генеральный секретарь Африканской партии борьбы за независимость Гвинеи и островов Зеленого Мыса.

Вот уже несколько лет народы Юга Африки и португальских колоний ведут решительную вооруженную борьбу с расистами и колонизаторами. Трудность их борьбы осложнена тем, что расистская политика ЮАР и Южной Родезии находит поддержку империалистических держав, которые вложили в их экономику огромные средства и готовы силой оружия защищать свои прибыли. Англия имеет в Африке 3,5 миллиарда долларов своих капиталовложений, США — около 1 миллиарда, ФРГ—

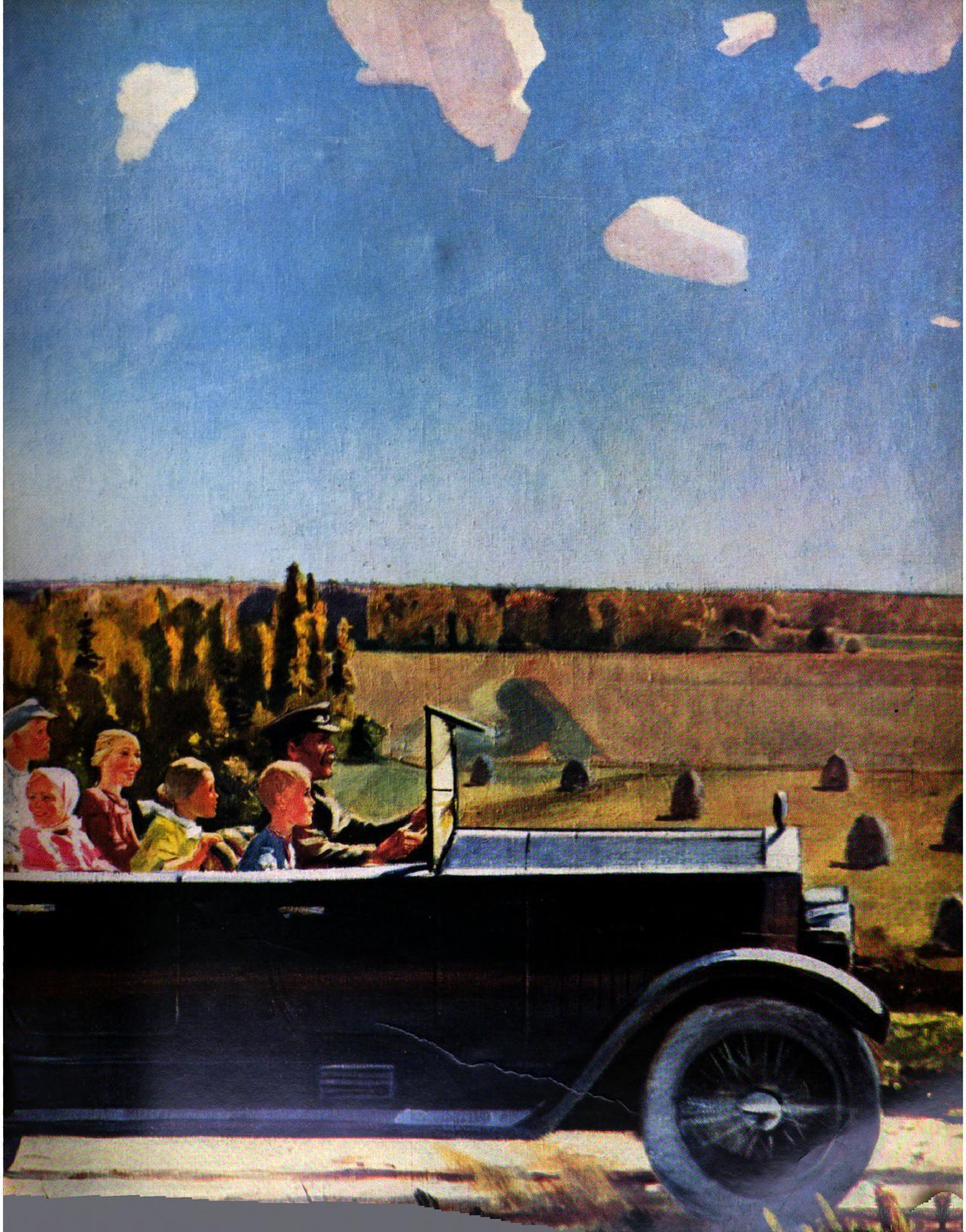
Copyrighted material

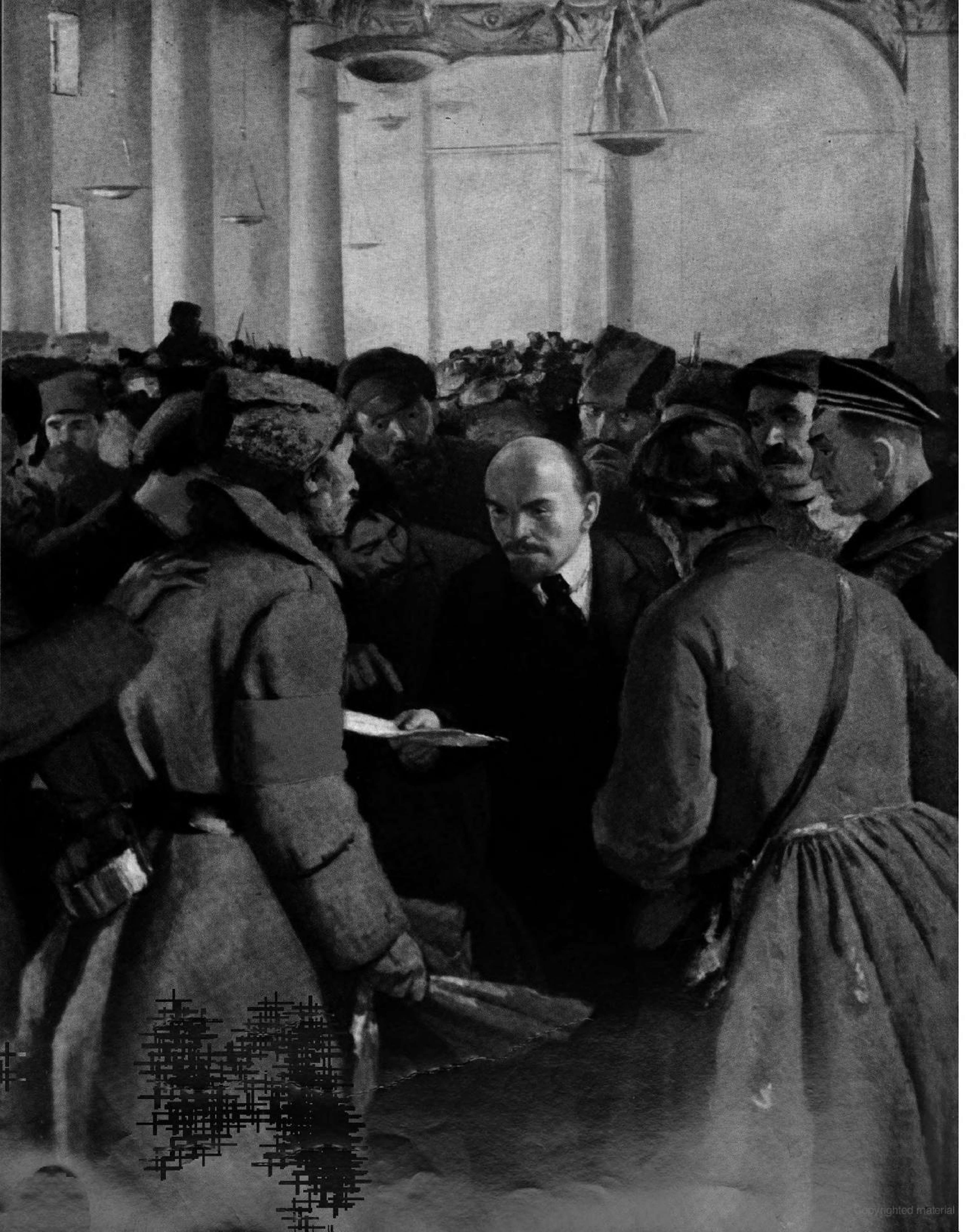
П. Келин. 1877—1946. ПОРТРЕТ В. И. ЛЕНИНА. Начало 20-х годов. Государственная Третьяковская галерея.

А. Дейнека. 1899—1969. В. И. ЛЕНИН С ДЕТЬМИ.

защищенный авторским правом

copyrighted material

почти 1 миллиард марок. Военно-политический блок ЮАР, Южной Родезии и Португалии при поддержке Североатлантического союза поставлен защищать интересы международных монополий и создавать угрозу независимым африканским странам.

Комитет поддержки народа Юга Африки ставит своей задачей оказание помощи борцам за свободу и разоблачение перед всем миром преступлений расизма и апартеида.

Международная конференция, созванная в Хартуме в январе 1968 года по инициативе Организации солидарности народов Азии и Африки и Всемирного Совета Мира, явилась первым широким форумом антиколониальных сил, на котором обсуждались проблемы освобождения Юга Африки и португальских колоний. Сколь авторитетна была эта конференция, можно судить по тому факту, что в ее работе участвовали представители 59 стран Азии, Африки, Америки и Европы, а также делегации 12 международных демократических объединений.

Результатом хартумской встречи стало то, что в десятках стран Азии, Европы, Латинской Америки возникли антиколониальные и антирасистские организации, которые оказывают политическую и практическую помощь африканским патриотам. Постоянный секретариат Организации солидарности и Всемирного Совета Мира совместно с рядом международных демократических центров предложил провести в начале 1970 года в одной из стран Западной Европы новый форум международной солидарности с народами португальских колоний.

Таким образом, ликвидация колониальных и расистских режимов стала не локальным, а международным явлением, что и было отражено в призыве коммунистических и рабочих партий на московском Совещании: «До конца очистить нашу планету от скверны колониализма, уничтожить его последние очаги, не допустить возрождения его в новых, замаскированных формах — таково требование эпохи».

В настоящее время проблема Ближнего Востока продолжает оставаться в центре внимания международной общественности. Миролюбивые силы осуждают агрессивные действия Израиля. В то время как справедливые требования арабских народов, направленные на ликвидацию последствий израильской агрессии, завоевывают симпатии и поддержку, западные идеологические и пропагандистские центры пытаются дезинформировать мировую общественность, внести раскол в единую позицию прогрессивных сил.

Вокруг проблемы Ближнего Востока идет острейшая борьба между империализмом и сионизмом, с одной стороны, и силами мира, прогресса и социализма, с другой стороны.

Движение солидарности заняло верную позицию поддержки освободительной борьбы арабских народов и защиты их законных прав. Оно выступило инициатором международных конференций в Нью-Дели в 1967 году и в Каире в 1969 году, где решительно была осуждена агрессия империалистических кругов.

Защитники колониализма и неоколониализма стараются перенести борьбу против афро-азиатских народов в область идеологии. Они пытаются доказать, что достижение независимости в условиях отсталости неизбежно приведет к экономическому хаосу и, как следствие этого,— к социальной и политической анархии. Этим самым они пытаются доказать необходимость сохранения империалистических позиций в экономике молодых государств. В их руках все еще находится значительная часть промышленности, торговли, природных ресурсов. Вслед за экономической зависимостью империалисты пытаются навязать свои политические условия, имеющие цель направить освободившиеся страны в русло буржуазно-капиталистического развития.

Вот почему в наше время борьба народов освободившихся стран за свою экономическую независимость и социальный прогресс становится важнейшей проблемой. Особая ответственность в выполнении этой нелегкой задачи лежит на Организации солидарности народов Азии и Африки. И хотя еще далеко не все сделано, но правильная политическая платформа помогает афро-азиатским народам в выборе пути социально-экономического развития.

В декларации конференции солидарности народов двух континентов, состоявшейся в феврале 1963 года в Моши (Танзания), говорится, что «битва против империалистов и колонизаторов не ограничивается только областью политики. Политическая независимость — это не конец, а только начало. Начало дальнейшей и более трудной битвы, а именно борьбы за экономическую самостоятельность». Есть основания утверждать, что все большее число афро-азиатских стран видит подлинную независимость в некапиталистическом пути развития, в социалистической хозяйственной системе. С этой точки зрения Движение солидарности считает целесообразным обмен опытом и развитие сотрудничества освободившихся стран с социалистическим содружеством.

Теряя позиции в области политического и экономического влияния в странах Азии и Африки, империализм пускает в ход идеологическое оружие. Он пытается оказать влияние на процесс воспитания и обучения молодого поколения, отравить его сознание, используя для этих целей широкий арсенал лжи, клеветы, демагогии, коррупции, шантажа.

Развитие национальной культуры, возрождение ее лучших демократических традиций, становление системы народного образования, обмен национальными культурными ценностями, совместные действия против проникновения разлагающего влияния империалистической идеологии — таковы позиции, на которых стоит Движение афро-азиатской солидарности. В связи с этим очень важно подчеркнуть роль Ассоциации писателей стран Азии и Африки, которая после первой ташкентской конференции вот уже более десяти лет активно выступает в защиту угнетенных.

Советские писатели вместе с писателями Индии, ОАР и других стран участвуют в борьбе против империализма, расизма, неоколониализма.

На второй конференции в Каире писатели Советского Союза, Индии, ОАР, Нигерии, Судана выступили за дальнейшее укрепление единства писателей Азии и Африки.

В 1967 году в Бейруте проходила третья конференция писателей. Все эти встречи дали возможность не только расширить творческое содружество стран двух континентов, но и установить прочные связи с писателями Европы и Америки.

Последним крупным событием в жизни писателей Азии и Африки явился Ташкентский литературный международный симпозиум, который сыграл важную роль в расширении творческого содружества, что, несомненно, окажет влияние на становление национальных культур.

Советский народ с первых дней возникновения Движения афро-азиатской солидарности стал его участником, что говорит о его верности принципам ленинской интернациональной политики в отношении стран Востока. Представители Советского комитета солидарности на встречах в Каире и Конакри, Моши и Виннебе, Бейруте и Бандунге, Алжире и Гаване, Хартуме и Никозии последовательно защищали принципы Движения афро-азиатской солидарности, его единство со всеми антиимпериалистическими силами.

Этим целям служат широкие связи и сотрудничество с национальными организациями, демократическими партиями и освободительными движениями более чем 80 стран. За последние три года СССР посетило около 500 представителей из 60 развивающихся стран. Зарубежные гости имели возможность непосредственно познакомиться с жизнью советского народа и оценить преимущества социалистического пути развития.

Кроме того, Советский Союз оказывает помощь народам молодых независимых государств в развитии экономики и культуры, помогает готовить национальные кадры. Только по стипендиям Советского комитета солидарности в высших учебных заведениях СССР обучается более 500 юношей и девушек из афро-азиатских стран. Они получают специальности врачей и преподавателей, агрономов и инженеров.

Накануне 100-летия со дня рождения В. И. Ленина с особой силой проявилась тяга к бессмертному ленинскому учению о национально-освободительных революциях и единстве антиимпериалистических сил. Это, в частности, нашло свое выражение на международном симпозиуме, посвященном ленинскому учению о национально-освободительных революциях и современному этапу социального прогресса развивающихся стран, который организовал Советский комитет солидарности совместно с АН СССР. Участников симпозиума из 56 стран Азии, Африки и Латинской Америки объединяло великое учение Ленина, ставшее ныне интернациональным. Эту мысль хорошо выразил известный общественный деятель Индии Хирен Мукерджи: «Советоваться с Лениным — это одновременно долг, удовольствие и привилегия всех тех, кто борется за лучшую жизнь человечества».

ВЕЛИЧИЕ ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

«Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите «Правде». Ульянов».

С этой исторической телеграммы, извещающей партию и российский пролетариат о возвращении Владимира Ильича в Петроград, начинается книга «За строкой биографии Ленина», выпущенная издательством «Советская Россия». В книге помещены редкие и чрезвычайно интересные документы, телеграммы, письма, фотографии и рассказы участников подготовки Октябрьского вооруженного восстания. Авторы книги — Юрий Грибов, Александр Лазебников и Олег Опарин — совершили путешествие по многим маршрутам В. И. Ленина, разыскали многих свидетелей тех незабываемых событий.

Белоостров. Первая русская станция перед Петроградом. Встречать Ленина сюда приехала Мария Ильинична с делегацией партийных работников. Пришли и сестрорецкие рабочие. Среди них был Александр Андреевич Андреев — старый оружейник, большевик, ныне пенсионер, живущий в Ленинграде. Авторы книги предоставляют ему слово.

— Вокзал был на той стороне,— забыв про перчатки, показывает Александр Андреевич покрасневшей рукой.— Платформа была узкая, дощатая. Стоим мы, ждем, поглядываем на пути. И вдруг огни показались: поезд! Когда он остановился, все стали спрашивать, в каком вагоне Ленин. А кто-то уже кричит: «Товарищи, Ленин здесь!»

Мы кинулись назад. И видим: стоит Ленин, без кепки, пальто нараспашку, улыбается... Я протиснулся к нему поближе и спрашиваю:

«А как, товарищ Ленин, поступить с оружием, которое мы добыли в первые дни революции? Меньшевики и эсеры сдали его и других агитируют сдать».

«Ни в коем случае не сдавать! — как-то быстро и резко ответил Ленин.— Оружие нам может пригодиться! Берегите его!» Да, так и сказал: «берегите».

А вот в окружении советских воинов сфотографирован Мирон Сергеевич Огоньян. Он рассказывает о том, как на своем броневике вез дорогого пассажира от Финляндского вокзала к особняку Кшесинской.

Участников и свидетелей тех дней, людей, которые шли рядом с Лениным, становится все меньше и меньше. Тем значительнее и ценнее их рассказы о Ленине, о пережитом и виденном. От всей души, бескорыстно водили они авторов книги по адресам более чем полувековой давности, раскрывали свои семейные фотоальбомы и личные архивы.

«Нам радостно сознавать, что на своем журналистском пути мы повстречались с людьми, для которых вся истина жизни еще до Октября была в слове — Ленин. Почти двести дней — с первых шагов Владимира Ильича по перрону Финляндского вокзала до штурма Зимнего — некоторые из героев книги были неразлучны с Лениным. Человечество всегда будет завидовать этим счастливцам».

Семен БОРЗУНОВ

С. Герасимов. 1885—1964. В. И. ЛЕНИН НА II СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ.

Copyrighted material

Дружба двух великих балерин — Галины Улановой и Иветт Шовире — началась много лет назад...

...а эта дружба — молодая. За кулисы к Сирилю Атанасову пришли солисты Большого балета Екатерина Максимова и Владимир Васильев.

ОТВЕТНОЕ ПРИ

Ольга САХАРОВА

Фото Е. Умнова.

Иветт Шовире предупредила меня, что может уделить нашей беседе не больше тридцати минут. Сетовать на такой сжатый срок не приходилось. Каждый, кто мало-мальски представляет себе нелегкий труд артистов балета, знает, что значат для них лишние минуты отдыха между занятиями в классе, репетициями, спектаклем...

Встретились мы с Иветт Шовире, одной из самых известных балерин современности, днем. А когда я вышла из «Метрополя», где остановилась балетная труппа театра Франции «Гранд Опера», оказалось, что уже наступил вечер; предполагаемое получасовое интервью вдруг обернулось почти трехчасовой интереснейшей беседой.

Произошло это, думается, вот почему: Иветт Шовире не осталась равнодушной к теме беседы. Я спросила, как относится актриса к нашему, русскому балету. Спросила о коллегах Шовире по знаменитой парижской «Гранд Опера».

Накануне вечером я видела Шовире на сцене. Она танцевала «Умирающего лебедя» Сен-Санса, исполняя собственную редакцию знаменитой хореографической миниатюры М. Фокина. Иные пытались припомнить: какие же новые движения внесла Шовире в свой танец, что́ именно делает она в нем по-своему? Но ответ найти было невозможно: «Умирающий лебедь» Шовире — это единый вздох, единый трагический порыв, где нет никаких внешних эффектов, ничего вычурного, лишнего. Высочайшее мастерство Шовире делает ее танец настолько же зримо простым, насколько одухотворенным и выразительным.

Нельзя не согласиться с многими критиками, которые называют Шовире великой трагической балериной. Но вовсе не ощущается сейчас этот трагизм в хрупкой, изящной женщине с бархатными карими глазами, которая сидит рядом со мной и оживленно делится впечатлениями о нынешних гастролях.

Иветт Шовире танцевала на всех крупных сценах мира. Однако чувство, с которым выходит она на сцену Большого театра, по ее словам, ни с чем не сравнимо.

— Я уже давно знаю вашу публику, такого зрителя нет больше нигде в мире! — восклицает актриса.— Ваша публика удивительно развита, я бы даже сказала, профессионально подготовлена. Но не это главное. В Лондоне, например, тоже очень большой круг зрителей разбирается в балете, но это чаще оборачивается неким снобизмом. Кроме того, ваш зритель в высшей степени объективен: он ничего и никого не награждает льстивыми аплодисментами, хотя главное опять-таки не в этом. Главное то, что если русский зритель вас принял,— он вас полюбил!.. И эту любовь нельзя не почувствовать: она почти ощутимо струится из зала на сцену. Она вдохновляет артиста, и ему хочется превзойти самого себя! Хочется, чтобы зритель услышал и твое ответное признание в любви...

Если нужно было бы как-то коротко, одним словом определить советскую публику,— продолжает Иветт Шовире,— я бы назвала ее вдохновенной. Самая большая радость для артиста — принести такому зрителю счастье, потому что ваш зритель возвращает это счастье сторицей.

Я иногда задумывалась над

Copyrighted material

ЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

тем,— говорит актриса,— почему именно русская публика так тонко и точно воспринимает смысл и красоту каждого движения, даже каждого жеста. Это понимание пришло, когда я познакомилась с вашим фольклором — народными танцами и песнями. По-моему, в русском человеке от природы заложена большая доля артистизма, чувство стиля и вкуса. Я объясняю этим же и то, что советская балетная школа единственная в мире сумела полностью оценить и сохранить традиции классического балетного искусства. От него ваш советский балет воспринял главное: грацию, изящество, хороший вкус, чувство красоты. А это никогда не стареет. По-моему, тем же врожденным артистизмом народа обусловлено и то, что в лучших ваших балетах отсутствует элемент механистичности: у вас все танцуется, все осмыслено и одухотворено. Поэтому советский балет смог дать миру великую Уланову.

Знаете, мне кажется,— признается Шовире,— что в Большом театре даже стены репетиционных классов пропитаны вот таким именно духом русского балета... На занятиях мы замечаем, что по-новому возрождаемся как танцовщики. От ваших актеров и педагогов мы узнали много движений, которые в других странах, думается, вовсе не оправданно утеряны...

Наш разговор сам собою перешел к работам балетной труппы «Гранд Опера». Парижане привезли в Советский Союз два больших спектакля — «Коппелию» Л. Делиба и «Собор Парижской богоматери» М. Жарра, а также несколько одноактных балетов, в том числе «Сюиту в белом» — композицию без сюжета, где внимание зрителей может привлечь лишь мастерское исполнение сложных вариаций. Они решены балетмейстером С. Лифарем в стиле классического балета XIX века.

Зрители действительно с интересом оценивают мастерство элегантного, мужественного Аттилио Лабиса, точную и сдержанную манеру исполнения Нанон Тибон, легкость и изящество Жозетт Амьель, юношескую грацию Жоржа Пилетта. Однако по «Сюите в белом» можно судить лишь о технической подготовленности актеров, поэтому Иветт Шовире часто прерывала меня словами:

— Нет, нет! Вы ведь не видели этого актера в других ролях. А если посмотреть на Жаклин Рейе в «Веберне — опус 5»,— это чисто современная хореография, и она танцует очень четко, даже как-то жестко, подчиняя весь пластический рисунок внутреннему содержанию. Но вот Рейе танцует Сильфиду, и здесь у нее появляются мягкость, прозрачность, невесомость. Вообще Рейе очень деликатная, чистая балерина, с яркой индивидуальностью.

Мне хотелось услышать мнение Иветт Шовире об одном из самых интересных спектаклей на сцене «Гранд Опера» — балете «Собор Парижской богоматери» в постановке Ролана Пти. У зрителя эта работа известного французского балетмейстера вызывает эмоции противоречивые... Невозможно не восхищаться богатством творческой фантазии Ролана Пти — хореографа и режиссера, присущим ему тонким чувствованием музыкального образа, его рисунка. Каждое движение любого персонажа — будь то один из главных героев или человек из толпы — целиком подчинено авторской идее.

— Ролан Пти — поэт танца, он очень талантлив,— говорит Иветт Шовире.

С этим нельзя не согласиться. Хотя тот зримый образ великого романа Виктора Гюго,— образ, который каждый из нас носит в себе с юности,— делает для зрителей спорным многое в балете.

Я не могла удержаться от высоких оценок, когда заговорила с Иветт Шовире о Сириле Атанасове — исполнителе роли Квазимодо. Сложнейший, необычный пластический рисунок роли, ее внутренняя трагическая напряженность полностью подвластны актерскому мастерству танцовщика. Его Квазимодо — главный герой спектакля, его смысловой и эмоциональный центр.

— Да,— соглашается балерина,— Атанасов — очень большой актер с очень широким творческим диапазоном. Классическая хореография «Коппелии», например, где Сириль Атанасов танцует Франца, так же органически подходит ему, как и современный танец Квазимодо в «Соборе»... Вообще мне кажется, что сейчас в нашей труппе очень силен мужской состав. В кордебалете много танцовщиков, которые, безусловно, скоро вырастут до сложных сольных партий. Ну, а у вас в Большом балете все вообще танцуют, как боги. Я помню, когда прекрасные ваши танцовщики Владимир Васильев и Екатерина Максимова были в Париже, Сириль Атанасов сказал Васильеву: «Глядя на ваш танец, я смогу научиться всему».

...Через несколько часов Иветт Шовире опять выйдет на сцену Большого театра. Ей будут аплодировать советские люди. Что бы хотела она передать тем, кто видел ее на сцене, и тем, кто только слышал об ее неповторимом мастерстве?

— **Вы живете в стране, где каждому доступно общение с настоящим искусством. Это — большое счастье.**

Последние минуты перед спектаклем, последние замечания дирижера Ришара Бларо.

«Умирающий лебедь». Танцует Иветт Шовире.

Финальная сцена I акта балета «Собор Парижской богоматери».

Copyrighted material

ПОЭЗИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ

А. С. ГРИБОЕДОВ. Портрет работы Н. Кузьмина.

К 175-летию со дня рождения А. С. Грибоедова

В. АРХИПОВ

Минуло 175 лет со дня рождения основоположника русской драматургии Александра Грибоедова. Его гениальное творение «Горе от ума», стоящее у истоков новой литературы России, было подвигом, ознаменовавшим целую эпоху в развитии национального самосознания русского общества. Подвиг Грибоедова несет на себе неизгладимый отпечаток немеркнущей славы ратного подвига народа (1812 год) и сливается с подвижнической деятельностью первых русских революционеров, декабристов, поднявшихся во имя освобождения масс от ужасов самодержавия.

В этом национальное и всемирно-историческое значение комедии Грибоедова, роль и характер которой вышли далеко за пределы истории литературы и стали фактом истории русской революции. Русские революционеры от декабристов до Ленина взяли на свое вооружение это нестареющее грозное оружие.

О «Горе от ума», оценивая его общественную функцию, Белинский еще в 1840 году писал, «что это — благороднейшее гуманистическое произведение, энергический (и притом еще первый) протест против гнусной расейской действительности, против чиновников, взяточников, бар-развратников, против нашего онанистического светского общества, против невежества, добровольного холопства и пр. и пр. и пр.». А историк Ключевский, как бы подводя определенные итоги огромной работы, что выполнила пьеса Грибоедова в деле утверждения достоинства русского человека и гражданина, назвал ее «самым серьезным политическим произведением русской литературы XIX века».

И таким оно предстало уже перед первыми своими читателями, когда вокруг «Горя от ума» завязалась жестокая битва. Битва, свидетельствующая о разорванности русского общества, о рабстве народа, о росте недовольства масс и одновременно о том, что пьеса Грибоедова — великое произведение искусства.

Со смелостью, доступной только гению, Грибоедов ломает жанровые перегородки, сближает направления, широко распахивает двери литературы живому разговорному народному языку, по-новому решает проблему конфликта и изображения характеров, всюду проявляя активность и самобытность. «Горе от ума» — оригинальный сплав романтизма и реализма, комедии и сатиры и высшее выражение единства любовного и политического конфликта, во взаимопроникновении и взаимообогащении этих двух стихий драматического действия. И в результате страсти общественные становятся глубинными, исполненными лиризма, теплоты и задушевности, человеческими страстями, а интимно-личное выходит на просторы магистралей истории.

Грибоедов создает новую, реалистическую, эстетику характера, гениально воплощенную в его пьесе. Эта эстетика вполне современна и отвечает нашим оптимальным требованиям к драматургии характера. И как таковая она противоборствует экзистенциалистской драматургии Запада с ее бесхарактерностью характеров и гипертрофией случая, который приобрел неограниченную власть над героем и помыкает им (неся из стороны в сторону), как волны утлым челном. Здесь нет характеров, потому что нет сопротивления, нет борьбы, нет отстаивания себя как личности и как сущности. Здесь человек беззащитен перед беспутством и произволом слепого случая...

«Горе от ума» — «живая картина московских нравов», «толпа характеров», очерченных точно и строго,— так писала о пьесе Грибоедова декабристская «Полярная звезда», радостно приветствуя «феномен» русской драматургии.

В социальной остроте конфликта, антагонистического по своей природе, развертывая богатство и возможности содержания, грибоедовские характеры сминают как недействительные все внешние, формальные определения своей сущности. Они как бы демонстрируют недостаточность этих определений и вырываются за их пределы в родную стихию своего социального бытия. И в этом борении сущности характера с его внешним обозначением (что является одной из главных черт комедии) Грибоедов наглядно и убедительно показывает банкротство эстетики классицизма.

В самом деле, разве имя «Молчалин», казалось бы, претендующее на характеристику сущности явления, что-нибудь говорит нам о нем само по себе? Не наоборот ли, не уводит ли нас эта этикетка от «содержимого» образа?.. И Грибоедов, раскрывая сложную социальную природу «молчалинства», как бы отменяет это обозначение и тем самым демонстрирует крах номенклатурной эстетики в деле познания жизни. В Молчалине изгибающее спину подобострастие вдруг оборачивается наглостью и воинствующей подлостью, не брезгующей никакими средствами для достижения своих карьеристских целей. Находящийся в небольших чинах Молчалин верен принципу «угождать всем людям без изъятья». Но по мере продвижения к «степеням известным» принцип, завещанный отцом, явно усовершенствуется, превращаясь в философию попирания и растаптывания людей... Представьте себе на минуту «остепененного» Молчалина в должности руководителя предприятия, учреждения, заведения — он вам «вышьет кошелечек»!

Итак, сущность образа отвергает внешнюю его классификацию. Эта последняя в роли «видимости» («отрицательной природы сущности») — как прикрытие, как маскировка. «Молчалин» есть маска типа, сорванная с него Грибоедовым.

Обладая богатством обобщения и богатством возможностей, характеры пьесы решают «многоотраслевую» задачу, которую нельзя сводить к любой исторической частности, как бы значительна она ни была. Это ведет к грубым ошибкам.

Давно ли мы с «ученым видом» провозгласили пошляка Репетилова членом... Союза Благоденствия! И безапелляционно утверждали, что, создавая этот резко отрицательный образ, Грибоедов будто бы полемизировал по «оргвопросам» построения декабристского общества. Нас не смущало даже то, что ко времени рождения Репетилова Союз Благоденствия был распущен. Иначе говоря, мы обесценили один из значимых образов русской литературы и заставили Грибоедова ломиться и брать штурмом открытые и никем не охраняемые ворота...

В данной связи необходимо обратиться к ленинскому прочтению образа Репетилова.

Именно Владимир Ильич, цитируя и комментируя классиков литературы, улавливал не только «оттенки» политического звучания слова, но и дал образцы глубокого проникновения в сущность художественного образа как типа, как обобщения. В одной из статей перед революцией 1905 года Ленин писал: «Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев».

Copyrighted material

Итак, репетиловщина — это плод поветрия, увлечения, если угодно, моды. Репетиловы — люди без устоев, быстро «примкнувшие» и столь же быстро бегущие с корабля. Несколько позже, в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса», Ленин скажет, что в ту пору, когда марксизм победил, он заставил врагов «переодеваться марксистами». Репетиловщина есть отражение (как правило, карикатурное) в инородной социальной среде тех теоретических устоев и политических принципов, которые побеждают. Убеждения, за которые готовы идти в бой одни, для других всего-навсего дань времени, дань моде. С нею они так же легко расстаются, как и принимают ее. О чем свидетельствует и сам «мсье Репетилов», быстро поверивший в сумасшествие Чацкого. Отсюда массовость предательств, измен и перебежек среди этих «личностей, увлеченных вихрем событий...».

Первым это изобразил участник декабристского движения Грибоедов. Но вслед за Грибоедовым на разных этапах освободительной борьбы различные модификации репетиловщины отмечали и мастерски воспроизводили многие русские писатели. И здесь мы должны назвать автора «Героя нашего времени» (образ Грушницкого), «Отцов и детей» (образ Ситникова), и сюда же следует отнести знаменитую «Жизнь Клима Самгина»...

Грибоедов был их предшественником. Явление, которое он схватил с изумительной силой и верностью, огромно. Репетилов не образ-частность. Образ-частность слеп. Он уставится в одну точку и ничего не видит вокруг. Он не может предвидеть. Предвидит тип, образ-обобщение. Он зряч и дальнозорок. Он, и только он, видит далеко вперед.

Все это непосредственно вытекает из ленинского прочтения образов. Здесь устанавливается как сущность их, так и современное значение, то есть степень активности образа. Отсюда, из ленинского прочтения, следует та непреложная истина, что живая человеческая практика превращает меру возможностей образа в меру его действительной активности. Именно в сфере практической деятельности человека раскрывается сущность образа — протекает вся его жизнь.

Но как же велика художественная возможность грибоедовских образов впитывать, вбирать, втягивать в свою орбиту, превращать в свою «собственность» живую, вечно бурлящую политическую современность! Она безгранична. Грибоедов всегда на уровне своего читателя, то есть на уровне тех задач, которые решает нация в своем поступательном движении.

Если неодолима грибоедовская проповедь любви «горячим словом отрицанья», то не меньшая (а возможно, бо́льшая) заслуга писателя состоит в утверждении положительного идеала: он открыл подлинного героя своего времени, нарисовал его образ, воссоздал его характер. Он учил русскую литературу искать героев там, где они действительно были,—среди революционеров, правильно понимавших интересы народа и отдавших свою жизнь борьбе за общее благо. Так появилась в русской литературе фаланга воинов-подвижников, для которых «прежде всего» было «дело народа» и его счастье.

Две черты (по крайней мере) генерализуют образ Чацкого. Это абсолютная убежденность в своей правоте и порожденная ею смелость. Он по-суворовски не считает, сколько перед ним войск противника, а смело бросается в битву. Это и создает цельность и красоту образа, придает горячую силу убеждения речи Чацкого и являет в герое доблестный пример для подражания. «Слова Чацкого... приводили в ярость»,— вспоминает современник-декабрист; Добролюбов хотел походить на Чацкого...

Ожесточенная борьба героя с миром косности и насилия, упорство, неуступчивость и злоба последнего раскаляют до предела страсти и раскрывают в ходе развития действия сложный идейно-политический и мировоззренческий комплекс пьесы.

Основой миросозерцания Чацкого является любовь к родине, патриотизм.

Патриотизм Грибоедова и сейчас поражает истинностью своего содержания. В нем воссоединяется патриотический инстинкт народа (по Ленину, «патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств») с последним словом революционного знания. Потому-то декабрист Чацкий одновременно восстает против самодержавия и крепостничества и против «чужевластья мод»: едино суть.

Только в свете этого сложного идеологического комплекса и может быть понята зловещая фигура «французика из Бордо», который в Москве и Петербурге устраивал «род веча» и чувствовал себя здесь «маленьким царьком».

Кто он, этот французик? И почему на него и на «княжен» Чацкий обрушил всю силу своего гнева и негодования?

Грибоедов не делал из этого секрета и точно указал адрес французика: «человек из города Бордо». Не из Лиона, пролетарского центра Франции, и не из Парижа, славного своими революционными традициями, а из Бордо... Простая справка скажет нам, что это значит.

Бордо — в ту пору центр общеевропейской реакции. Название города тогда не сходило со страниц газет и журналов. Здесь нашли свое прибежище ультрароялисты, для которых даже Людовик XVIII, король в плисовых сапогах, был левым. И они отсюда, из Бордо, плели сеть заговора с целью установления ультрареставрации. Заговор «ультра» был раскрыт, и расползлись «французики из Бордо» по столицам государств с реакционным режимом, везде находя понимание, ласку и утешение. Они «имели счастье во всех княжен вселять участье». Они не увидели и не услышали ни в Москве, ни в Петербурге «ни звука русского, ни русского лица». Среди господствующих классов и в правительственных кругах царской России предательство национальных интересов было всеобщим. Как и отрыв от народной жизни.

Вот против кого и вот почему готовил «ответ громовый» Чацкий. И он нашел слова, звучащие и ныне молодо и современно, призывающие к тому, «чтоб истребил господь нечистый этот дух пустого, рабского, слепого подражанья», чтоб «удержать, как крепкою возжой, от жалкой тошноты по стороне чужой...».

Чацкому было что защищать и во имя чего бороться со старым миром, со старым веком. Он является носителем таких непреходящих, неувядающих ценностей в области политики, этики и морали, культуры, национальной доблести, что поступиться ими он не мог, и он пошел на битву с целым светом во имя, говоря суммарно, народа и своего человеческого достоинства.

Кто же победил в этой битве?

Казалось бы, поле боя осталось за миром фамусовых. Но как потрясен этот мир! Как он ничтожен и мелок! И как разобщен в своем ничтожестве... И что он мог противопоставить чести и доблести, гордости и достоинству, таланту, наконец, Чацкого? Что? Умеренность и аккуратность? Что еще?.. И какие средства употребляет он в борьбе?..

А это — немаловажное обстоятельство. Ибо средства в борьбе соответствуют достоинству цели. Это не только по Гегелю!

Мир фамусовых ведет себя как поверженный в прах, растоптанный величием и благородством Чацкого. Потому-то мир этот в ничтожестве своем так не брезглив на приемы и средства. Клевета — вот единственное оружие, которое ему приносит победу. Но разве это оружие? И разве это победа?..

В ожесточенной нравственно-политической, идеологической борьбе, которую перед нами развертывает Грибоедов, победу одерживает Чацкий, хотя он, как русские в древних воинских повестях, один бьется с тысячей. Победа Чацкого — победа новой морали, новых политических принципов, победа общенационального революционного начала над частными эгоистическими интересами эксплуататорских классов.

И эта победа не случайна. Чацкий представляет интересы народа. Именно он, и никто другой, говорит о страданиях и боли народа. Его оценки и суждения имеют в основе своей народный критерий. Наконец, для Чацкого (для Грибоедова) совершенно ясно, что народ не только (и не столько) объект сострадания. В одном из монологов Чацкого мы встречаемся с удивительной характеристикой русского народа:

Умный, бодрый наш народ...

Это утверждение разума народа и его активности достойно венчает национальную идею великого драматурга, что и подсказало декабристу Александру Бестужеву его пророчество: «Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».

И в знаменитом ленинском суждении о роли дворянских революционеров — лучшие люди из дворян помогли разбудить народ — мы явно слышим имя Грибоедова, признание его заслуг перед нацией и Родиной.

Так поэзия национальной гордости стала гордостью национальной поэзии.

ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ

Жизнь крестьян безвестного волжского сельца Деревянная Часовня, описанная Кузьмой Горбуновым в романе «Меж крутых бережков», поучительна и интересна, ибо заставляет нас увидеть, какими путями шла российская деревня к пониманию необходимости революционных преобразований в стране.

Начало романа переносит нас на окраину губернского города Симбирска, в солдатские казармы. Замордованный солдатчиной Евграф Пилясов после неудачной попытки самоубийства дезертирует из армии. Волей случая он оказывается на известной теперь всему миру улице Московской, у дома 58. Случайно слышит разговор двух горожан о жильцах этого дома, Ульяновых. Обремененный своими бедами и заботами, Евграф, конечно, не придает особенного значения услышанному и только потом узнает, какой это был счастливый случай. Но прежде чем мы узнаем о том, какое значение в судьбе Пилясова имел случайно услышанный разговор возле дома на Московской улице, писатель расскажет нам о судьбе Пилясова и судьбах его односельчан.

Действие романа развивается с 1912 по 1917 год. Через солдатчину, через окопы и болота ведет своих героев Кузьма Горбунов. Ведет снова к околице родного села, которое они должны разбудить, повернуть с привычной жизненной колеи на новую, широкую и свободную дорогу.

Крепко, со всей крестьянской обстоятельностью думают мужики о борьбе, о воле. О своем упорстве и верности мечте говорят так: «Которая птица призадумалась об вольной воле, та в курятнике не уживется, чем ее ни прикрывай, каким узлом крылья ни связывай. Она либо помрет с большой скуки, либо вырвется и улетит».

Как жить и где искать правду — вот что главное, тревожащее крестьян. Сообща они думают об этом, сообща и решают менять привычные устои мира. Не желают мужики ждать, когда им принесут свободу со стороны добрые люди. Они хотят добыть ее своими руками. «Тысячи людей готовы к схватке.— говорит односельчанам Евграф Пилясов.— Жизни своей не пощадят. Вся Россия огнем полыхает. И небо дрожит от воплей: «Хлеба, мира, свободы, земли!..»

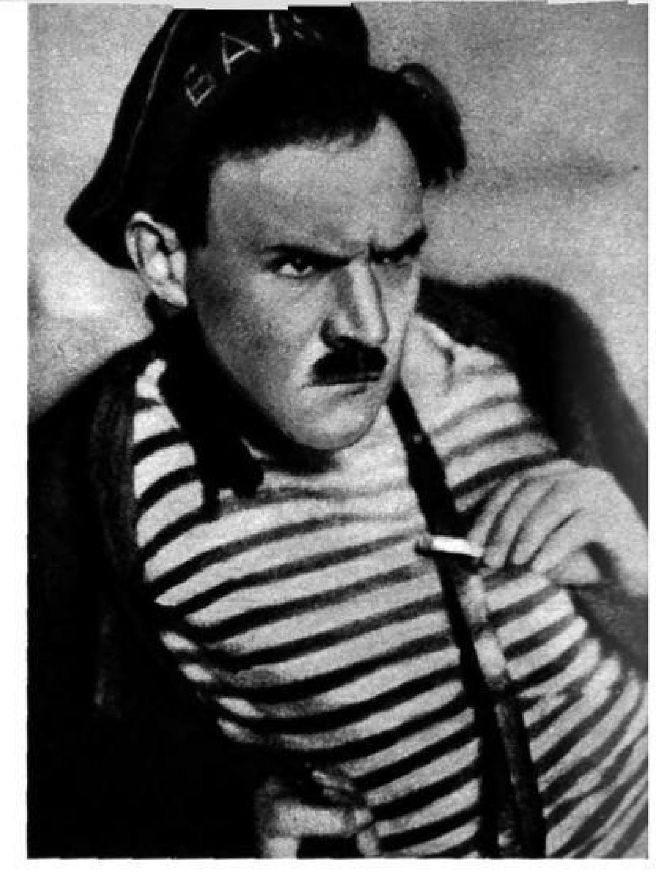
Одно из достоинств романа — тщательно выписанные характеры лучших людей деревни, крестьянских вожаков. Это характеры сложные, колоритные, психологически достоверные, истинно русские и, что самое главное, находящиеся в непрерывном развитии. Правильно поняты писателем и исторические тенденции развития крестьянства в предреволюционный период. Все это заставляет говорить о несомненной писательской удаче.

Валентин ДАНИЛЬЧЕНКО

Кузьма Горбунов. Меж крутых бережков. Роман в трех частях с прологом. Издательство «Советский писатель».

Copyrighted material

● Прохор Храпов в спектакле «Васса Железнова».

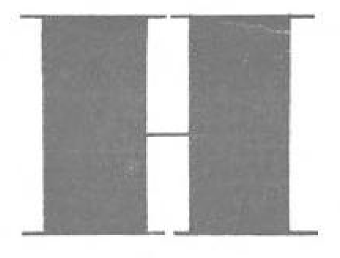
● Ванин в роли Братишки. Спектакль «Шторм».

● Расплюев. «Свадьба Кречинского».

● Фаюнин из спектакля «Нашествие».

● «Дело рядового Шибунина».

Фото А. Гладштейна.

ЕПОВТОРИ

Профессор Вл. ПИМЕНОВ

В 1949 году из Камерного театра ушел А. Я. Таиров. Вместе с ним покинула театр и А. Г. Коонен.

Обстановка, сложившаяся после ухода основоположников Камерного, была тяжелой, коллектив лихорадило. За многие годы люди привыкли к огромному личному авторитету Таирова; его решение оставить театр казалось неожиданным, хотя за последние годы и возникали отдельные конфликты между ним и ведущими актерами из-за репертуара и распределения ролей.

В Комитете по делам искусств стали думать о новом главном режиссере; решили предложить возглавить Камерный театр В. В. Ванину, актеру и режиссеру театра имени Моссовета. Мне (тогда я был начальником Главного управления театров СССР) поручили поговорить об этом с Ваниным. Поначалу он сказал, что пока не готов к деловому разговору на затронутую тему.

Ванина, замечательного актера, я очень любил. Смотрел все поставленные им спектакли. Правда, их было немного, но не так-то и просто ставить спектакли там, где штатные режиссеры обязаны выполнять норму постановок. Зная его стремление к режиссуре, зная и то, что Ванин был преподавателем ВГИКа, мы, собственно, потому и обратились к нему с просьбой возглавить театр.

Разговор наш начался с далекого прошлого... С особым уважением Ванин говорил о Е. О. Любимове-Ланском, первом руководителе театра МГСПС; говорил о том, как ему, Ванину, везло в театре. Классический образ Братишки в «Шторме», созданный Ваниным, всем нам был памятен с молодых лет.

Видел я Ванина и в заглавной роли в «Чапаеве» и во многих других ролях... Вспомнили кинофильм «Ленин в Октябре», образ большевика Матвеева, для которого Ванин нашел свои, неповторимые черты. Это был простой, обычный человек, впервые выходивший на авансцену истории, но **как** он разговаривал с Временным правительством!.. Да, это оно было **временным!** Ванинский же Матвеев был **вечным!**..

Ванин удивлялся: «Как вы хорошо все это помните!» Но какой же работник театра мог забыть то, что стало уже историей! Приятно было также и то, что я оказался почти земляком Ванина. Он уроженец Тамбова. А я хорошо знал Тамбов и тамбовский театр, где Ванин начинал свою театральную биографию. Мне были известны многие актеры и режиссеры тамбовского театра 20-х годов. Вспоминали мы М. Н. Реентовича, отца известных музыкантов Юлия и Бориса Реентовичей, композитора Григория Сметанина... Вспоминали красавицу реку Цну и замечательные сосновые леса по ее берегам...

От воспоминаний снова вернулись к теме нашей встречи. Ванин сказал: «Я подумаю, посоветуюсь с Ю. А. Завадским, с моими товарищами...»

Уникальное творчество Ванина вызывало чувства самые различные. Диапазон его был необыкновенно широк. Умный и образованный человек, обладавший неисчерпаемым юмором, он умел вызывать смех и заставлял чувствовать самые тонкие комедийные оттенки характера героя; иногда становилось заметно даже какое-то обаяние иного отрицательного персонажа... В другом случае он поднимался до высокой сатиры, обобщая типические черты закоснелых бюрократов и демагогов. Умел он выразить страшное и жестокое в человеке-собственнике, мстительность и ненависть ко всему новому... И он же, Ванин, создал неповторимые образы Чапаева и Братишки — людей чистого сердца, бесстрашных героев. А потом полное преображение: тени темного царства — Прохор Храпов из «Вассы Железновой», Фаюнин в «Нашествии» Л. Леонова... Огромную популярность Ванину принесла и его актерская работа в кинематографе.

Ванин обладал необыкновенной общительностью, чувством коллективизма. Это делало его человеком очень популярным в театральной среде. Много раз мне приходилось наблюдать, как проявлялась общественная натура Ванина и в самом театре, и в Центральном Доме работников искусств, и в постоянной связи с рабочими многих предприятий, с учеными... Он — один из основоположников театра МГСПС, чьей отличительной особенностью было обслуживание рабочих непосредственно на производстве. Принцип передвижных постановок лежал в основе всей деятельности этого театра. Театр МГСПС потом стал театром имени Моссовета, куда пришла большая группа актеров вместе с Ю. А. Завадским.

Тогда Ванин много сделал для творческой консолидации этого нового коллектива. У него было отличное знание психологии актера и постоянная забота о его самочувствии — непременные качества, которые должен иметь руководитель театра. Следовательно, только такой человек мог прийти в Камерный театр.

Через несколько дней мы снова встретились. Василий Васильевич сказал, что согласен, но пока просит не требовать от него никаких программ и планов. Сначала он начнет работать, а потом вместе с делом придут и творческие планы... Но одно предложение он просит рассмотреть сейчас, до его назначения: он хочет пригласить в Камерный театр любимых актеров — О. Викландт и М. Названова.

Просьбу Ванина выполнили.

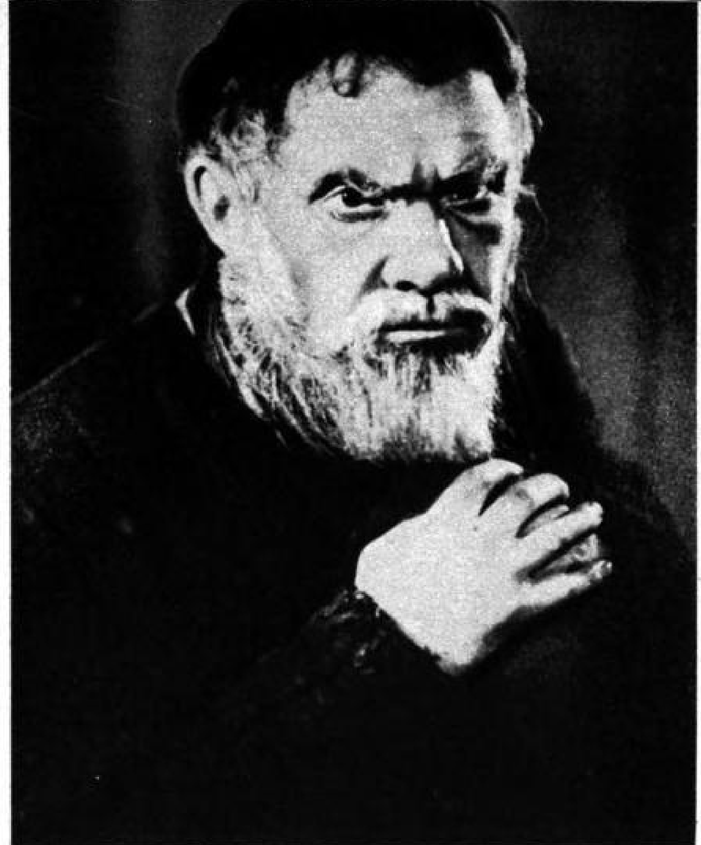
Ванин стал главным режиссером Камерного театра. Отношение к нему было единодушно доброжелательное. Коллектив принял его очень хорошо, доверился опыту и авторитету, каким пользовался Ванин в театральных московских кругах.

С приходом Ванина в театре установилась хорошая, деловая атмосфера. Некоторые полагали, что он начнет свою деятельность с реорганизации труппы, с изменения творческой практики... Ничего этого Ванин не стал делать; он снял всякие основания для нервозности и неуверенности у работников театра. Линию психологического и романтического направления Камерного театра он глубоко чувствовал и, в сущности, продолжил ее, не случайно выбрав для первой постановки психологическую драму И. Франко «Украденное счастье», где раскрывались во всей сложности судьбы людей, столкнувшихся в неразрешимом конфликте. В известной степени эта постановка продолжала линию таких спектаклей Камерного театра, как «Любовь под вязами», «Негр», «Госпожа Бовари»... Актеры М. Названов, О. Викландт, Б. Чирков показали необыкновенную, трагическую жизнь обыкновенных людей, поднявшихся до огромных нравственных высот.

Итак, первая страница истории театра, открывшаяся после ухода А. Я. Таирова, оказалась достойной. Критика отметила хорошее начало работы Ванина. Выбирая «Украденное счастье», Ванин хорошо знал спектакль, который счи-

Copyrighted material

МЫЕ ЧЕРТЫ

тал классическим. Я имею в виду постановку Гната Юры в театре имени Франко с выдающимися исполнителями — Ужвий, Бучмой, и Добровольским. Спектакль этот был известен москвичам потому, что франковцы показали его на гастролях в Москве. Но Ванин выступил со своим решением, не повторяя франковцев.

За четыре месяца В. В. Ванин на сцене нового для него театра поставил четыре спектакля! Уже после его кончины вышел спектакль «На бойком месте» Островского, поставленный О. А. Викландт, а задуманный еще при жизни Ванина. Постановки эти еще более укрепили новые творческие позиции театра в тот период.

Ванин не играл в руководимом им театре, но он не выходил из текущего репертуара театра имени Моссовета, продолжая участвовать в спектаклях, которые любил.

В то время мне не однажды приходилось встречаться с ним, я многое узнавал от него и о современном театре и об отношении Ванина к театральному искусству... Одним из своих учителей он считал Е. О. Любимова-Ланского, с искренним уважением называл имена Розен-Санина, Гераги, Коврова, Оганезовой, Андреева — первого исполнителя роли Председателя Укома в «Шторме».

Ванин считал театр МГСПС настоящим детищем Октября, вырастившим **своих** актеров, для которых основным качеством была гражданственность. Политическая и идейная сущность определяли смысл и значение искусства для народа, близость к зрителю, созвучность событиям и характерам... «Актеры театра МГСПС,— говорил Ванин,— воспитывались на активной современной теме. Каждый из нас был бойцом в искусстве. И так установилось на долгие годы. В театре МГСПС была своя общественная программа; ее разделяла вся труппа. Мы знали, что наш театр является рабочим, более того — чернорабочим, призванным выполнять задачу художественно-политического воспитания рабочих масс: создавать образы героические, воспитывать у зрителя любовь к свободе и революции. Этим объясняется, что Любимов-Ланской имел и своих драматургов, особо важных для театра по направлению творчества, создающих пьесы боевого, революционного содержания. «Чапаев» и «Мятеж» Дмитрия Фурманова — это постановки принципиальные: в них была глубина, были герои — вожаки, революционеры, ведущие за собой народ. И, что особенно важно, они показывали движущие революционные силы самого народа. Спектакль «Мятеж» весь был построен на массовых сценах и в то же время на тонком индивидуальном рисунке каждого участника каждой массовой сцены. В таком же плане решались и пьесы Билль-Белоцерковского «Шторм» и «Голос недр».

Ванину пришлось играть почти во всех спектаклях, поставленных Любимовым-Ланским, и закончить «Машенькой» Афиногенова — спектаклем, поставленным Завадским. На склоне лет Любимов-Ланской играл роль профессора Окаемова, а роль геолога Кареева, современного положительного героя, была поручена Ванину. Успех же спектакля, считал Ванин, был общепризнанным успехом В. П. Марецкой — Машеньки.

Театральное искусство должно быть разнообразным, говорил Ванин, его не надо подгонять под единую манеру, под единую школу: разные стили и направления дают театральному искусству силы для творческого соревнования, для нахождения различных путей и средств художественного выражения правды жизни. Театр МГСПС внес много важного в искусство актерской игры, в современное понимание сценической правды как утверждения высокой идейности и остроты конфликта, выражающего классовую битву народа в дни, когда рождается новая жизнь.

— Работа в театре МГСПС была как бы художественным трамплином для моего участия в кинематографе,— продолжал Ванин.— Я пришел в кино с тем идейным багажом, который накопил в театре, и для меня было естественно, что после образов героев эпохи гражданской войны, сыгранных в театре, я играл Матвеева в фильме «Ленин в Октябре», Ефима Соколова в фильме «Член правительства», заглавную роль в фильме «Секретарь райкома»... И уже актерская работа в кино привела меня к педагогической деятельности...

Придя в Камерный, Ванин задумался над тем, может ли театр называться Камерным при сложившихся условиях, без А. Я. Таирова, с чьим именем была связана вся творческая жизнь коллектива. Будет ли творчество театра отвечать прежнему названию?.. Предложение Ванина сводилось к тому, чтобы новый театр стал пропагандистом русской классической культуры и высокой современной советской культуры. Он хотел переименовать театр, с тем чтобы история Камерного театра как бы закончилась к 50-м годам и началась новая история нового театра.

Тверской бульвар — центр Москвы. В двухстах метрах от здания Камерного театра стоял замечательный памятник А. С. Пушкину. По решению Моссовета его перенесли на другую сторону улицы Горького и установили лицом к Тверскому бульвару.

«А. С. Пушкин стоял к нам спиной, а теперь — лицом. Он смотрит на наш театр, как бы спрашивая: выполним ли мы свою важную задачу перед зрителем? Я буду ходатайствовать, чтобы нашему театру присвоили имя великого русского поэта Пушкина!»

Долго и увлеченно Ванин говорил о том, что Камерного уже нет, а если будет театр имени Пушкина, это даст ему возможность начать жизнь по-новому.

Ванин был настойчив и добился своего. Так на Тверском бульваре возник театр имени Пушкина.

Очень серьезно В. В. Ванин отнесся к задачам, связанным с этим переименованием: он вынашивал большой и ответственный план постановки «Бориса Годунова», который, по его мысли, должен был стать «визитной карточкой» театра. Он подробно излагал свои мечты, рисовал в своем воображении образ спектакля; думал о постановке «Капитанской дочки», в которой сам хотел создать Пугачева.

Он думал реконструировать помещение театра, решительно переоборудовать сцену, сделать зал более уютным и светлым. Современный, уютный театр, который сейчас с удовольствием посещают зрители, стал таким благодаря инициативе В. В. Ванина.

...Кратким, но очень запомнившимся было мое знакомство с Ваниным — одним из замечательных людей в нашем театральном искусстве. Его имя всегда будут называть в числе зачинателей советского революционного искусства.

Важно, что В. В. Ванина помнят не только в театральной среде. Пожалуй, в своей популярности он перешагнул профессию, поистине став народным героем.

Copyrighted material

26 января Республике Индии — двадцать лет.

„ПРОЙДЕТ ВРЕМЯ...“

Николай ПАСТУХОВ

Ноябрь, 1953 год. Телефонный звонок был долгим и настойчивым. Я снял трубку.

— С вами говорят из Бюро пресс-информации индийского правительства. Не могли бы вы через час к нам приехать?

— Простите, а по какому делу?

— По очень важному. Об этом мы сообщим вам позднее.

К зданию, где размещалось Бюро пресс-информации, почти одновременно подъехали три автомашины. Из двух вышли Харольд Милкз, корреспондент американского телеграфного агентства Ассошиэйтед Пресс, и Мальхотра, корреспондент индийского агентства Пресс Траст оф Индиа. Стало ясно, что мы были вызваны по одному и тому же делу. Но по какому?..

В кабинете директора Бюро нас приветствовал г-н Шривастава, человек, который занимал высокий пост в аппарате премьер-министра Индии. Уже в этом факте было что-то неожиданное, так как г-н Шривастава весьма редко встречался с журналистами, тем более иностранными.

— Господа,— обратился к нам Шривастава,—премьер-министр Джавахарлал Неру крайне обеспокоен трагедией, которая обрушилась на нашу страну. В штате Бихар произошло невиданное еще в истории Индии наводнение. Гибнут люди. Всякая связь с этим районом прервана. Завтра рано утром премьер-министр вылетает в Бихар, чтобы ознакомиться с масштабами наводнения и выработать меры по оказанию помощи населению. Неру приглашает вас сопровождать его в этой поездке. Завтра в шесть утра его личный самолет отправляется с аэродрома «Палам». Те, кто согласен принять участие в полете, должны прибыть на аэродром за тридцать минут...

Поздно вечером я отправил в ТАСС, корреспондентом которого тогда являлся в Дели, телеграмму. В ней сообщалось, что, согласно первым отрывочным данным, вышли из берегов река Ганг и ее приток Коси, берущий начало в Гималаях. На сотни километров земля покрылась водой. Радио, телефон и телеграф в этих районах вышли из строя. Судьба многих людей неизвестна. Первые десятки тысяч беженцев прибыли в Патну — столицу штата Бихар.

На делийском телеграфе я встретил Харольда Милкза. Он был в приподнятом настроении.

— Мои репортажи и фотографии под рубрикой «инксклюзив» (специально),— торжественно сказал он,— по хорошей цене у агентства покупает ряд американских журналов и газет. До утра!..

Мы уже находились в самолете, когда подъехала автомашина Неру. На нем был теплый домотканый длинный пиджак в талию: по утрам в это время года в Дели стоит прохладная погода. В петлице алела свежая роза — обычай, с которым он не расставался всю жизнь. В правой руке он держал сандаловую палочку с наконечниками из слоновой кости. В Индии существует поверье, что сандал оказывает благоприятное воздействие на нервную систему и кровяное давление человека. Индира Ганди проводила отца до самого трапа, поцеловала его и что-то шепнула на ухо. Неру улыбнулся и дал понять дочери, что ее волнения напрасны, от курения он воздержится. Затем с легкостью взбежал по трапу, оглянулся, взмахнул сандаловой палочкой и вошел в кабину. Кивком головы поприветствовал нас и скрылся в переднем отделении, где были оборудованы его кабинет и спальня. Старенькая двухмоторная «Дакота» включила двигатели, побежала по дорожке и ловко начала набирать высоту. Как только мы поднялись в воздух, бородатый стюард угостил нас горячим кофе и сандвичами, а один из руководителей Бюро пресс-информации, Бхатия, сообщил нам:

— Господа, во время полета премьер-министр каждого из вас пригласит в свое отделение и с радостью ответит на все ваши вопросы.

Первым к Джавахарлалу Неру вошел индийский корреспондент Мальхотра. Затем Мальхотру сменил Харольд Милкз. Прошло еще какое-то время, и самолет начал спускаться. Бхатия объявил, что скоро начнется облет районов наводнения. Все прильнули к иллюминаторам...

Мы летели над морем смерти. Вода то зеленела, то становилась темно-коричневой. Плавали крыши домов, ящики, доски. Самолет пошел на бреющем полете. Вода уничтожила все: посевы, скот, дороги, мосты, жилища людей. «Дакота» снова набрала высоту. Кто-то дотронулся до моего плеча. Это был Бхатия.

— Вас приглашают в отделение премьер-министра.

Неру сидел слева по ходу самолета и делал какие-то записи. К нему подходили эксперты. Он внимательно их выслушивал и снова что-то записывал. Лицо премьера выражало огромное нервное напряжение, он курил одну сигарету за другой, наверное, забыв об обещании, которое давал дочери перед отлетом.

— Вот посмотрите,— обратился он ко мне, протянув листок бумаги.— Это предварительные данные о наводнении, составленные с помощью экспертов.

Шесть миллионов человек лишились крова, посевов и скота. Размыты шоссейные и железные дороги. Тысячи жителей этого района погибли — в основном дети, женщины, старики. Общий материальный ущерб составляет несколько миллионов рупий.

— Можно мне сообщить эти данные через вашу радиосвязь на делийский телеграф?

— Да, пожалуйста. Пригласите в штурманскую каюту также и своих коллег.

После того, как все журналисты отправили свои корреспонденции, мне предложили на некоторое время еще остаться в отделении премьера. Самолет изменил курс и двигался в сторону Гималаев.

— Смотрите! Это Эверест! — воскликнул Неру.

Да, перед нами была высочайшая гора в мире. Ее вершина прорезала облака и будто подпирала небо. Я смотрел на горы и вспоминал картины Святослава Рериха, который большую часть своей жизни провел вблизи Гималаев. Он сын знаменитого Николая Рериха. На полотнах Святослава запечатлены красные цветы, лиловые горы, ярко-желтые водопады, золотистые облака. Надо увидеть самому Гималаи, чтобы понять это торжество буйных, праздничных красок природы.

— Гималаи,— сказал Неру,— не только красота и величие, но и стихия, не обузданная человеком. Вы только что видели там, в долине, бедствие. Во всем виновата капризная река Коси, которая где-то здесь берет свое начало. Во время муссона она вместе с Гангом выходит из русла, и начинается наводнение. Но мы подчиним ее своей воле. Она даст нам электроэнергию и будет наполнять оросительные резервуары и каналы... Пройдет время, и вы не узнаете новую Индию!..

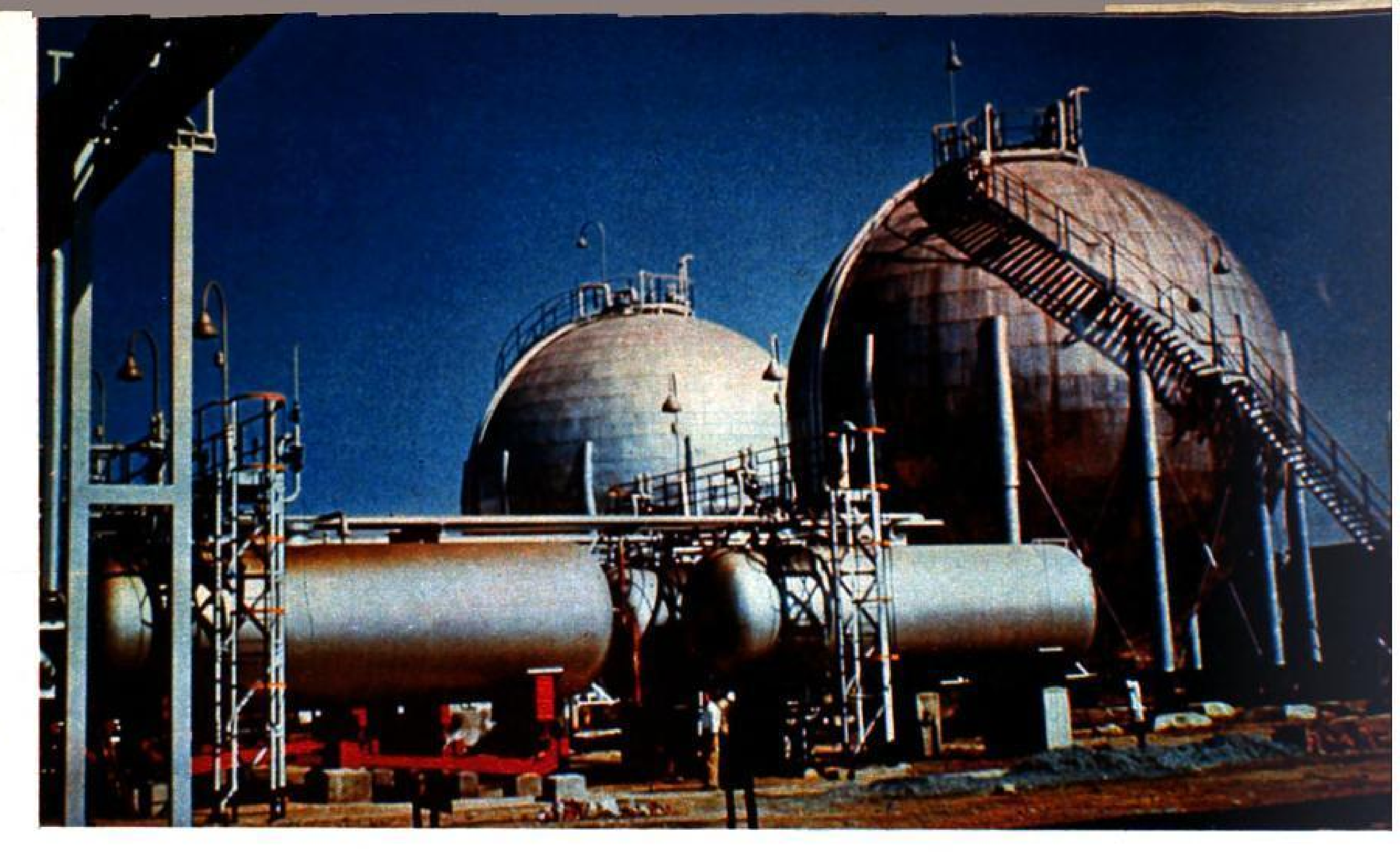
Наша «Дакота» приземлилась на аэродроме Патны. Кортеж автомашин направился в город. Журналисты ехали в четвертой. Неожиданно толпы людей преградили путь кортежу. Это были беженцы из районов наводнения. Женщины протягивали к Неру худеньких младенцев, моля о помощи. В глазах пострадавших — отчаяние и страх. Но как мог помочь премьер-министр этим людям? Наводнения в том году прошли не только здесь, но и на юге, а в Раджастане, куда муссон не дотянулся, свирепствовала засуха.

До поздней ночи в резиденции губернатора штата Бихар проходило заседание местного правительства с участием Неру. Оно продолжалось и на следующий день. У губернаторского дворца собрались толпы возбужденных людей. Но вот на площади неожиданно появились полицейские и рабочие. Из бамбуковых шестов и настила они соорудили трибуну, установили микрофоны, развесили репродукторы.

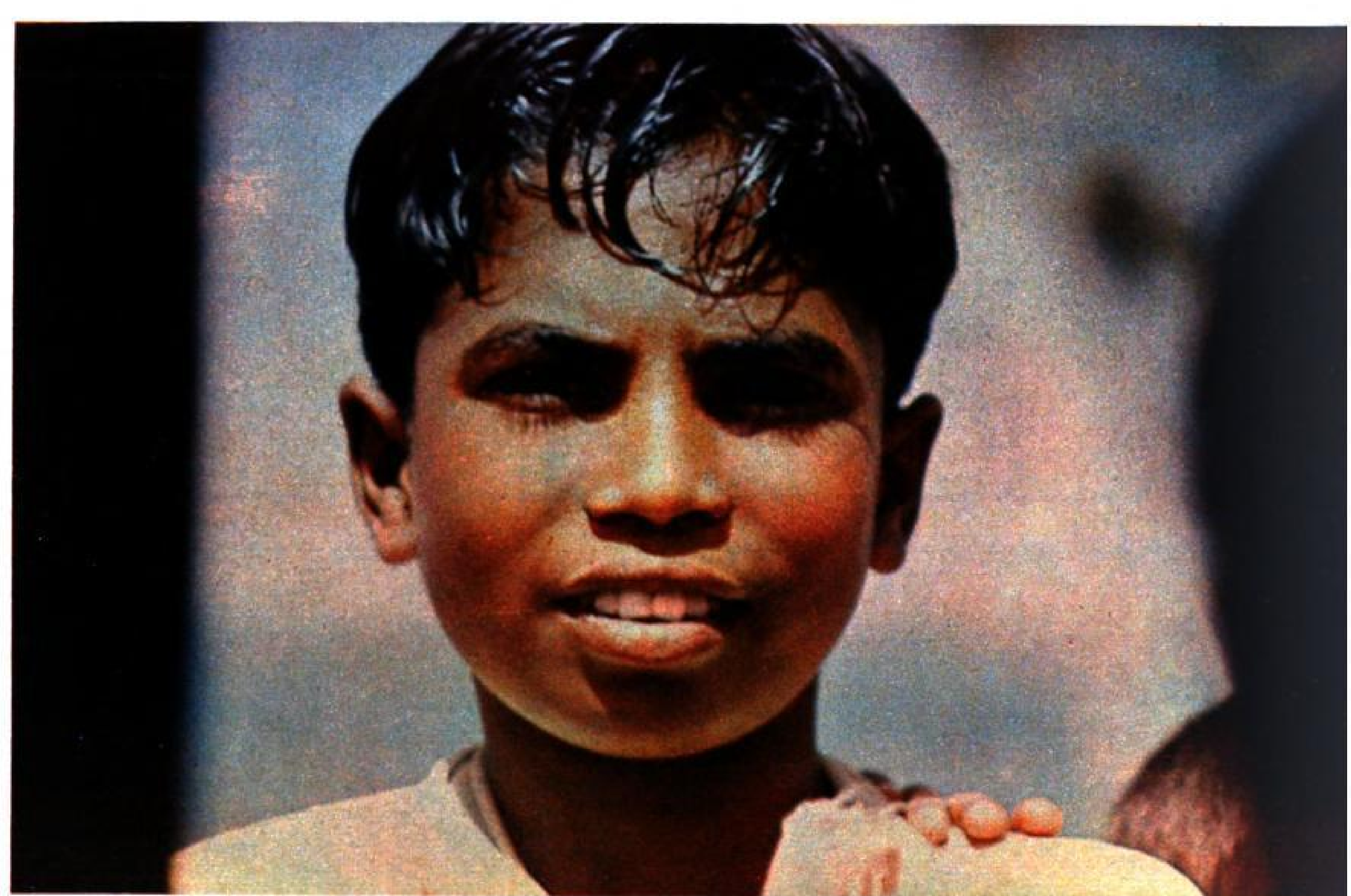
Начался митинг. Он транслировался на всю страну. Выступал Неру. Глава индийского правительства говорил страстно и убедительно, рассказывал гражданам молодой республики не только о трудностях, стоящих перед страной, но и о тех грандиозных планах, которые наметило правительство в борьбе за новую Индию. Затем, сделав паузу, Неру сказал, что у Индии есть друзья, которые не оставляют ее в трудную минуту. Взяв листок бумаги, он зачитал только что полученную телеграмму от Советского Красного Креста. В ней выражалось сочувствие населению штата Бихар и сообщалось о выделении денежных средств для оказания помощи жертвам наводнения. Толпа начала скандировать: «Рус, зиндабад!», «Неру, зиндабад!» («Да здравствует Россия!», «Да здравствует Неру!»).

В этот момент я посмотрел на Харольда Милкза. Его телеграммы наверняка уже известны в Вашингтоне. Но США безмолвствовали — никакой реакции на индийскую трагедию. Опустив низко голову, Харольд Милкз делал какие-то записи в блокноте. Быть может, он хотел таким образом скрыть свое смущение или, отбросив эмоции, сосредоточился на хорошо оплачиваемом репортаже —«инксклюзив».

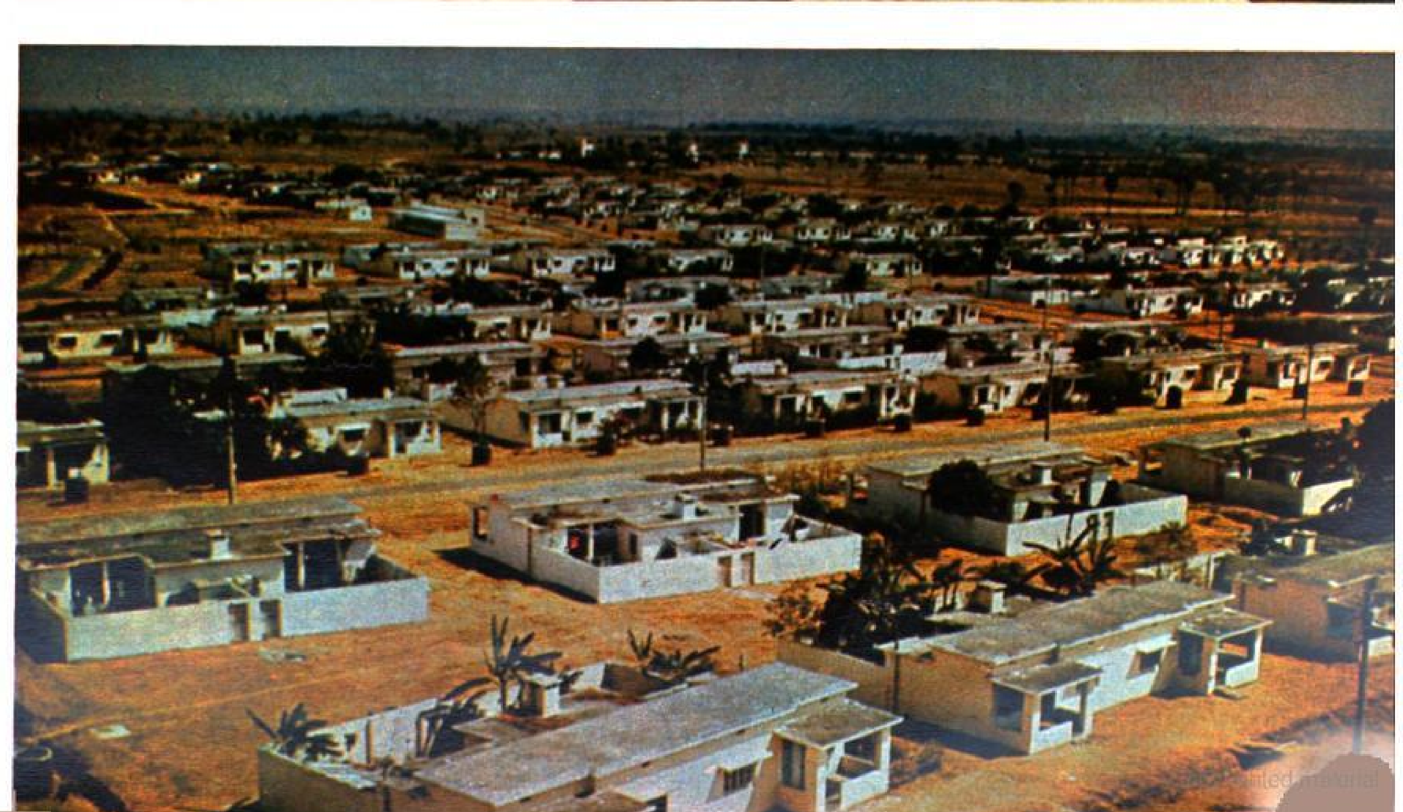
Материал, защищенный авторским правом

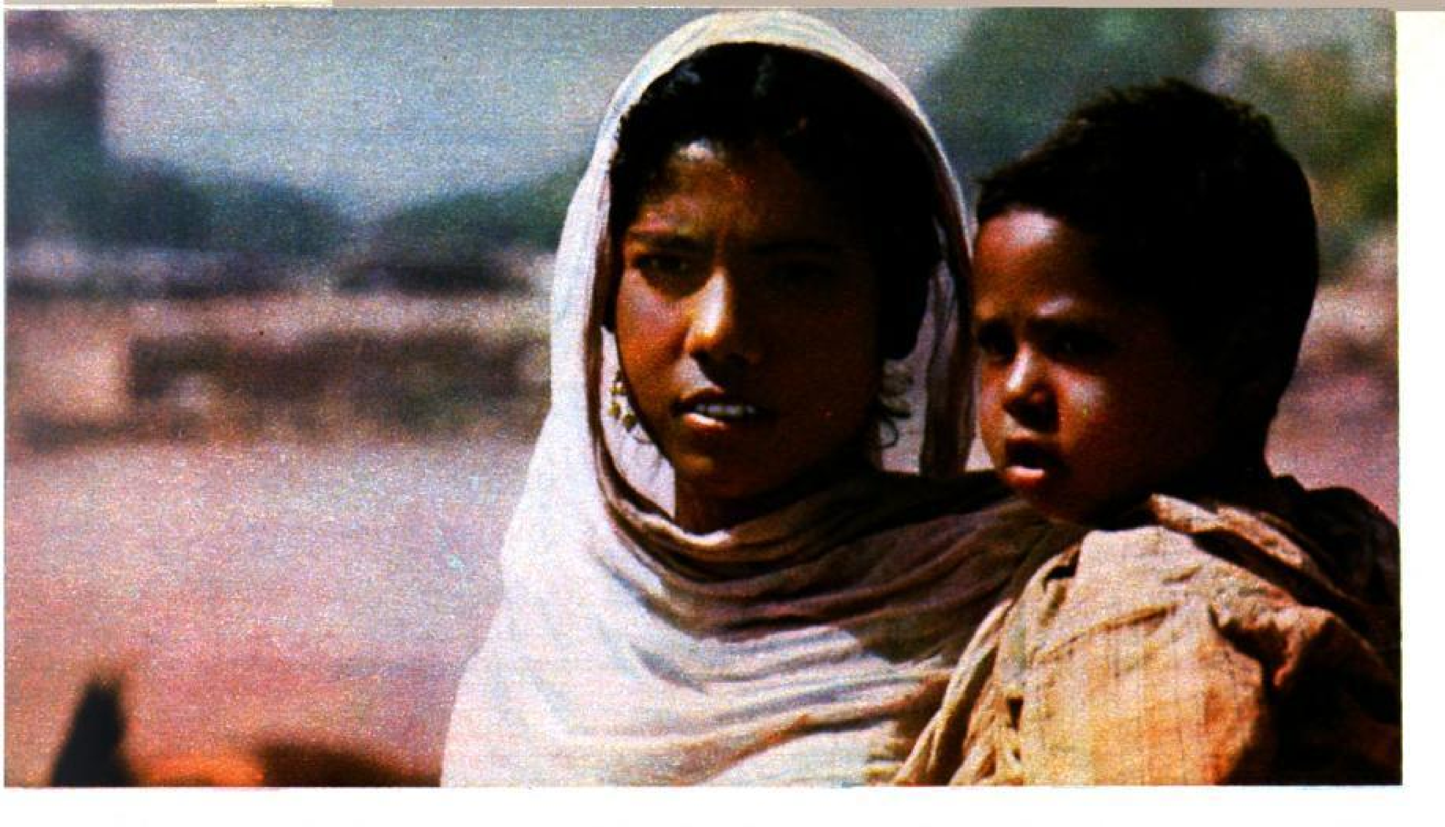
Новые промышленные объекты изменили пейзаж Индии.

Этому мальчугану, как и миллионам его сверстников, Республика Индия обеспечила право на учебу.

Так выглядит новый благоустроенный поселок при заводе удобрений в Синдри.

Молодость Индии.

Мадрас. Монумент «Триумф труда», созданный видным индийским скульптором-реалистом Р. Чоудхори.

Южная Индия славится своими памятниками древней культуры. Этот храм в Махабалипураме (штат Тамилнад) сооружен 1 200 лет назад.

Фото Ю. Яснева и журнала «Индия».

Copyrighted material

Несмотря на то, что прошло уже три года с тех пор, как Индия стала республикой, страна испытывала трудное, очень трудное время. В течение двух веков Британия держала Индию в колониальной консервной банке, изолировав ее от мира. Стремительная история XX века взломала эту банку, и перед взором человечества предстала страна со всеми ее средневековыми бедами. Равная по территории двум третям Европы, с населением пятьсот миллионов человек, Индия не имела своей промышленности, национальных кадров, обрабатывала землю деревянной сохой, находилась в плену кастовых и религиозных предрассудков, феодальной разобщенности.

Первое национальное правительство независимой Индии во главе с Джавахарлалом Неру должно было ликвидировать эту отсталость в самые короткие сроки. Образовавшийся после изгнания английских колонизаторов вакуум хотели заполнить американские монополии, увидевшие в Индии рынок сбыта своей продукции и богатейший источник сырья. Предстояла упорная борьба. Но было совершенно очевидно, что одной Индии в этой борьбе не устоять. Своих первых успехов страна добилась благодаря тесному сотрудничеству с социалистическим содружеством. Это сотрудничество содействовало созидательным процессам возрождения страны Началось триумфальное шествие стали, бетона, машин, электричества, национальных технических кадров.

Летом 1955 года мне снова довелось сопровождать Неру в поездке, но уже по Советскому Союзу. Он посетил ряд предприятий Москвы, Ленинграда, Сталинграда, побывал в среднеазиатских советских республиках, на целинных землях, в Свердловске, Тбилиси и Магнитогорске. Каждый день вместе со своим старшим коллегой Иваном Плышевским мы отправляли в газету «Правда» корреспонденции, в которых сообщали об огромных впечатлениях премьера Неру, увидевшего воочию расцвет социализма, те огромные созидательные и творческие возможности, которые заложены в новом обществе, живущем по заветам Ленина. Именно этот величайший человек нашей эпохи всегда манил к себе Джавахарлала Неру, заставлял его думать о будущих путях развития его родины. «Изучение Маркса и Ленина,— писал Неру в своей книге «Открытие Индии»,— оказало огромное влияние на мое сознание и помогло мне увидеть историю и современную жизнь в новом свете».

В 1955 году с горы Ай-Дарлы Неру смотрел на величественную индустриальную панораму Магнитогорска. И где-то подсознательно в этой панораме он улавливал будущие контуры Индии... Неру восхищался достижениями Страны Советов, которая, по его словам, «занимается великой задачей строительства нового общества. Она уже добилась больших успехов, и ее ожидают еще более огромные успехи в будущем».

Прошли годы. Республика Индия добилась определенных, зримых успехов в экономической и культурной областях. За годы независимости в стране были созданы такие важные отрасли промышленности, как металлургическая, тяжелое машиностроение, нефтяная промышленность и энергетическая. В десять раз выросла выплавка стали. Общий объем промышленного производства увеличился в два раза.

Но в стране не прекращалась борьба, тайные нити которой уходили в разведывательные службы Лондона и Вашингтона и штабы империалистических монополий. Феодальные и компрадорские магараджи, согнанные индийским национально-освободительным движением с «павлиньих тронов», создали в стране пятую колонну в виде таких политических партий, как «Сватантра» и «Джан Сангх», нашли своих сторонников даже в правящей партии Индийский национальный конгресс.

Подрывные силы и начали саботаж прогрессивных мероприятий индийского правительства.

Неру прекрасно понимал, что Индия может добиться экономического прогресса только в условиях мира. Поэтому он был активным поборником всеобщей безопасности и международного сотрудничества, борцом за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

С первых же дней своего существования Республика Индия провозгласила политику неприсоединения. Подчеркивая позитивный характер политики неприсоединения и отвергая участие в военных блоках, индийское правительство заявляло, что неприсоединившиеся страны хотят использовать свой вес, каким бы он ни был, в пользу мира. Неру говорил: «Неприсоединившиеся страны обрели силу благодаря тому, что неприсоединившимися являются миллионы людей, которые не хотят войны».

Внутренняя и внешняя политика Республики Индии явно не устраивала западные державы. Мне вспоминается такой случай, который произошел спустя некоторое время после поездки в районы наводнения. В отеле «Сесиль», расположенном в живописном уголке Старого Дели, состоялось заседание Ассоциации иностранных журналистов. Здесь я повстречался с корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» Робертом Трамблом. Он тогда считался асом западной буржуазной журналистики.

— Читал,— сказал он мне язвительно,— о вашей поездке с Неру в Патну. Не всех он пригласил...

— Но ведь от Соединенных Штатов там был корреспондент. Не правда ли?

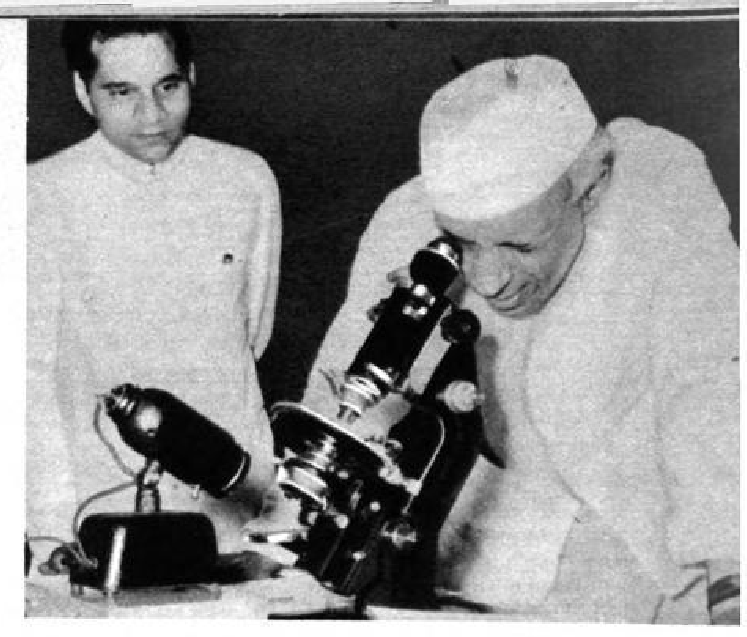
— Да, но там не было Роберта Трамбла.

Действительно, спрашивал я себя позднее, почему Бюро пресс-информации так игнорировало корреспондента «Нью-Йорк таймс»? Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать. Трамбл опубликовал в своей газете статью о так называемых серьезных разногласиях в правительстве Индии. Статья предрекала «неизбежное падение Неру». В связи с этим индийская газета «Пипл» вполне резонно спрашивала: «Не является ли это призывом к народу свергнуть Неру?» Во всяком случае, после этой публикации в «Нью-Йорк таймс» я не видел больше в Дели Роберта Трамбла. Он вынужден был перебраться в Японию.

Но тайные пружины продолжали действовать. За две недели до смерти Неру делийский корреспондент английский газеты «Обсервер» Сэрл Данн опубликовал статью под заголовком: «Шесть соперников за трон Неру». С чувством явного сожаления Сэрл Данн писал, что в течение почти двадцати лет Неру и его партия Национальный конгресс правили Индией, «не встречая серьезной оппозиции», и эта оппозиция, утверждал он далее, «должна (обратите внимание на слово «должна»!) появиться внутри правящей партии». Затем Сэрл Данн констатировал: «Претенденты заняты подготовкой своей платформы. Среди них ортодоксальный индуист Морарджи Десаи». Видимо, как показали недавние события в Индии, Сэрл Данн был весьма хорошо информирован. Оппозиция внутри партии Индийский национальный конгресс, получившая название «синдикат», одним из лидеров которой действительно является Морарджи Десаи, за последние годы подготовила довольно четкую программу, которая ставила своей целью захват власти в стране, смещение с поста премьер-министра Индиры Ганди и поворот Индии с тех исторических путей, которые были намечены ее демократическими силами.

Как известно, главный бой «синдикат» дал Индире Ганди по вопросу о национализации коммерческих банков. Но вернемся снова к прошлому. Предложение о национализации банков было выдвинуто в экономической программе Индийского национального конгресса еще в 1948 году. Деятели, которые ныне создали консервативную политическую группировку «синдикат», в то время как бы согласились с этим положением программы, но ловкими маневрами мешали Неру претворить его в жизнь. Незадолго до смерти Неру в январе 1964 года в Бхубанесваре — столице штата Орисса — проходил 68-й съезд партии Конгресса. Неру потребовал от партии конкретных шагов по национализации банков. Оппозиция, принимая во внимание преклонный возраст Неру и его серьезное заболевание, с помощью хитроумных маневров отложила принятие решения.

Но почему прозападная оппозиция так настойчиво саботировала проведение национализации банков? На этот вопрос убедительный ответ дает крупный индийский экономист Гьян Чанд. «Банки всегда были,— пишет он,— цитаделями реакции, инструментами для достижения целей общества, основанного на стремлении к прибыли».

Джавахарлал Неру изучает пробу индийских недр, в которых советскими специалистами открыта нефть.

Советский трактор в индийской деревне.

С тех пор прошло пять лет, пока Индире Ганди удалось осуществить национализацию коммерческих банков. Вот тут-то и показал свои клыки «синдикат», который пошел на открытый раскол правящей партии и блокирование со «Сватантрой» и «Джан Сангх». Но Индира Ганди, опираясь на самую широкую поддержку прогрессивных сил страны, смело разбила заговор реакционных сил, сумела сохранить за демократическим крылом своей партии большинство в парламенте. В год своего двадцатилетия Республика Индия вошла обновленной и окрепшей.

Многое, очень многое изменилось в Индии за двадцать лет. И дело не только в новых индустриальных гигантах и в том, что на реке Коси уже воздвигнуты плотины, дело прежде всего в людях: за эти двадцать лет появился новый гражданин Республики Индии — патриотичный и целеустремленный.

Тысячи индийцев читают сейчас на русском языке произведения В. И. Ленина, стоят у пультов домен и мартенов, проектируют машинное оборудование, работают на тромбейском атомном центре, получают дипломы и защищают диссертации в советских высших учебных заведениях.

— Пройдет время,— говорил более шестнадцати лет назад Джавахарлал Неру в старенькой «Дакоте»,— и вы не узнаете новую Индию.

Да, сегодня ее не узнать. Но впереди еще упорная и долгая борьба против внутренних и внешних зол...

Пройдет время. Несомненно, Республика Индия добьется еще более внушительных успехов. В этом логика прогресса, к которому так тянутся демократические силы страны.

Copyrighted material

УВЕРЕННОСТЬ

Григорий **ПОЖЕНЯН**

* * *

Все увязано плотно:
потолки и полы.
Полдни, сдвинув столы,
стынут в белых полотнах.
И на белом помосте,
обступив, как молва,
словно черные гости,
стоят дерева.
Словно черные вести,
сговорились они.
И не вместе,
а вместе.
И в толпе,
а одни.
А над всем в одичанье
из дырявой сумы
вьются снéги с грачами
черно-белой зимы.
Но весенние почки
разрядят карабин.
Брызнут красные строчки
из красных рябин.

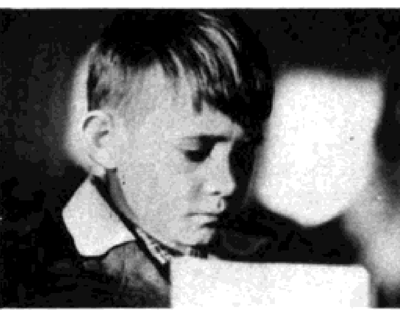
* * *

Из дождей и снегов
выбирал я и то и другое.
На своей справедливой войне
что дожди, что снега...
Если б мне отказала
живая нога,
я б стучал по камням
деревянной ногою
и добрел бы,
и ночь не была бы долгá.
Одиноким холмом,
мерзлым полем,
солдатской звездою
выверяю судьбу
и сберечь норовлю
все, что плачено мною,—
версту за верстою.
Что хранил — сохраню,
что любил — долюблю.

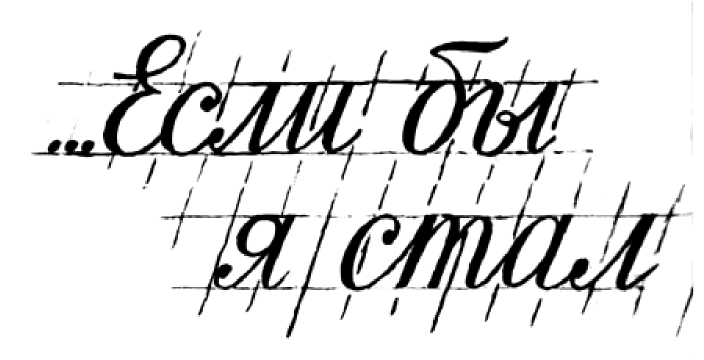
Сергей Труфанов.

Сочинение.
„Что бы я сделал, если бы
стал „волшебником?"
Если бы я стал волшебни-
ком. Я бы маме подарил
стиральную машину. Потому что
она стирает целые дни.
И устаёт. Я бы хотел
хорошо учится, на одни пятёр-
ки, и мой брат чтобы так
же учился!

Саша Кузнецов.

Сочинение
„Что бы я сделал, если бы стал
волшебником"
„Я бы стал летчиком-испытате-
лем и испытывал самолеты
Потому что я хочу видит звез-
ды рядом, потому что звезды ка-
жутся маленькими. А я хочу
видить их большими, как их
видил Юрий Гагарин"

...Если бы я стал

Молодая учительница Тамара Константиновна посмотрела по телевизору фильм «Почему снег белый?», в котором дети мечтают стать волшебниками. И задумалась. Ей казалось, что она хорошо знает свой 2-й «А»: кто способный, а кто тугодум, кого в перемену надо искать в гуще свалки, а кто всегда подпирает стенку, у кого промокашка с чернильными лапками сохраняется в тетрадке до последней страницы, а у кого уже на первой буйствуют кляксы. Но что сделал бы каждый, «если бы он стал волшебником»? Она дала классное сочинение на эту тему.

И вот 39 листочков с мечтами 2-го «А» лежат на уголке учительского стола. Вначале она хотела взять их для проверки домой, но, открыв первую работу, уже не могла оторваться.

В строчках, написанных восьмилетними детьми и пестревших ужасающими ошибками, открывался прекрасный и сложный мир людей XX века. Космические корабли летели к неведомым планетам, и бесстрашные космонавты вели фотосъемку, автомобили неслись на сверхзвуковых скоростях, львы в саваннах становились ручными, и на свете совсем не было войн... Можно без преувеличения сказать, что эти сочинения были плодом общественного воспитания — всего, что было впитано вместе с воздухом, без чего нельзя представить себе нашу жизнь. Ни один не написал, что хотел бы съесть в одиночку сто порций мороженого или скупить всех кукол «Детского мира». Но почти у каждого говорилось: «Чтобы все стали жить хорошо и дружно», «чтобы все люди

ТАЙНИК

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

«Доб — 1! Доб — 1!» Трудную задачу ты задал, злополучный «Доб».

Александр Порфирьевич Птицын долго рассматривает газетный лист, на белом поле которого, поверху, теперь уже отчетливо проступили три буквы и цифра: «Доб — 1». Всматривается в них так, словно ищет на белом поле газетного листа разгадку тайны, которая вот уже сколько дней не дает ему покоя. Поначалу казалось, что уже накрепко схвачено звено, уцепившись за которое можно потянуть всю цепь. Но вскоре выяснилось, что это даже и не звено, а всего лишь предположения. И только... Во-первых, не удалось выявить все те цифры, что обычно следуют после тире. А во-вторых и в-третьих — все загадки...

Грузный мужчина лет пятидесяти с густыми черными волосами, поблескивающими серебром у висков, внешне оставался спокоен. И только люди, близно знавшие Птицына, догадывались, как встревожен подполковник. Оставшись один на один с ворохом донесений, актов, экспертиз, протоколов допроса, он часами ворошил в памяти все, что относилось к этому, казалось бы, предельно ясному, но до сих пор не распутанному делу. Дальше «Доб — 1» не продвинулись. Из лаборатории сообщили:

— Все средства в ход пустили... На белом поле отчетливо виден адрес: «Доб — 1 — ». А нóмера квартиры так и не вытянули. После второго тире вроде бы цифра три и еще какая-то... Больше ничем помочь не можем. Через час получите газету...

И мелькнувшие было надежды рухнули.

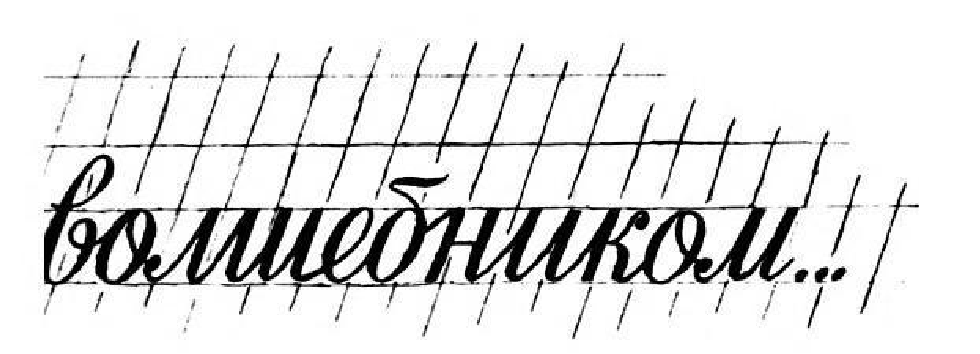
Птицын включил радио. Передавали музыку. А ему всегда хорошо думалось под негромко звучащую музыку: мозг начинал работать в том самом ритме, который принято называть вдохновением.

Жизнь приучила его мыслить реалистично. И по самым трезвым, практическим его расчетам получалось, что теперь, пожалуй, будет не так уж трудно разыскать владельца газеты, даже без номера квартиры. А от него уж рукой подать и до связного, до того, кто заложил деньги в тайник. Придется, конечно, повозиться. Не без этого. Но в Москве не так уж много подписчиков «Медицинской газеты», проживающих на улицах, названия которых начинаются с трех букв «Доб...». Однако орешек оказался куда крепче.

Но пора внести ясность во всю эту историю с «Доб — 1». Она началась примерно месяц назад, когда был арестован инженер Кириллов, начальник лаборатории научно-исследовательского института. Он возвращался из длительной зарубежной командировки. Было известно, что инженера завербовала вражеская разведка, что в Берлине в ресторане состоялась заключительная встреча с ее представителем, от которого Кириллов получил последние наставления.

Таможенники более тщательно, чем обычно,

Copyrighted material

Светлана Саматова:

«Я хочу быть учителем».

были счастливыми», «чтобы в каждой семье были хорошо все одеты», «чтобы никто не умирал...». «Я бы делала для всех все хорошее»,— писала Ира Баранова. И почти каждый листочек был таким подвигом любви и добра. Оно распространялось на всех людей вообще и на тех, кто всех дороже и ближе.

Какой прекрасной стала бы жизнь людей, животных и птиц, если бы сбылись мечты этих добрых волшебников! И как красиво стало бы кругом! Пусть бы «все было зеленое!» — пишет Сережа Триски. Кто знает, может быть, он станет поэтом... Вообще они, такие маленькие, все хотят быть работниками на земле, они выбирают себе профессии: «летчиком», «дрессировщиком», «шофером», «адмиралом». И как знак благодарности тем, с кем им уже довелось встретиться на жизненном пути: «Я мечтаю стать воспитательницей», «Я хочу стать учителем, хочу учить детей в школе». А некоторые добровольно берут на себя тяжелую ратную долю: кто-то должен ведь защищать этот мир! «Я бы стал пограничником, сторожить свою Советскую Родину. Чтобы не пройти врагу на нашу Родину».

Тамара Константиновна показала сочинения родителям ребят. И одна мама принесла их в редакцию — не могла не принести! Так родился этот репортаж.

М. ГРИНЕВА

Фото А. Бочинина.

Сережа ТРИСКИ

Если бы я был волшебником, я бы сделал так, чтобы все стали жить хорошо и дружно, чтобы все было зеленое, только дома и машины сверкали сквозь деревья. Чтобы солнце светило всегда и бесконечно. Чтобы на свете не было войны! А сам бы стал работать на заводе, где будут делать такие машины, что они будут летать по воздуху и возить людей из страны в страну.

Миша ИЛЬИН

Я бы сделал, чтобы все мамы не умирали. И чтобы Ленин был жив, и чтобы во Вьетнаме не было войны. И чтобы все любили свою Родину. И чтобы все помогали своим мамам, чтобы все люди были счастливыми. И я хочу, чтобы все учились, учились и еще раз учились.

Сережа ТРУФАНОВ

Если бы я стал волшебником, я бы маме подарил стиральную машину, потому что она стирает целые дни. И устает. Я бы хотел хорошо учиться, на одни пятерки, и мой брат чтобы так же учился!

Алеша ШМЕЛЬКОВ

Я бы поехал в заповедник. И стал бы ухаживать за животными, записывал птичьи голоса, фотографировал зверей и птиц. Я очень люблю животных. Я бы учил зверей не бояться людей.

Алеша САЗОНОВ

Если бы я стал волшебником, то я бы сделал, чтобы никогда не было войны. Потому что я люблю мирную жизнь, а плохую не люблю. Потому что в это время гибнет очень много хороших людей. Я хочу, чтобы всегда была свободна наша Родина.

Ира КУЗНЕЦОВА

Я хочу сделать так, чтобы моей маме было семнадцать лет, а бабушке двадцать пять. Чтобы они никогда не старились и не умирали. Потому что я их люблю. И еще я хочу, чтобы никто не умирал. А еще мне хочется, чтобы всегда было лето, светило солнце. А потом сразу Новый год.

Слава ЗНАМЕНСКИЙ

Я бы хорошо учился. Получать я хочу одни пять и четыре. И хорошо читать. А потом вырасти большим. И быть летчиком-испытателем. А почему я хочу быть летчиком? Я бы защищал свое небо. И еще я защищал бы нашу Родину.

Саша ЛАПКИН

Если бы я стал волшебником, я бы сделал себе крылья и облетел бы всю Землю. Покатался на слонах. Искупался в море Африки. Съел раков. Стал загорать на солнце. Посмотрел, какой там зоопарк. Посмотрел, как слоны работают. Потом облетел бы еще раз Землю, потом прилетел обратно в Москву.

Нелли ГАНИЕВА

Если бы я стала волшебником, я бы сделала, чтобы все люди жили хорошо. И чтобы в каждой семье было так, чтобы все хватало. И еще, чтобы в каждой семье были хорошо все одеты. И чтобы все люди на земле жили дружно.

Саша КУЗНЕЦОВ

Я бы стал летчиком-испытателем и испытывал самолеты. Потому что я хочу видеть звезды рядом. Потому что звезды кажутся маленькими, а я хочу видеть их большими, как их видел Юрий Гагарин.

осмотрели чемодан инженера, однако ничего, что могло привлечь их внимание, не нашли. Но с того часа, когда Кириллов вступил на советскую землю, его «передавали с рук на руки».

Кириллова передали «под опеку» подполковника Птицына. Генерал, ознакомив Александра Порфирьевича с делом, сказал:

— Есть основания арестовать инженера... Вот тут записи его бесед с разведчиками... Тут письма, сообщения, фотографии. И тем не менее считаю нужным воздержаться от ареста.

— Профилактика, Василий Михайлович? — спросил Птицын.

— Нет, совсем другое. Не тебе объяснять, сколь важно проследить связи Кириллова... Не выйдет ли кто на связь с ним? По нашим данным, Кириллову в Москве должны передать солидную сумму денег. Деньги и еще кое-что... Или из рук в руки, или через тайник. И тот и другой вариант побуждает меня пока воздержаться от ареста. Но тут, Александр Порфирьевич, ворох сомнений. Риск... Твое мнение?

Птицын молчал. Он, конечно, понимал: важно поймать Кириллова за руку, когда она потянется к тайнику или когда кто-то выйдет «на связь» с ним.

Еще тогда, когда научный сотрудник Птицын начинал свою деятельность на новом для себя поприще, старый чекист наставлял его: «Арестовать шпиона, когда он разоблачен и его преступная деятельность задокументирована, проще простого. А вот оставить его на свободе и, не спугнув, выявить каналы связи такого человека с резидентом — сложнее. Так что ты не торопись, когда на след нападешь. Иногда извилистая дорога оказывается наиболее прямою...» Это верно, но есть основания и для сомнений Василия Михайловича: риск! Неосторожность, нелепая случайность — Кириллова вспугнешь, и тогда потеряются связи, пропадут вещественные доказательства, а в итоге — проваленное дело.

— Что молчишь, дорогой мой? Сомневаешься, боишься? — И в глазах генерала засветилась так хорошо знакомая Птицыну острая и тонкая, но не обидная ирония.

Птицын молча пожал плечами.

— Не оригинально... Плечами легче разговаривать, чем языком. Так что скажешь? — допытывался генерал.

— О боязни, конечно, говорить не стоит, но о сомнении — естественно. Я ситуацию понимаю: большой риск, хотя и оправданный, и овчинка, пожалуй, будет стоить выделки.

...Рано утром дежурство принял лейтенант Бахарев. В недавнем прошлом комсомольский работник, мечтал он совсем другой дорогой по жизни шагать — литературный институт, служение поэтической музе, дружба с ней у него еще со школьной скамьи. Вырезка из газеты, напечатавшей первые стихи молодого рабочего Коли Бахарева, бережно хранится и поныне. Но что поделаешь? Вызвали в райком партии и попросили... Да так попросили, что отказываться вроде и неловко было.

— Какой из меня чекист... Мое дело «глаголом жечь сердца людей», а тут карающий меч...

Человек, сидевший рядом с секретарем райкома, улыбнулся, подошел к Николаю и похлопал его по плечу:

— Те, кто умеет «глаголом жечь сердца людей», сердцеведы, а они, Николай Андреевич, весьма дефицитная категория людей в нашем доме... Стихами же я, признаться, тоже балуюсь. Правда, по ночам. И тираж их весьма ограничен — один экземпляр...

...Инженер Кириллов жил на даче, смотревшей своими окнами на канал Москва — Волга. Там, на берегу, с удочкой в руках и примостился молодой «рыбак». Над водой еще стлался туман, но на дом уже легли первые лучи восходящего солнца, и в холодном воздухе раннего утра стояли ароматы трав, проснувшихся деревьев и влажной от росы земли.

Бахарев наслаждался пленительным буйством красок разбуженной природы и вспомнил прочитанное у кого-то: еще никогда ни человек, ни зверь, ни птица ни разу не сумели уловить того момента, когда солнце, появляясь, превращается из бледного, розового в розово-золотое, золотое... Как это удивительно точно подмечено!

Привычное обыкновение пофилософствовать на природе не покидает Николая Бахарева и сейчас, когда все его нервы натянуты, словно струны, хотя кругом покой, тишина и никаких тебе поводов для тревоги. Уже десятые сутки так...

И вдруг чуткое ухо уловило скрип калитки и тяжелые шаги. Обернулся. Он, он самый! Никогда за все десять суток инженер столь рано не поднимался. Тем более в воскресенье. Что бы это значило?

...Они вместе сошли с электрички — инженер и затерявшийся в толпе «рыбак».

Через час инженер стоял у ворот кладбища Донского монастыря. Стрельнул глазами вокруг: тихо, безлюдно. Потом вошел во двор и направился к отлитой из чугуна скульптуре, что с незапамятных времен стоит в нише монастырской стены. Инженер подошел поближе, нагнулся, еще раз стрельнул глазами вокруг и быстро стал шарить в пустотелом патрубке. Все точно соответствовало инструкциям, полученным им: пустотелый патрубок крепил к основанию скульптуры голову мифологического барана. В патрубке лежал пакет...

У ворот его ждали трое. Один из них — Птицын — шел сзади, двое следовали впереди. На улице было не так уж безлюдно, и инженер не обратил на них внимания. Несколько минут они неторопливо прогуливались. Птицын все еще надеялся: может, кто-то выйдет «на связь» с инженером.

Нет, никто не подошел к инженеру, не суждено сбыться вашим надеждам, товарищ Птицын! Придется довольствоваться программой-минимум: берите инженера, каков он есть, с пакетом, изъятым из тайника. Птицын громко закашлял, словно поперхнулся. Сигнал был тут же принят. Бахарев, шедший впереди, резко повернулся навстречу инженеру и осторожно, но уверенно взял его под руку.

— Вы арестованы! Вот ордер...

Тут же подкатила следовавшая в отдалении «Волга». Кириллова усадили в машину...

На этом мы, пожалуй, можем попрощаться с инженером, который, собственно, теперь уже имеет лишь косвенное отношение к той истории, о которой дальше пойдет речь. Все, что требовалось узнать и получить от него, узнали и получили. В КГБ ему предъявили запись его переговоров в берлинском ресторане и киноленту, зафиксировавшую инженера, когда он забирал пакет из тайника. Он ничего не скрыл, все выложил: и как его завербовали и какое дали поручение. Что касается тайника, то еще там, в Берлине, Кириллов получил инструкцию: в начале сентября на Пушкинской площади должно появиться его объявление об обмене квартиры. Текст объявления за подписью А. П. Трепетова ему дан в Берлине. А во второе воскресенье сентября, утром, от восьми до девяти, он должен отправиться на кладбище Дон-

Copyrighted material

ского монастыря, где в тайнике — схема его расположения тоже была вручена инженеру — будут лежать предназначенные ему деньги, лупа, таблетки для проявления тайнописи. В случае неудачи — неожиданные обстоятельства могут помешать обеим сторонам — повторить визит на кладбище в третий понедельник сентября. Как только операция с тайником будет завершена, на Пушкинской площади в тот же день, на той же доске должно быть наклеено объявление, подписанное Семирадским: «Продается кухонный гарнитур и холодильник «Саратов».

Когда арестованного увели, Птицын снова прочитал протокол допроса, потом перевел взгляд на Бахарева:

— А нам с тобой надлежит все же найти хозяина тайника.

— Легко сказать... За какую же ниточку еще ухватиться? Уж все, кажется, испробовали...

Действительно, было уже немало сделано в поисках человека, положившего в тайник деньги и таблетки. Кропотливое дактилоскопическое исследование показало, что отпечатков пальцев много и принадлежат они, видимо, женщинам. Но даже трудно установить, сколько было их, женских рук, державших газету. Пытались протянуть какие-то нити от номеров денежных купюр. Если кто звонил на работу Кириллову, то следовал ответ: «Он будет позже». Было установлено круглосуточное наблюдение за тайником в Донском монастыре — никто никакого интереса к нему не проявил: видимо, связной имел основание считать, что тайник уже пуст. Птицын поинтересовался у коллег, кто из иностранцев, причастных к разведке, бывал в последнее время в районе Донского монастыря. Но все эти попытки не увенчались успехом. «Ключи», которые были выявлены на допросе Кириллова, ничем не помогли Птицыну и Бахареву в их поисках.

В то утро Бахарев, заглянув в кабинет Птицына, застал его в настроении прескверном. Кивком головы поприветствовав Николая, он спросил:

— Какие новости? Какие предложения? — И, не ожидая ответа, объявил: — Вот какую нить будем тянуть.— И достал из сейфа газету, в которую были завернуты деньги, лупа, таблетки — все то, что лежало в тайнике.

Бахарев развел руками, а Птицын продолжал:

— Отправных данных маловато. Знаю. А попытаться надо. Газета такая могла быть только в доме медиков. «Медицинская газета». Теперь смотри сюда. Видишь на белом поле стертую временем карандашную пометку? Надо полагать, что это адрес... Рукой почтальона... Что скажешь?

— Тут и обсуждать нечего, Александр Порфирьевич. Все ясно. Сейчас пойду к себе в кабинет и напишу сопроводительное письмо в лабораторию с просьбой...

— Вот именно... Письмо, да еще с просьбой... Ты его, может, в типографии отпечатаешь, это письмо?.. Немедленно в лабораторию. Одна нога здесь — другая там! И не уходи, пока не проявят весь текст... Ясно? А я сейчас позвоню начальнику экспериментального отдела... Чтобы в темпе работу делали... Зеленой улицей...

И вот снова тупик: на белом поле газетного листа явственно проступили буквы «Доб» и рядом цифра «1». Видимо, номер дома. Соседнюю цифру — номер квартиры — так и не удалось выявить. Да еще оттиски пальцев разных рук, когда-то державших газету. И все. А дальше? Дальше ни шагу вперед...

Птицын затребовал список московских улиц, названия которых начинаются с «Доб», и направил своих сотрудников в дома под номером 1.

Александр Порфирьевич уже потерял было всякую надежду на успех избранного пути: в домах с № 1 никто не выписывал «Медицинскую газету». И вдруг телефонный звонок. Голос Бахарева:

— Докладываю. У меня сразу два подписчика.

* * *

...Гражданин Гринбаум жил в двадцать пятой, многонаселенной квартире. При своей угрюмоватой внешности он оказался поэтом... филателии. В глубине его завешенных косматыми бровями глаз лихорадочно горели задорные огоньки чудака-фанатика, одержимого своей страстью.

Фортуна явно благоволила Бахареву. Надо же было так случиться, что его «подопечный» при первой же попытке лейтенанта завязать с ним знакомство сразу же, что называется, с ходу, раскрыл себя.

С утра старик отправился в парк, где проходил традиционный день коллекционеров. Это встреча людей разных возрастов и профессий, для которых нет, кажется, большей радости в жизни, чем пополнить свою коллекцию еще одним каким-нибудь редкостным значком, диковинной монетой, уникальной спичечной коробкой или маркой. Вы можете называть этих людей как угодно: чудаками, фанатиками, одержимыми, дельцами, знающими, куда выгодно вкладывать деньги,— как хотите называйте их, но согласитесь, что это чертовски интересно — коллекционировать.

Не будет большим преувеличением, если мы отметим, что из всех коллекционеров, собравшихся в то утро на аллеях парка, выделялись филателисты. Они, по существу, оказались тут хозяевами. Недолго потолкавшись среди них, Бахарев без труда уловил приметы того высокого почтения, которое оказывали Гринбауму на этом прелюбопытнейшем сборе. Его окружили молодые ребята, что-то спрашивали, что-то показывали.

— Ефим Маркович, научите отличать поддельные марки?

— Милый мой мальчик. Научить этому очень трудно... Ты не раз попадешь впросак, пока каким-то особым чутьем не станешь улавливать подделку.

— Неужели так трудно?

Старик улыбнулся, положил свою жилистую волосатую руку на плечо мальчишки и сказал:

— Я тебе расскажу любопытную историю... Известный шведский филателист более двадцати лет коллекционировал... поддельные марки. Ты не удивляйся. Есть и такие странные люди. Специально собирал поддельные марки. Однажды он решил продать свою коллекцию. И нашел покупателя. И о цене договорились. Большую, хорошую цену давали. Но сделка не состоялась. При тщательной экспертизе выяснилось, что половина его коллекции — подлинники. А ведь швед был не простак среди филателистов.

Бахарев вступил было в спор со стариком: «Простите, но это смахивает на анекдот». Потом задал несколько вопросов, блеснув широким филателистическим кругозором. Затем похвастался своей последней покупкой весьма и весьма редкой марки. Так они и познакомились.

Бахарев отрекомендовался студентом Литинститута, у которого две страсти — поэзия и марки. У него друзья за рубежом, и потому он смеет утверждать, что располагает коллекцией действительно уникальных марок.

Гринбауму как-то с первого взгляда пришелся по душе этот молодой человек, блондин с пышной шевелюрой и озорными серыми глазами, и он тут же пригласил его в гости: «Заходите, чайку попьем... Покажу вам мои марки. А вы ту вашу, редкую, захватите. Любопытно взглянуть».

Редкостную марку, принесенную Бахаревым, старик взял дрожащими руками. Он долго и пристально рассматривал ее — и на свет и в лупу.

— Молодой человек, я могу предложить вам... Гринбаум назвал высокую цену и выжидающе смотрел на гостя. Но тот только мило улыбнулся в ответ.

— Нет уж, увольте, Ефим Маркович, не продам. Я же пришел к вам как к знатоку... Хочется посмотреть вашу коллекцию... И вообще мне приятно познакомиться с таким... Ну, как бы это точнее сказать? Вы же король...

Через полчаса они уже дружески чаевничали. Юрист по профессии, Гринбаум тоже оказался поклонником поэзии.

— И я вам покаюсь, молодой человек. Иногда даже мучаюсь рифмою. Идешь по улице, а она, проклятая, в голове сверлит и сверлит: «благородной» — «свободной», «славить» — «забавить». Черт ее побери, эту рифму! Идешь по улице, а в голове жужжит: «свой» — «простой», «поэта» — «света». Это же дьявольское наваждение какое-то!

Старик долго рассуждал по поводу назойливых рифм, а потом робко спросил:

— Вы, наверное, много стихов знаете? Побалуйте старика.

— Стихи я могу читать хоть до утра.

В открытое окно струился свежий, пронизанный осенним солнцем воздух. Легкий ветерок растрепал черные, как смоль, курчавые волосы старика. Он подошел к окну и закрыл глаза — для него стихи звучали, как музыка. А когда Бахарев прочел что-то из Тютчева, Гринбаум тяжело вздохнул, понурил голову и сказал:

— Никогда не нужно задерживаться в отеле, именуемом «жизнь». Наступает время, когда человек должен сказать сам себе: «Сударь, соблаговолите освободить номер...» Так вот-с, молодой человек...

— Что это вас, Ефим Маркович, на такую мрачность повело?

— Ничего не поделаешь, мой молодой друг. Умирать никому не хочется. А болезни атакуют и атакуют. Широким фронтом... Я сопротивляюсь, сколько могу. Вот видите,— и он показал на книжный шкаф,— даже медицинскую энциклопедию купил. Смеяться будете над стариком. Я и «Медицинскую газету» выписываю... Аккуратно подшивку веду... А что делать?

— Да нет, почему же? Все это очень любопытно. И даже то, что «Медицинскую газету» выписываете. Ее, вероятно, небезынтересно листать.

— Только при вашем здоровье да при вашей специальности она вам ни к чему... Впрочем, если хотите, полюбопытствуйте...

Бахарев неторопливо перелистывал подшивку. Январь, февраль... На какую-то долю секунды взгляд задержался на знакомой полосе, и рука его дрогнула чуть-чуть: она здесь, на месте, в подшивке — газета, экземпляр которой бережно хранится в сейфе Птицына... Все! Ставка на Гринбаума бита. Бахарев подумал: «Надо сниматься с якоря и прокладывать курс к 38-й квартире, где тоже выписывают «Медицинскую газету». Но это уже для коллеги. Мне здесь больше появляться нельзя, ненароком можно столкнуться лицом к лицу с филателистом, 38-я квартира всего лишь этажом выше».

И все же перед уходом он решил провести легкую разведку. Коль скоро Гринбаум завел речь о болезнях и медицине, нетрудно переключить разговор на лечащих его врачей. И выяснилось, что Анна Михайловна из 38-й квартиры по долгу службы в районной поликлинике да по долгу давнишней дружбы, восходящей еще к довоенным временам, и есть тот единственный врач, которому безгранично доверяет чудаковатый Гринбаум.

— Молодой человек, если вам когда-нибудь потребуется доктор в самом высоком смысле этого слова, соблаговолите позвать Анну Михайловну. Если она возьмется вас лечить, считайте, что вы уже здоровы. Это говорю вам я, Ефим Маркович Гринбаум, у которого столько болезней, что их хватит минимум на половину медицинской энциклопедии. Анна Михайловна — кудесник... Вы когда-нибудь принимали капли Вотчела? Напрасно так саркастически улыбаетесь, даже здоровому перед сном они полезны... Ну, конечно, вы уже решили, что у старика не все дома.— И он выразительно стал буравить пальцем свой висок.— При чем тут капли Вотчела, думаете вы? Капли ни при чем. А Вотчел... Вы не будете смеяться над стариком? Даете слово? Я три раза перечитывал эту книгу... Страстная публицистика... Советую почитать: поэзия в медицине. Авиценне приписывают такое изречение: «Врач должен обладать глазом сокола, руками девушки, мудростью змия и сердцем льва». Анна Михайловна именно такая... Да, да! Редкое сочетание... Хотите, я вас сейчас познакомлю? Вам будет интересно, даже если вы сам Поддубный.

Старик принадлежал к числу тех людей, которые, однажды дав волю безудержным излияниям, останавливаются с большим трудом. Он частенько впадал в это состояние говорливости. Так и сейчас. Старик умолк лишь на мгновение, потом вскочил с места и схватился за голову, будто случилось что-то страшное, и снова неудержимый поток слов.

— Дорогой мой, я забыл о самом главном: Аннушка ведь тоже филателист. Она никогда не простит мне, если я вас отпущу с этой вашей маркой... Собирайтесь, сударь... И не сопротивляйтесь. Между прочим, ее дочка — очаровательное создание. Несколько, правда, взбалмошная. Но это смотря на чей вкус... Ей бы, пожалуй, давно следовало замужем быть, а она, изволите видеть, в невестах все еще пребывает... Эх-хе-хе! Трудно ее жизнь сложилась. И характер не сахар... Ну, ну, это я просто так, к слову... Один момент, я только позвоню Аннушке. Женщины всегда хотят быть в форме, когда в доме появляются интересные мужчины.

Бахарев недолго оставался сам с собой, со своими пока еще сумбурными мыслями: «Что сей сон значит?» Старик быстро вернулся в комнату, сияющий, довольный.

— Все в порядке! Через полчаса нас ждут... Между прочим, я вас должен предупредить: так, как варит кофе доктор Эрхард, никто не умеет варить.

— Эрхард? Странная фамилия...

— О, это я по старой памяти величаю ее. Теперь она Васильева. Девичья фамилия.

— А Эрхард?

— По мужу... Его уже нет... Простите, я не совсем точно выразился. Физически он существует, но для нее он труп, живой труп. Это большая трагедия. Бедная Аннушка!

Гринбаум взглянул на часы.

— Извольте-с! В нашем распоряжении полчаса, и я, пожалуй, успею кое-что рассказать вам об удивительной жизни этой женщины... Нет повести печальнее на свете... Литератору, вероятно, будет небезынтересно. Может пригодиться для сюжета... Присаживайтесь и слушайте. Только, чур, с Аннушкой на эту тему ни слова...

* * *

На третий день войны доктор Эрхард получила повестку из военкомата. Для нее это не было неожиданностью: почти все ее коллеги уже стали военврачами. Она заранее продумала все, что касается дома, семьи. Собственно, думать надо было только о Маришке. Фридрих Эрнестович, хотя это была не родная его дочь, души не чаял в девочке и категорически настаивал на немедленной эвакуации. В понедельник вечером Маришку отвезли к бабушке в рязанскую деревню. А что касается самого Фридриха Эрнестовича, учителя немецкого языка, то здесь все ясно: не сегодня, так завтра его призовут в армию. Переводчики сейчас очень нужны...

Прощались сурово, молча. К чему слова? Все уже было сказано еще до этой тяжелой минуты последних объятий. Все было переговорено, недобрым словом помянут и трижды проклят Гитлер: такие они строили чудесные планы — и вот война... Как это ни странно, женщина оказалась крепче мужчины — ни одной слезинки! Фридрих, высокий, сильный, широкоплечий — богатырь, не выдержал, всхлипнул.

— Ты побереги себя, любименькая! Ты же у меня совсем слабенькая...

Учитель немецкого языка с ожесточением говорил о фашистах:

— Майн готт! Как это случилось, что в стране, давшей человечеству Карла Маркса, Гете, Шиллера, хозяйничают эти выродки, звери, варвары!.. Аннушка, мне стыдно людям в глаза смотреть... Я принадлежу к той же нации, что и эти...— И он заплакал.

Анна успокаивала его:

— Не терзай себя, лапонька,— так нежно она его называла, человека, который был на много старше ее.— Не надо заниматься самобичеванием. Ты же совсем другой...

Она молча, по-мужски, по-солдатски уходила на войну. Только крепкое объятие и всего лишь несколько слов:

— До свидания, Фридрих, до встречи на фронте... Мы обязательно встретимся там. Я верю. Я жду тебя... Письма будем посылать маме.

Бог ты мой, если бы Анна знала тогда, какой она будет, эта встреча!..

...Фридрих исчез на следующее же утро. Не ушел, а исчез. Вроде бы отправился в школу, налегке. И больше в квартире его не видели. Соседи терялись в догадках, высказывали разные предположения: несчастный случай, к тёще в деревню подался, ушел добровольцем в ополчение, прямо из школы, а может быть... Нет, в такое не хотелось верить.

Copyrighted material

Один из вариантов — ополчение — отпал. Через три дня пришла повестка из военкомата. Тогда забили тревогу, сообщили домоуправу: «Некому повестку вручать — исчез сосед». Домоуправ — в милицию, в военкомат. Начался розыск. В школе Эрхард не был. К теще не заезжал. Среди жертв несчастных случаев не значился. Пришел лейтенант милиции. В присутствии понятых открыли комнату. Все на месте. Стали искать хоть какую-нибудь фотокарточку Фридриха — для милиции, для розыска — не нашли. Тогда кто-то из соседей вспомнил странную причуду учителя: не любил фотографироваться, суеверный был, что ли.

Фотографию, конечно, милиция нашла. В школьной анкете. Но лейтенант милиции тем не менее счел нужным подробно записать свидетельства соседей о странной причуде учителя немецкого языка...

Розыск, предпринятый милицией, не дал результатов. Да и трудно было надеяться на успех в те тревожные, суматошные дни, когда сотни тысяч беженцев кочевали с запада на восток, когда, кажется, полстраны находилось на колесах. Ищи иголку в стоге сена...

Одна из соседок, Мария Григорьевна, написала о случившемся в рязанскую деревню. А через три месяца получила письмо Аннушки, та уже знала обо всем от матери. Военврач сообщила Марии Григорьевне свою полевую почту на случай, если вдруг объявится Эрхард. Она всегда была оптимисткой.

Но, увы, военная судьба Анны Михайловны сложилась печальнейшим образом. Тяжелые бои. Окружение. Тщетная попытка вырваться из огненно-стального кольца. Последняя отчаянная схватка горстки обессилевших воинов, две недели скитаний по лесам. Ранение. Плен. Гнусное предложение пойти на службу к немцам. Дерзкий отказ. Лагерь. Попытка к бегству. Поймали. Били резиновыми дубинками, пинали сапогами, скручивали веревками и снова бросали в барак — теперь это уже был барак особо опасных, барак строжайшего режима.

А здесь... Здесь было все, что уже известно по многим рассказам узников лагерей смерти.

Она стойко встретила все испытания и быстро нашла единомышленников — бороться, бороться и бороться! Даже тут, где смерть может настигнуть тебя каждый час. Их была небольшая горстка военнопленных, не терявших надежду на новый, более успешный побег.

Надежда эта, как бальзам,— еще кровоточили на теле следы побоев и ранений, еще свежи были в памяти все унижения, каким с изощренным мастерством подвергали их на допросах. Теперь допросы позади, и они просто-напросто заключенные лагеря, погребенные во чреве этого мрачного барака, со скудным светом, сочившимся из двух запыленных лампочек под потолком. Так прошла первая неделя. И вдруг ночью в барак явилось высокое для здешнего лагеря начальство. Эсэсовец прошелся вдоль нар — его лица никто не видел, а он всех мог рассмотреть.

На рассвете, когда заключенных погнали на особо трудные работы, ее одну почему-то вызвали к коменданту лагеря. Все, в том числе и она сама, решили, что это конец.

Долговязый лейтенант, царь и бог в здешнем бараке, передал ее по всей форме офицеру комендатуры и, расплывшись насмешливой улыбкой, многозначительно провел ребром ладони по горлу.

Анну повели к домику с зарешеченными окнами. У входа стояли часовые, державшие на привязи волкоподобных псов. «Еще один допрос, снова пытки, снова побои»,— подумала она.

...В комнате стоял полумрак. Хозяин все предусмотрел: лица его не было видно, фигура оставалась в легком затемнении. Зато настенный светильник ярко озарял человека, переступившего порог. Но Анна и не старалась разглядеть коменданта лагеря, к чему? И только голос, голос немца, восседавшего за массивным письменным столом, заставил ее вздрогнуть. Он сказал лишь одно слово: «Садитесь». И вздрогнула она совсем не потому, что само это приглашение в устах коменданта концлагеря прозвучало по меньшей мере чудовищно неправдоподобно, нереально. Ее ошеломил сам голос, которого она уже давно не слышала. Нет, это не он. И вдруг:

— Садись, Анна!

И прежде чем она успела опомниться, фашист встал из-за стола, подошел к ней и обнял ее...

Анна очнулась в палате госпиталя. Глубокий обморок длился более часа. В палате она лежала одна. Открыла глаза, оглянулась и простонала.

Дежуривший около нее санитар тут же сорвался с места и куда-то помчался, а через несколько минут явился Фридрих. За эти несколько минут Анна все вспомнила, и первая, ошеломляющая своей неожиданностью мысль, что пришла ей в голову, была и радостной и тревожной: «Фридрих — наш разведчик в тылу врага. Только бы не выдать его, только бы сдержать себя...» Как истый конспиратор, она поначалу никак не могла уразуметь, почему, собственно, Фридрих так рискованно (хотя они и остались вдвоем) ведет себя, называя ее Аннушкой, предлагая чашку куриного бульона, проявляя нежную заботу... Что он, совсем голову потерял? Она приложила палец к губам, как бы напоминая, что и стены имеют уши, будь осторожен... Он не сразу понял, за кого его принимает Анна. И только сообразив, в чем дело, расхохотался...

— Ты что же, решила: Фридрих — советский разведчик?

Позже, когда придут советские войска и ее освободят из лагеря, она узнает, что Фридрих, ее Фридрих, которого она так боготворила, был действительно разведчиком, но только немецким. Все годы их дружной предвоенной жизни. Это уже скажут ей там, куда она придет, чтобы поведать обо всем случившемся с нею. Они, эти люди, внимательно слушавшие ее, знали о нем уже больше, чем она сама. Пятнадцать лет скромный учитель немецкого языка никак и ничем не обнаруживал себя, чтобы в час войны сбросить маску...

Аннушка, восстанавливая в памяти каждую минуту своего страшного бытия в лагере, поведала чекистам во всех деталях про ту встречу с Фридрихом. И как он ласково увещевал ее:

— Пойми, судьба России решена. Гибель. Крах... Ты будешь рядом со мной, моей помощницей... А если хочешь — врачом в госпитале. А еще лучше, если ты...

Одно предложение гнуснее другого. Он хотел бы снова бросить ее в барак, но... в качестве своего агента. Худенькая, слабенькая, кажется, едва теплилась жизнь в ней, а она с кулаками: «Подлец!» Глупая, Анна еще пыталась в чем-то убеждать его, взывала к совести, разуму, напоминала о прошлой жизни, о дочери... Потом он переменил тактику: угрожал, рисовал страшные картины будущего.

— Если ты даже снова попадешь к своим... Чепуха, это невозможно, это исключается, чудес на свете не бывает... Но предположим. Ведь они тебя расстреляют. Кто поверит жене шпиона? В бараке уже все знают...

Нет, он не сломил ее воли. Хотя Анну каждый день вызывали к нему. И все те же увещевания и угрозы, ласки и побои. Потом ее снова уводили в карцер: «Посиди, подумай». Она не сдалась и тогда, когда повели на расстрел. Позже ей стало ясно: это был последний козырь Фридриха, садиста, который, прожив с ней почти десять лет, так и не узнал ее по-настоящему. Бледная, она стояла у стены, а пули ложились поверх головы и сбоку. И после каждого выстрела офицер спрашивал ее: «Не хочет ли русская женщина повидать шефа?»

Эрхард понял: никакая сила не сломит сопротивления Анны. Он перестал ее пытать. Но в барак к своим она так и не вернулась больше. Может, это и к лучшему, ей было страшно от одной только мысли: «Что они думают сейчас обо мне?» Анну отправили в лагерь специального режима, где она находилась под особым наблюдением. Первое время военврача еще вызывали к какому-то рыжему оберштурмфюреру, который хмуро спрашивал ее, не передумала ли русская и не имеет ли она желания снова встретиться с мужем. Он, оберштурмфюрер, получил на сей счет особые указания...

Свобода пришла за несколько дней до окончания войны. Кругом радуются, ликуют, обнимаются. На ее глазах какая-то томившаяся в лагере женщина среди воинов-освободителей встретила мужа. А она, военврач II ранга, тоже радуется, тоже ликует, но... Кто снимет тот тяжелый камень, что лег на ее истерзанную душу в ту трижды проклятую минуту, когда она увидела Фридриха? «Жена шпиона» — это прилипнет к ней надолго.

...Гринбаум перевел дыхание и, слегка кивая головой, продолжал:

— Увы, минуло немало времени, отмеченного новыми суровыми испытаниями — физическими и духовными, пока тяжкий камень был снят, пока Аннушке не было сказано: «Мы вам верим. Спасибо за стойкость! Забудьте, что у вас когда-то был муж».

Она расплакалась. Ибо камень-то все же на душе остался, и есть дочь, которая все знает... Знает и,— может, это только показалось маме? — где-то подсознательно надеется на возвращение отца, хотя и не родного, но любимого.

— Эх, дети, дети,— гудит на всю комнату Гринбаум.— Отцы и дети... Извечная проблема, доложу я вам, молодой человек. Я не в осуждение молодежи говорю это. Но как вам понравится, девчонка ни черта еще в жизни не видела, а мать поучает. «У тебя,— говорит,— эта подозрительность со времени культа... Я не совсем уверена, что вся история с папой выглядит именно так, как она тебе представилась...» Нет, спорить с ней бесполезно. Сечь, только сечь. Что, а? Смеетесь? Того же поля ягодка. Как это у вас теперь принято говорить: критический реализм... Нигилизм. Ну, ну, пойдемте... Только прошу, сударь, помните про уговор. С Аннушкой о жизни ее — ни слова. Вы ничего не знаете. Убьет меня, если... Договорились?..

Продолжение следует.

Copyrighted material

Охотничьи были

В. ЗАПЕЧНОВ

МИМОХОДОМ

По пути к озеру Чаканному я нередко сворачиваю в Мозгачев лесок и, если терпит время, брожу тут с ружьем часок-другой. Хорошо остаться наедине с тихими полянками, уставленными белобрысыми копнами сена, с плавным покачиванием вербовых веток, с крестиками куличьих следов на песчаной отмели Дона... Еле приметной тропинкой можно неслышно подойти к колдобинам Кривой косы и пальнуть из тальника по чиркам: они любят ковыряться в илистой грязи луж, остающихся здесь от весеннего паводка.

Но в этот раз мне не повезло. Лужи были пусты, а по берегу торчали сторожки чьих-то удочек с подвешенными к ним колокольчиками. Неподалеку, около повалившегося тополя, чернел неуклюжий дощаник, примотанный якорной цепью к вывороченным из яра кореньям.

Выбравшись из кустарника, я увидел и самого рыбака. На мыску стоял Васяточка в позе бегуна, ждущего команды «марш». Его бородка напряженно топорщилась, одна штанина была подсучена, а другая болталась в реке, обтягивая острое колено. Судорожно перехватывая руками шнур, Васяточка все больше подавался вперед, словно тащил из воды кита или еще какую-нибудь невидаль.

— Валя,— обернулся он,— помоги... Там, под каршей, черпачок...

Оказывается, рыба клюнула с такой силой, что выдернула сторожок из земли и чуть не утащила его вместе с челноком в реку. Васяточка даже сачок не успел захватить. Я подоспел с сачком как раз в тот момент, когда рыбак выбирал из воды первый крючок своей снасти. Леска вдруг резанула струю и пошла на течение. В мутно-зеленой глуби блеснул желтым боком сазан-пудовик.

— С головы бери! — командовал Васяточка.— Да не латаши ты... Уйдет!

Самодельный сачок оказался мал. Огромная рыбина, задетая его кругом, так крутнула от берега, что едва не вырвала у меня из рук орудие лова, а Васяточка, чертыхнувшись, бросил леску и сунул в рот указательный палец со свежим порезом.

— Не пролезет в черпак, окаянный,— выдохнул мой приятель, и губы его мелко задрожали.

Но Васяточка не был бы самим собой, если бы в ту же минуту его не осенила идея.

— Из ружья надо бить,— сказал он, хватая ускользающий шнур.

Я намекнул, что пора охотнику на зорьку, да и патронов у меня всего-то один подсумок. Лучше уж взять сазана с лодки сомовым багорчиком.

Но старик тут же пристыдил меня:

— Дружбу забываешь, Валентин. Сам пропадай, а товарища выручай. Из ружья надежнее всего...

Снова сазан у берега. Помня наказ приятеля бить по кабаржине, чтобы не пересечь поводок, целюсь в темную спину рыбы. Выстрел! Фонтан брызг. Но вместо сазаньего брюха там, куда стрелял, лишь торопливо разбегающиеся круги...

Вот тут-то и началась потеха. Охотничье самолюбие взбурлило, и я забыл, что на озере сиротливо пустует уютный захлест, дожидаясь своего хозяина. Выстрел следовал за выстрелом. От мыска и до поваленного тополя берег потонул в пороховом дыму. Над Жилым островом орали всполошившиеся чайки и вороны.

Очнулись мы, когда из подсумка был извлечен последний патрон.

— Передохни малость,— посоветовал мой друг.— Надо разобраться... Не иначе, ты не даешь ему выплыть наружу, а воду дробью не прошибешь.

Васяточка был прав. Теперь я решил не стрелять, пока рыба не появится на поверхности. Напуганный отчаянной пальбой, сазан долго не подходил к берегу, упорно сопротивлялся. Наконец, метрах в шести от меня показался его широкий загривок. Я нажал на спусковой крючок. Сквозь дым увидел, как перевернулся сазан. Васяточка с мальчишеской прытью выволок его на песок и, не вынимая крючка, понес к луже, подальше от реки.

— Тут тебе спокойней будет,— шептал он, не сводя глаз с донского красавца, еще шевелившего плавниками.— На выползка взялся, родной...

Как ни старался я разделить радость старика, но не мог этого сделать до конца. Вниз по течению плыли пыжи всех моих патронов, а в сторону Чаканного с криком и свистом проносились стайки уток. Вечерняя заря была непоправимо потеряна.

После этой встречи с Васяточкой я долго не наведывался на Кривую косу, добираясь до озера кратчайшим путем.

ВАСЯТОЧКИНЫ ПУЛИ

Охотничий ларек дрожал от хохота. Васяточка вошел в раж и третий час подряд рассказывал о своих приключениях.

— Петя,— обратился он к своему дружку,— не дай сбрехать. Помнишь, как я под Старой Золотовкой одним зарядом лису и волка ухлопал?

И, не дожидаясь, что ответит Петя, Васяточка продолжал:

— Забрались мы как-то с Петром Кузьмичом в Цыганский кут. А терны там страшенные! Кузьмич норовит полянками их обойти, а я в самую гущину подался. Пробираюсь, как медведь. Кое-где на четвереньки становлюсь. Глядь — в ближнем кусту волк на меня зубы оскалил, а рядом с ним лиса хвостом помахивает. «Ну,— думаю про себя,— Василий, была бы у тебя двустволка, показал бы ты, как надо зверя брать! А то у переломки один ствол, как палец, да и тот пулей заряжен».

Как быть? Потом присмотрелся и вижу: между волком и лисой терннинка торчит из-под снега. Прицелился я в нее. Бах! Пуля об ветку на две части рассеклась — и в разные стороны. Одна половинка по волку, другая — по лисе...

— Вот здорово! — не выдержал какой-то юнец, слушавший Васяточку с раскрытым ртом.— А где вы, дедушка, такие пули достаете?

— Это, парень, только я могу такие пули отливать...

ОБИДЧИВЫЙ ЧИРОК

Знаете Быстрик? Юркая такая речушка, петляющая в густых тальниках по всему Богоявленскому займищу. Петр Кузьмич Ситников, самый заядлый из охотников, каких мне приходилось встречать, утверждает, что в августовские жары, когда пересыхают мелкие озера, Быстрик бывает до отказа набит крыжаками. Будто бы птицы сидят под прохладной лозой так тесно, что от их дыхания по середине речки пробегает легкая рябь.

Не знаю, так это или не так, но утка на Быстрике держится. Это точно.

Как-то в один из прозрачных дней позднего лета я охотился здесь с приятелем Борисом Белдиным. Петлеши с дичью все сильнее оттягивали ремни наших брюк. Мы стали присматривать место для привала, когда впереди меня схватилась стайка чирят. Я выстрелил. Одна из уток, кувыркнувшись в воздухе, шлепнулась в ежевичник. Она изо всех сил трепыхалась, хлопая крылышками. Под темным утиным глазком рдела капелька

ИЗБРАННИК ПРЕЗИДЕНТА

Начало — на стр. 6—7.

разницу клали к себе в карман. У фирмы были свои руководители, свои акции на бирже и, естественно, держатели этих акций. Одним словом, все, как положено у деловых людей в США.

С течением времени фронт воровства на почве Западной Германии стал, по всей вероятности, узок для возросших аппетитов ловких сержантов. Они поняли, что есть иной, более доходный рынок для их махинаций. И тут случилось нечто совсем невероятное: почти все сержанты, компаньоны по фирме «Меридем лимитед», перебазировались во... Вьетнам. Позже мы объясним, каким образом произошло это невиданное перемещение. В Западной Германии остался, так сказать, филиал фирмы, а сам Уолдридж с главными своими коллегами вдруг объявился в Южном Вьетнаме. Здесь они также стали во главе армейских клубов и развернули свою воровскую деятельность в еще более широких масштабах.

Уолдридж и компания работали нагло. И не мудрено, что порой кое-кто из них на чем-нибудь попадался, но каждый раз выходил сухим из воды. Даже сам Уолдридж на первых порах своей деятельности в Западной Германии попался было на воровстве, а в зените его славы с ним произошел, прямо скажем, смешной случай: он был буквально схвачен за руку, когда пытался нелегально провезти большие запасы спиртного на личном самолете... командующего всеми американскими вооруженными силами в Южном Вьетнаме. Вот тут, казалось бы, и конец карьере гангстера в мундире! Но нет! Все обошлось...

Время шло. Расширялся бизнес сержантов. Вот уже часть из них отпочковалась от вьетнамского отделения фирмы «Меридем лимитед» и перебралась в США, тоже, разумеется, на армейские базы и все в те же самые клубы. Для более успешного внедрения сети филиалов фирмы в США прибыл из Вьетнама и сам Уолдридж.

Как только разразился скандал в связи с аферами Уолдриджа и его коллег, всплыли имена их высоких покровителей и компаньонов. В самом деле, уж где-где, а в любой армии солдат зависит от сержанта, тот, в свою очередь, от офицера и генерала. Каким бы ловкачом сержант ни был, а без содействия вышестоящих начальников он не сможет разъезжать из Европы во Вьетнам, а оттуда — в США. На командировочных предписаниях сержантов стояли подписи офицеров. Следователи американской военной полиции добрались до этих офицеров, а через них — и до кое-каких генералов.

Оказалось, что западногерманский филиал сержанта Уолдриджа прикрывал сам командир дивизии, генерал-майор Уильям Каннингхем. Об этом пикантном факте из славной военной биографии генерала свидетельствовал на следствии весьма авторитетный человек, подполковник Уильям Джордж, работавший в штабе этой дивизии. Кстати, как только он начал расследовать аферу сержантов, ему позвонил домой по телефону некто, не назвавший своего имени. Он весьма недвусмысленно сообщил подполковнику, что знает, где и когда дети Джорджа ходят каждый день в школу. А генерал-майор Каннингхем, со своей стороны, сказал подполковнику, что дело сержантов не стоит выеденного яйца и запретил посвящать в него военную полицию.

Вскоре после перемещения в Южный Вьетнам сержант Уолдридж и его коллеги встретились все с тем же генералом Каннингхемом, чтобы разработать новую для себя отрасль бизнеса — махинации с валютой на черном рынке.

После того как сержантско-генеральская фирма изрядно нажилась во Вьетнаме, последовало новое перемещение ее директоров — на сей раз в США. Уолдридж был переведен в Соединенные Штаты по личному приказу самого генерала Гарольда Джонсона.

Но самым скандальным, самым сенсационным разоблачением в деле сержанта Уолдриджа было активнейшее участие в нем генерал-майора Карла Тёрнера. Из генеральских чинов это первый, так сказать, младший чин, но по занимаемой должности Карл Тёрнер был фигурой, которую знала вся американская армия. Знала и трепетала, ибо он был начальником военной полиции армии США. Ветеран, имевший 38-летний послужной список, кавалер многих высших орденов, хранитель чистоты и нравственности американской армии!

Теперь выяснилось, что это именно он долгое время пытался замять скандал с фирмой Уолдриджа. На первой стадии расследования, когда генерал Тёрнер был еще полностью уверен в своем всемогуществе, он официально охарактеризовал Уолдриджа «добрым деревенским парнем». Здесь эпитет «добрый» был произнесен генералом, видимо, не без оснований. Из своего многомиллионного бизнеса сержант Уолдридж регулярно отчислял генералу немалые суммы.

Но и этих побочных доходов ге-

Copyrighted material

крови. Не помню, почему я не подвесил чирка на петлеши. Может быть, не захотел портить мелочью вид увесистых плотных крякашей, а может, просто поспешил к Борису, который развязывал рюкзак с харчами под дуплистой ракитой.

Подкрепившись, мы увлеклись описанием всевозможных охотничьих курьезов, а чирок клевал носом рядом с ружьями. И вдруг я поперхнулся на полуслове, увидев его настороженно вытянутую шею. Рука невольно потянулась к ожившей уточке, а та вспорхнула и, чуть не сбив с Бориса кепку, пустилась наутек. Мы кинулись к ружьям. Дружно прогремели выстрелы. Но так как оба мы стреляли с широко раскрытыми глазами, то чирок даже перышка на память не уронил.

Вскоре он скрылся из виду.

— Боря,— спрашиваю у товарища,— с чего бы это он? А?

— Кто его знает. Наверное, обиделся, что к обеду не пригласили.

РЕШАЮЩИЙ ВЫСТРЕЛ

Гусь повалил внезапно. Я возвращался с пятой по счету неудачной зари, измокший, усталый, зарекаясь не ходить на охоту, пока не начнется настоящий пролет. С севера вдруг потянуло холодом. В засыпанных листьями лужах стал позвякивать тонкий ледок... И тут над поселком прокричал первый табун гусей. За ним — второй, третий... Часть птицы оседала на задонских озерах. Со стороны Ильменя доносился такой гвалт, что я понял: сегодня мне не придется отогреваться в домашней постели — и повернул к Борису. Куда девалась усталость! Через четверть часа ноги мчали нас к переправе, а в мозгу рисовались картины одна ярче другой: и посвист крыльев над головой, и гулкий дуплет, и всплеск упавшей на воду птицы...

Но мечты охотников часто разбиваются о непредвиденные преграды. В паромной сторожке, куда мы ворвались с приятелем, раздавался залихватский храп Наумыча, заклятого врага нашей непоседливой братии. Большой любитель помариновать охотников, он не раз заставлял нас часами стоять на студеном ветру, надрывая глотку воплем: «Ло-о-дку!»

И надо же было попасть под его дежурство! А когда мы рассмотрели под лавкой, на которой спал Наумыч, пустую бутылку из-под «Московской», стало ясно: дела наши очень плохи. Хмельной Наумыч способен на любую злую шутку. Мы с трудом растормошили старика. Он свесил с лавки худые ступни, окинул нас мутным взглядом и забормотал что-то о дурной голове, которая ногам покоя не дает. Перевозить нас отказался наотрез.

— Ветер,— подчеркнул Наумыч многозначительно.— И утонуть недолго. Перевернет посудину, кто отвечать будет?

Никакие доводы о служебных обязанностях не могли убедить упрямого паромщика.

— Хотя бы по делу торопились,— ворчал он,— а то так... носит нелегкая.

Но вот, словно вспомнив что-то необычайно веселое, Наумыч ухмыльнулся и достал из-под лавки злополучную бутылку.

— На пятнадцать сажен доразу разобьешь из ружья? — спросил он у меня, хитро поблескивая глазками.— Тогда перевезу. А нет, так за каким хреном пущать вас на озеро? Птицу пугать?

Я знал, что возражать бесполезно. Старик может послать нас ко всем чертям и снова завалиться спать.

— Идет,— согласился я.

Наумыч осмотрелся, нет ли поблизости запоздалого лодочника, и поставил мишень на столбик частокола у самой воды. Я прицелился. В темноте бутылка слилась со столбом в еле различимый силуэт. До слез напрягая глаз, я пытался поймать на ленту стволов верхушку столба. Хоть бы краем заряда зацепить! В случае промаха нам придется сидеть здесь до утра, дожидаясь парома. А это значит прозевать дичь. Чуть свет гуси снимутся с озера и улетят в степь на попас.

Раза три поднимал я и снова опускал бескурковку. Наконец, махнув на все рукой, решил стрелять навскидку, так, как на поздней заре, когда утка маячит над тобой темным пятном. Выстрел ослепил глаза, стеганул дробью по черной воде. Звона разбитого стекла не было слышно.

— Смазал,— спокойно сказал Наумыч, уверенный в промахе.

Мы с Борисом побежали к частоколу. На столбике стояло лишь донышко бутылки. Не подкачал охотничий глазок! Наумыч поплелся за веслами, а мы чуть не плясали от радости. Сейчас заскрипят уключины, и старый баркас понесет нас на ту сторону Дона, к милому Ильменю, над которым не умолкает гусиный гам.

ЯПОНСКИЕ МАТРЕШКИ

Выставка игрушек в Музее искусств народов Востока стала традицией. Изделиями народных умельцев Японии, Индии, Африки, Бирмы, Средней Азии, Индонезии приходят любоваться стар и млад. Особенно многолюдно в двух залах, где выставлены многочисленные экспонаты японских мастеров.

Игрушки в Японии — непременный атрибут всех праздников, всех торжеств. Они воспитывают и развлекают детей, украшают жилища. Кроме детских, существуют народные, сувенирные и религиозные игрушки — талисманы. Огромной популярностью пользуются деревянные куклы кокэси, напоминающие наших матрешек. В каждой префектуре Японии установлен свой особый тип кокэси, отличающийся росписью, цветом, одеждой и даже прическами...

Материалом для большинства самобытных произведений прикладного искусства служит трава, солома, шишки, гипс, парча, папье-маше, дерево, кость и разные другие материалы. А в день девочек, ежегодно отмечающийся в Японии, девочкам дарят те же кокэси — игрушки и куклы из парчи. Вместе с цветами их ставят в комнате на небольшую лестничку, обтянутую красной тканью,— таков старинный обряд.

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора.

нералу Тёрнеру явно не хватало. Оказалось, что у него самого был свой личный, генеральский, бизнес, независимый от фирмы сержанта Уолдриджа. Дело в том, что по должности Тёрнер был тем человеком, у которого сосредоточивалось большое количество ручного огнестрельного оружия. Оно конфисковывалось военной полицией армии США у тех, кому таковое носить не положено. И догадливый генерал давно наладил сбыт этого оружия владельцам оружейных магазинов. Сбывал за полцены, ибо ему оно досталось и вовсе даром. Так что наживался и он и торговцы оружием. Все были довольны. В ходе следствия были обнаружены чеки на несколько тысяч долларов каждый, по которым Тёрнер получал доллары за свои сделки. Любопытно, что генерал сбывал свой товар не только в оружейные магазины, но даже и полицейским боссам (тоже, разумеется, гревшим руки на этих генеральских поставках). Например, у Тёрнера были такие деловые связи с начальником чикагской полиции Джеймсом Конлиском.

При рассмотрении этого дела в американском сенате сенатор Рибикоф задал вопрос генералу Тёрнеру:

— Как вы могли пойти на эту сделку, заведомо зная, что она незаконна?

— Это моя оплошность, сэр. Я понимаю теперь это. Но когда сам начальник полиции уверял меня, что все будет в порядке, я не мог не положиться на него,— отвечал генерал.

— Другими словами,— заключил сенатор,— вы и начальник полиции были вовлечены в деятельность, которая противоречит законам штата Иллинойс.

— Видите ли, сэр,— заявил находчивый генерал,— я не очень знаком с законами штата Иллинойс.

Прямо скажем, не очень убедительно оправдывался генерал Тёрнер перед столь высокой инстанцией, какой является американский сенат. Что же касается сержанта Уолдриджа, то сенатор Рибикоф, человек, видимо, начитанный, глубокомысленно определил его как «личность, больше похожую на книжного героя, чем на реальное лицо».

Как бы там ни было, генерал Тёрнер и сержант Уолдридж отделались легким испугом. Правда, американская армия и того и другого наказала. Во-первых, оба вышли в отставку. Во-вторых, обоих лишили самой высокой воинской награды в США, которой они были отмечены в свое время,— медали за выдающуюся службу.

Надо думать, что и тот и другой смогут безбедно доживать свой век на доходы, полученные ими с уже описанной нами сержантско-генеральской фирмы «Меридем лимитед».

СМОТРИ ПОСЛЕДНЮЮ СТРАНИЦУ ОБЛОЖКИ

«ЧИТРА» НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

Десять лет не сходит со сцены Куйбышевского театра оперы и балета «Читра» — спектакль, созданный по мотивам поэтической драмы Рабиндраната Тагора «Читрангада».

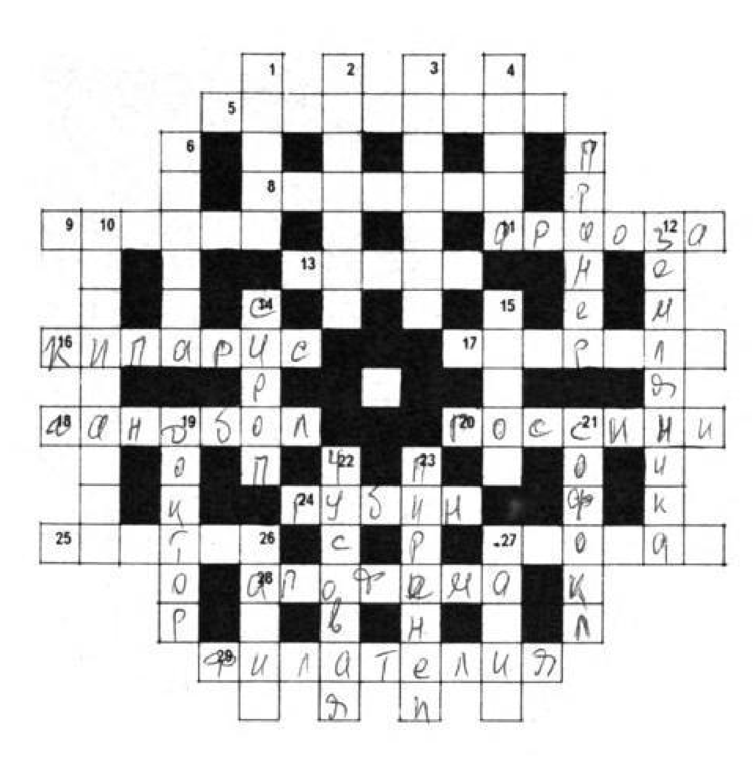
— Все началось с радиопередачи, посвященной творчеству Рабиндраната Тагора,— вспоминает заслуженный деятель искусств РСФСР Н. В. Данилова.— «Читрангада» так меня поразила, что на ее основе я решила поставить балет. Но когда в Куйбышев прислали магнитофонную пленку радиопередачи — а в те годы я работала главным балетмейстером Куйбышевского театра оперы и балета,— оркестранты прослушали ее и в один голос заявили, что даже не представляют, как подступиться к национальной музыке, исполняемой на неведомых им инструментах. Я попросила композитора М. Черемухина переложить музыку для фортепиано, получив клавир, составила сценарий балета, а на основании этого сценария и клавира народный артист СССР Н. Ниязи написал музыку для «Читры».

Ставить балет помогала артистка Большого театра В. Бочарова, которая два года изучала индийский танец. А потом в Куйбышев приехала внучка Рабиндраната Тагора, одна из лучших исполнительниц роли Читры, Нандина Крипалани. Без нее, конечно, ничего бы у нас не получилось. С утра до вечера Крипалани пропадала в театре: показывала, как надо танцевать, как ходить, обучала условной жестикуляции,— а в индийском танце даже положение того или иного пальца многое означает. Нандина помогала нам делать костюмы и даже подарила свое платье — сари. 19 июня 1960 года состоялась премьера «Читры», а через год мы выступали с балетом в Москве, на торжественном вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Рабиндраната Тагора.

Так у великого поэта и музыканта Индии появился еще один дом — на берегах Волги...

Н а с н и м к е: солисты Куйбышевского театра оперы и балета Светлана Россет и заслуженный артист РСФСР Виктор Сергеев в ролях Читры и Маданы.

Copyrighted material

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Рассказ М. Горького. 8. Дневная бабочка. 9. Список, указатель, перечень. 11. Небольшая ария. 13. Порт на берегу Индийского океана. 16. Вечнозеленое хвойное дерево. 17. Грузинский народный танец. 18. Спортивная игра. 20. Итальянский композитор. 24. Драгоценный камень. 25. Областной центр в УССР. 27. Морское животное семейства дельфиновых. 28. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 29. Коллекционирование марок.

По вертикали: 1. Белорусский писатель. 2. Химический элемент. 3. Стихотворное произведение. 4. Метрическая мера веса. 6. Небесное тело. 7. Образное определение. 10. Поэма К. Ф. Рылеева. 12. Ягода. 14. Концентрированный раствор сахара. 15. Приток Тисы. 19. Ученое звание. 21. Древнегреческий философ. 22. Река на Урале. 23. Горная система в Европе. 26. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 27. Точка, противоположная зениту.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 4. «Камаринская». 7. Оперетта. 10. Секстант. 12. Драга. 13. Гармоника. 15. Точка. 17. Страз. 18. Определение. 19. Класс. 21. Ампир. 23. Калькутта. 27. Сапер. 29. Экстракт. 30. Терапевт. 31. Ковалевская.

По вертикали: 1. Фартинг. 2. Пихта. 3. Баккара. 5. Кролик. 6. «Стучит!». 8. Петропавловск. 9. Адур. 10. Сани. 11. Несчастливцев. 14. Оттенок. 16. Анонс. 17. Сфера. 20. Судеты. 22. «Мазепа». 23. Казаков. 24. Лист. 25. Торт. 26. Абордаж. 28. Падеж.

На первой странице обложки: Режиссер народного театра Туяна Бадагаева. Колхоз имени Ленина, Баргузинский район, Бурятская АССР.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Сцена из балета «Читра» в постановке Куйбышевского государственного театра оперы и балета.

Фото К. Каспиева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00311. Сдано в набор 6/I-70 г. Подп. к печ. 20/I-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 27. Тираж 1 970 000 экз. Заказ № 60.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Самая полная коллекция грузинского чая.

Д А, П О

И. МЕСХИ **Фото Г. Хамашуридзе.**

О многом узнаешь, когда знакомишься с почтой Тбилисского Дома чая, с тем, что сюда присылают... Наверное, не просто чашка чая, хотя бы и очень вкусного, вызвала у жителя города Андижана Героя Советского Союза Сульги Лутфулина желание преподнести Дому чая узбекский сервиз. Эрнст Весер тоже пил чай в этом Доме. А вернулся в Цюрих и отправил в дар Дому красивые швейцарские настольные часы. Значит, его что-то тронуло, что-то взволновало? С. Т. Король из города Ромны называет это «вниманием к мелочам». Он в Доме не бывал, он написал сюда письмо с просьбой прислать ему наложенным платежом несколько пачек хорошего чая. Не очень-то верил в свою затею, а когда получил посылку да к ней подробное письмо с советами и добрыми словами, был признателен безмерно. «Если б у нас такого внимания, таких мелочей было побольше,— пишет он,— жизнь наша заметно бы украсилась!..» Да, очень внимательны к мелочам люди, которым доверено выработать стиль этого пока что единственного такого учреждения.

...Когда Тамаре Ноевне Гванцеладзе сказали, что ее назначают директором Дома чая, она даже обиделась. Что же это такое? Ей, которая еще в тридцатых годах вместе с академиками А. И. Опариным, А. Л. Курсановым и профессором К. М. Джмухадзе закладывала основы первого биохимического контроля в чайной промышленности, ей, руководительнице крупных биохимических лабораторий, заслуженному инженеру-технологу, предлагают работать в чайной? Но именно от нее и зависело сделать так, чтобы это была не просто чайная, а и музей, и лаборатория, и консультация — всего понемножку. И внести в Дом свою искренность, свою женственность, свое знание дела и атмосферу служения ему.

Наверное, оттого потом и потянулись из этого Дома самые разнообразные нити:

к Ярославскому судостроительному заводу, в лабораторию научной организации труда, которая взамен газированной воды для питья в горячих цехах стала применять чай. И запросила консультацию у Дома. И Дом дал эту консультацию и послал образцы чая. И когда в Доме узнали о том, что у ярославцев нет зеленого чая, стали бомбардировать соответствующие организации, чтобы снабжать этим чаем;

в Горловку, в управление магистральных газопроводов, которое возымело желание применить чайный напиток для рабочих компрессорных станций. А попутно выяснилось, что местный институт гигиены и профзаболеваний устроил в глубоких шахтах соревнования подсоленной воды, кофе, кваса и чая. И победил чай;

в поселок Дальний, Тюменской области, к Михаилу Маслякову, который аккуратно сообщает, как у него идут дела с кровяным давлением после приема зеленого чая по советам Дома;

и к некоей Ефросинье Пасечник из Одесской области, неистовой чаевнице, которая даже на работу в термосе чай носит. И так рада посылке из Дома, что хотя и не знает никого из тамошних работников по фамилии, но считает всех товарищами своими;

и в Сибирь, к рабочему совхоза Е. Илларионову, который не может придумать, как отблагодарить своих друзей из Дома, присылающих ему хороший чай. Может, соленого сальца выслать;

и к пионерам шестого класса «А» города Неман, Калининградской области, которые пригласили шестой «Б» на чай;

и к звенку Ивану Ивановичу Коненкину, который замечает, что хотя северные народы много пьют чая, но неумело заваривают его, кипятят заварку прямо в больших чайниках, отчего улетучиваются полезные компоненты. Надо бы научить их;

и в Бельгию к коммерсанту, закупившему 2 600 тонн грузинского чая. А началось с того, что он, будучи в Тбилиси, зашел в Дом вместе со своей женой и детьми, выпил здесь отменного грузинского чая и узнал о его свойствах.

Ну, а в самом Тбилиси? Никак тбилисцы перестали пить вино и перешли на чай? Нет, не перестали, не перешли. (Кстати, одно не исключает другого. Для всего свое время и место.) Но, наверно, что-то да значит, когда в городе рядом с университетом есть великолепный Дом, где можно посидеть за чашкой чая с пирожными, где столы прекрасно сервированы, где к услугам любознательных — специалисты по чаю во главе со старшим консультантом Мариной Евангуловой. Работники Дома выезжают со всеми своими аксессуарами на заводы и фабрики, в институ-

Copyrighted material

ты, организуют телепередачи, викторины... И, как правильно заметил побывавший тут однажды башкирский писатель Рамиль Ханимов, работу эту нельзя измерить сиюминутными показателями, ибо речь идет о том, что облагораживает душу и дает усладу телу.

Пошел чай, пошел... А было время, мы только говорили об этом («Огонек» № 27 за 1961 год). «Напрашивается вопрос о Доме чая или клубе чаелюбов. Почему его нет до сих пор в Тбилиси, на родине отечественного чая? Почему не создать его в столице нашей, Москве?..»

Большую, широко заметную пропагандистскую чайную глыбу подняла грузинская республиканская газета «Соплис Цховреба» («Сельская жизнь»), и в частности редактор ее, журналист Михаил Давиташвили. И вот уже «Ленинградская правда» печатает замечательное выступление слесаря завода «Электросила» Г. Максимова,

Дом чая в Тбилиси.

Хозяйка Дома—Тамара Ноевна Гванцеладзе.

ЧАЕВНИЧАЕМ!

Чаепитие.

призывающего вспомнить хорошую традицию питерских рабочих — встречаться за чайным столом. И «Союзторгреклама» устраивает пышный телевизионный Чайный аукцион. И мы, огоньковцы, намерены продолжать уже начавшееся в прошлом году путешествие в мир чая до тех пор, пока не появятся у нас места культурного чаепития и чай, наконец, не займет подобающее ему место в море напитков, которые поглощает человек.

Говорят, что капля камень точит. Мы добавим: чайная капля...

В вестибюле этого Дома чай растет прямо в кадках.

Copyrighted material